
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
(УНИВЕРСИТЕТ) МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»



ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ
В МГИМО
ЖУРНАЛ
№ 3(23) 2020

Издательство
«МГИМО-Университет»
2020

Редакционная коллегия:

Главный редактор, Председатель редакционной коллегии – Иовенко Валерий Алексеевич,

д-р филол. наук, проф. (Россия, Москва, МГИМО);

Зам. главного редактора – отв. секретарь – Ивушкина Татьяна Александровна,

д-р филол. наук, проф. (Россия, Москва, МГИМО);

Зам. главного редактора – Евтеев Сергей Валентинович,

канд. филол. наук, доцент (Россия, Москва, МГИМО);

Smirnova Ludmila – PhD, prof. (Mount Saint Mary College, New York, USA);

Алексахин Алексей Николаевич – д-р филол.н., проф. (Россия, Москва, МГИМО);

Балдицын Павел Вячеславович – д-р филол.н., проф. (Россия, Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова);

Гладкова Елена Львовна – канд. филол. наук, доцент (Россия, Москва, МГИМО);

Голубкова Екатерина Евгеньевна – д-р филол. наук, проф. (Россия, Москва, МГЛУ);

Гуревич Татьяна Михайловна – д-р культурологии, к.филол.н., профессор (Россия, Москва, МГИМО);

Иванов Николай Викторович – д-р филол.н., проф. (Россия, Москва, МГИМО);

Кизима Марина Прокофьевна – д-р филол.н., проф. (Россия, Москва, МГИМО);

Лосева Наталья Владимировна – канд. филол. наук, доцент (Россия, Москва, МГИМО);

Набати Шахрам Сирус – к.филол.н., доцент (Исламская республика Иран, Решт, Гилянский университет);

Позднякова Елена Михайловна – д-р филол. наук, проф. (Россия, Москва, МГИМО);

Пономаренко Евгения Витальевна – д-р филол. наук, проф. (Россия, Москва, МГИМО);

Репенкова Мария Михайловна – д-р филол.н., доцент (Россия, Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова);

Храмченко Дмитрий Сергеевич – д-р филол.н., доцент, проф. (Россия, Москва, МГИМО).

Чеснокова Ольга Станиславовна – д-р филол. наук, проф. (Россия, Москва, РУДН);

Штанов Андрей Владимирович – канд. филол. наук, доцент (Россия, Москва, МГИМО);

Шубина Эльвира Леонидовна – д-р филол. наук, проф. (Россия, Москва, МГИМО);

Ястребова Елена Борисовна – канд. пед. наук, доцент (Россия, Москва, МГИМО).

Филологические науки в МГИМО: Журнал. № 3(23) 2020 / Гл. ред. В.А. Иовенко. – М.: МГИМО-Университет, 2020. – 138 с.

В журнале публикуются статьи российских и зарубежных ученых, педагогов, аспирантов и магистрантов. Выходит ежеквартально.

Рубрики: лингвистика и межкультурная коммуникация; переводоведение; инновационные методики и компетентностный подход в преподавании иностранных языков; литературоведение и лингвокультурология.

В журнал принимаются статьи на 10 языках: русском, английском, немецком, французском, испанском, итальянском, китайском, японском, арабском, хинди.

Журнал включен в Перечень ВАК (с 6 июня 2017 г.) по специальностям «10.01.00 Литературоведение», «10.02.00. Языкознание»; EBSCO, РИНЦ (Российский индекс научного цитирования).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) ПИ № ФС 77-66596 от 21 июля 2016 г.

ISSN 2410-2423

© Московский государственный институт международных отношений (университет)

МИД России, 2020

© Коллектив авторов, 2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЛИНГВИСТИКА И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Алексахин А.Н. Лингвистические принципы создания алфавита и орфограмм слов китайского языка путунхуа.....	5
Андреев Н.И. Немецкие речевые манипуляции в текстах о России.....	16
Беляков М.В. Вербальная составляющая дипломатических войн новейшего времени (лингвостатистический анализ).....	25
Новиков Д.Н., Брицына Н.М. Концептуализация системы морали в современном англоязычном политическом дискурсе в контексте феномена глобализации (на материале выступлений в Организации Объединенных Наций).....	33
Степанян К.А., Горшунов Ю.В., Горшунова Е.Ю. Британские государственные, общественные и политические деятели конца XX – начала XXI века в рифмованном сленге.....	42
Шаховский В.И., Волкова П.С. Язык как система: значение и смысл.....	48
Филичкина Т.П. Современная Россия в объективе фразеологии (на материале англоязычных медиатекстов).....	63
Чигашева М.А. Гендерная политкорректность в немецком языке (на материале публичных выступлений политических деятелей).....	72

ИННОВАЦИОННЫЕ МЕТОДИКИ И КОМПЕТЕНТНОСТНЫЙ ПОДХОД В ПРЕПОДАВАНИИ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

Леденева Т.В., Зинкевич Н.А. Проблемы обучения современных студентов реферированию иноязычного текста.....	80
Масловец О.А. Роль и место интенциональности как основы обучения иностранному языку в русле диалога культур.....	88

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

Ахмади Мирейла, Бахарлу Хади, Хатами Шахрбану Лингвокультурологический анализ фразеологизмов со значением «гостеприимство» в русском и персидском языках.....	96
Буряковская В.А., Дмитриева О.А. Кликбейт как лингвокультурный феномен (на материале русского, французского и английского языков).....	105
Гамбарова А.Г. Концепт «корова» («бык») как архетип в древних письменных текстах.....	113
Ларионова М.В. Лозунг в испанском политическом дискурсе: когнитивно-языковое и прагматическое измерение....	121
Яковлева Т.А. Национально-культурная специфика австрийского немецкого в сферах экономики, политики и права.....	131

CONTENTS

LINGUISTICS AND INTERCULTURAL COMMUNICATION

Alexey N. Aleksakhin	
THE LINGUISTIC PRINCIPLES OF CREATING ALPHABET AND WORD ORTHOGRAMMS OF CHINESE PUTONGHUA.....	5
N.I. Andreev	
GERMAN SPEECH MANIPULATION IN TEXTS ABOUT RUSSIA.....	16
Mikhail V. Belyakov	
THE VERBAL COMPONENT OF THE MODERN TIME DIPLOMATIC WARS (LINGUOSTATISTICAL ANALYSIS)	25
Dmitry N. Novikov, Nastasia M. Britsyna	
THE CONCEPTUALIZATION OF MORALITY IN MODERN ENGLISH-LANGUAGE GLOBALIZATION DISCOURSE: EVIDENCE FROM THE UNITED NATIONS SPEECHES.....	33
K. Stepanyan, Y. Gorshunov, E. Gorshunova	
BRITISH STATE, PUBLIC AND POLITICAL FIGURES OF THE LATE 20TH - EARLY 21ST CENTURY IN RHYMING SLANG	42
V.I. Shakhovskiy, P.S. Volkova	
LANGUAGE AS A SYSTEM: MEANING AND SENSE.....	48
T.P. Filichkina	
MODERN RUSSIA IN FOCUS OF PHRASEOLOGY (BASED ON THE MATERIAL OF ENGLISH LANGUAGE MEDIATEXTS)	63
M.A. Chigasheva	
GENDER POLITICAL CORRECTNESS IN GERMAN (ON THE MATERIAL OF POLITICAL LEADERS PUBLIC PERFORMANCES)	72

INNOVATIVE METHODS AND COMPETENCE APPROACH IN TEACHING FOREIGN LANGUAGES

N.A. Zinkevich, T.V. Ledeneva	
THE PROBLEM OF TEACHING MODERN STUDENTS TO SUMMARIZE A FOREIGN TEXT	80
O.A. Maslovets	
THE ROLE AND PLACE OF INTENTIONALITY AS THE BASIS FOR TEACHING FOREIGN LANGUAGES IN LINE WITH THE DIALOGUE OF CULTURES	88

LITERATURE AND LINGUOCULTUROLOGY

Mireyla Ahmadi, Hadi Baharloo, Shahrbanoo Hatami	
LINGUOCULTURAL ANALYSIS OF PHRASEOLOGICAL UNITS WITH THE MEANING «HOSPITALITY» IN THE RUSSIAN AND PERSIAN LANGUAGES.....	96
Valeria A. Buriakovskaia, Olga A. Dmitrieva	
CLICKBAIT AS A LINGUISTIC AND CULTURAL PHENOMENON	105
A.G. Gambarova	
CONCEPT “COW” (“BULL”) AS AN ARCHETYPE IN ANCIENT WRITTEN TEXTS.....	113
Marina V. Larionova	
SLOGAN IN THE SPANISH POLITICAL DISCOURSE: COGNITIVE, LINGUISTIC AND PRAGMATIC DIMENSION	121
Tatiana A. Yakovleva	
NATIONAL-CULTURAL SPECIFICITY OF AUSTRIAN GERMAN IN THE SPHERES OF ECONOMY, POLICY AND LAW	131

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ СОЗДАНИЯ АЛФАВИТА И ОРФОГРАММ СЛОВ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА ПУТУНХУА

А.Н. Алексахин

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

Создание алфавита и орфограмм слов китайского языка путунхуа является эпохальным событием в истории китайской цивилизации. Это вдохнуло новую жизнь в древние китайские иероглифы. Великий «немой» – китайский иероглиф – впервые с 1958 года для всего мира заговорил звуками пекинской речи. Сегодня два вида письменности китайского языка путунхуа, традиционная идеографическая и инновационная фонографическая, эффективно взаимодействуя, обеспечивают лингвокультурное единство китайского социума и научно-технический прогресс КНР. Миллионы людей в Китае и за его пределами изучают китайский язык на основе использования звукобуквенного стандарта слов китайского языка путунхуа. Буквенные орфограммы слов китайского языка обеспечивают теле-интернет коммуникацию сотен миллионов китайцев. На основе разработанной в русле российского китаеведения теории фонологической системы китайского языка впервые раскрывается технология воплощения фонологической системы китайского языка в алфавите и орфограммах слов китайского языка путунхуа. Китаизированный алфавит, созданный на основе латинских букв, и буквенные орфограммы слов китайского языка являются огромным научным достижением китайских лингвистов. Выдающийся вклад в создание алфавита и орфограмм слов китайского языка путунхуа внёс блестящий китайский лингвист Чжоу Югуан (1906-2011), которого в Китае называют «отцом пиньинь цзыму» или китайского алфавита.

Ключевые слова: алфавит, орфограмма слова, китайский язык, идеографическая письменность, фонографическая письменность, фонема, согласная, гласная, матрица, фонетический закон

11 февраля 1958 года Всекитайское собрание народных представителей (ВСНП) единогласно утвердило «**Проект записи слов китайского языка буквами китайского алфавита**» (汉语拼音字母方案 hànǔ pīnyīn zìmǔ fāng'àn). Проект включает китаизированный алфавит на основе латинских букв и правила записи этими буквами простых односложных слов китайского языка, например, *huǒ* 火 «огонь», *chē* 车 «телега». В 1984 году в КНР были опубликованы правила орфографии, в которых за единицу написания принято слово. Статистической нормой современного китайского языка путунхуа являются двусложные слова, которые, как правило, являются про-

изводными и образованными по определённым морфологическим моделям путём сложения простых непроеизводных слов. Например, приведённые выше простые слова образуют производное слово *huǒchē* 火车 «поезд», в котором простые слова, являясь морфемами, имеют только ассоциативное значение. Таким образом на основе научного познания отдельности слова решается орфографическая проблема слитного и раздельного написания слов [24, с. 290-296]. После многолетнего практического применения эти правила орфографии в 2012 году были утверждены Государственным управлением КНР по техническому надзору. На этом завершилась техническая разработка Проекта. Окончательно

была решена принципиальная научная проблема, как записывать производные многосложные слова китайского языка – раздельно по слогам или слитно. Принятые орфографические правила основываются на научном познании и признании того, что и в китайском языке, как и в других языках, центральной единицей языка является слово, а не иероглиф [23, с. 14]. Давление многовековой традиции, согласно которой центральной единицей китайского языка считается иероглиф, сохраняется и в XXI веке. Об этом говорят встречающиеся издания учебных пособий по китайскому языку и в КНР, и в РФ, в которых по исторической инерции утверждается, что центральной единицей китайского языка является иероглиф. В иероглифических текстах слова не выделяются раздельным написанием, расстояния между иероглифами одинаковы. Поэтому при чтении иероглифических текстов читающий выделяет слова, складывая отдельные иероглифы в слова, на основании знания слов. На основе фонематического алфавита и буквенных орфограмм слов созданы оптимальные азбуки для глухонемых и слепых, а также телеграфный код [24, с. 262-277]. Это стало возможным благодаря качественному различию традиционной **идеографической** иероглифической письменности и инновационной **фонографической** письменности. Качественное различие двух видов письменности обеспечивает количественный скачок числа их письменных знаков, необходимых для записи слов: 57 букв и 13 тысяч иероглифов используется для записи 68 тысяч слов в нормативном словаре китайского языка [1, с. 31].

На правительственном сайте Министерства образования КНР размещена информация о том, что 10 мая 2018 года в Пекине был организован симпозиум, посвящённый шестидесятилетию опубликования этого Проекта. В материалах Симпозиума подчёркивается, что Проект относится к одному из выдающихся достижений в истории развития китайской культуры, являясь классическим представителем передовой социалистической культуры и инновационным, основополагающим свершением в области языка и письменности с китайской спецификой. Он необходим для коммуникации в китайском социуме, соединяет Китай с внешним миром и вносит большой вклад в великое возрождение китайского народа [26].

Создание «звукобуквенного стандарта слова китайского языка путунхуа» [3, с. 384]; [1, с. 6-25] (под этим понимается запись слов китай-

ского языка китаизированными буквами или создание буквенных орфограмм слов китайского языка по определённым орфографическим правилам) стало возможным благодаря научному познанию фонологической системы этого языка. Фонологическая система любого языка человека является уникальной и образует своего рода генетическую систему, состоящую из фонем данного языка. Фонемами являются звуки речи данного языка, которые образуют и различают звуковые стороны слов этого языка или «номем» по В.М. Солнцеву [17, с. 198]. Например, номемы слов русского языка *дам* - *дом* - *дым* различаются гласными /a/ - /o/ - /ы /, поэтому в фонологической системе русского языка эти гласные звуки речи являются фонемами или номеморазличающими звуками русской речи и поэтому в алфавите русского языка представлены соответствующие буквы «а», «о», «ы». «Идеальный фонографический алфавит должен состоять из столько букв, сколько фонем имеется в данном языке» [14, с. 366]. Именно фонематический принцип положен в основу создания алфавита и орфограмм слов китайского языка путунхуа [23, с. 12-14]. Этот принцип применительно к китайскому языку путунхуа обосновал и реализовал один из основных разработчиков алфавита и проекта записи слов китайского языка буквами китайского алфавита Чжоу Югуан 周有光 (1906-2017), которого в Китае называют «Отцом китайского алфавита» [18, с. 6-7].

Проблемам определения и выделения фонем китайского языка посвящён огромный список литературы как в Китае, так и за рубежом. Разброс мнений в определении количества фонем тоже большой. Например, инвентарь гласных фонем определяется в количестве трёх, шести, семи, восьми, десяти, тридцати пяти и пятидесяти двух фонем [3, с. 14]; [6, с. 202]. Сформулировано даже мнение о том, что применительно к так называемым слоговым языкам, к каким относят и китайский язык, общелингвистическое понятие фонемы «оказывается неадекватным» и предлагается многоуровневая фонологическая модель описания звуковой стороны китайской морфемы: слогофонема, инициаль, финаль, тон [12, с. 4]. Но создание и эффективное функционирование буквенных орфограмм слов или «звукобуквенного стандарта слов китайского языка путунхуа», являющееся эпохальным событием в истории изучения китайского языка [26], подтверждает фонематичность звуков речи китайского языка. Более восьмисот миллионов интер-

нет-пользователей КНР ежедневно используют буквенные орфограммы слов для интернет-коммуникации, в процессе которой традиционная идеографическая и инновационная фонографическая письменности неразрывно связаны. Китай оказывается на самых передовых позициях в осуществлении глобальной интерактивной коммуникации. Сотни миллионов учеников начальной школы КНР эффективно учат государственный язык путунхуа, используя звукобуквенный стандарт слова [25, с. 064 – 073]. Поэтому закономерно, что к пятидесятилетию «Проекта записи слов китайского языка буквами китайского алфавита» в КНР издана книга, в которой содержится следующее положение: в XX веке «Информационная обработка китайских иероглифов и революция в книгопечатании уступают только успешному испытанию атомной и водородной бомб и запуску искусственного спутника Земли. Очевидно, что такой успех в информационной обработке китайских иероглифов неотделим от вклада в это Проекта записи слов китайского языка буквами китайского алфавита» [13, с. 116]. Звукобуквенный стандарт слова китайского языка путунхуа с 1982 года получил статус международного стандарта в обозначении имён собственных. Последний усовершенствованный вариант, принятый Международной организацией стандартов в 2015 году и признаваемый в России, имеет код ISO 7098 : 2015 [1, с. 10].

Приведённые данные, убедительно говорящие об эффективной социальной практике функционирования созданных буквенных орфограмм слов китайского языка путунхуа, позволяют сделать вывод о том, что в созданных орфограммах воплощается фонологическая система китайского языка. Фонологическая система каждого языка человека состоит из согласных и гласных фонем, которые в случае уже лингвистически обоснованных и созданных орфограмм слов (но не стихийно сложившихся как, например, орфограммы слов английского языка [11, с. 44]) выделяются в минимальных парах слов и каждая согласная и гласная фонема обозначается отдельной буквой или комбинацией букв.

Приведём минимальные пары для выделения типичных гласных фонем универсального треугольника, звуко-артикуляции которого существуют во всех языках. Например, *тǎ* «лошадь» – *тí* «рис» – *тí* «мать». Из минимальных пар следует, что данные слова различаются гласными фонемами /ǎ/ - /í/ - /ǐ/, которые самостоятельно могут быть номемами: *ǎ* «междометие, выра-

жающее вопрос, недоумение», *ǐ* «стул», *ǐ* «пять» (орфограммы этих слов имеют вид *ǎ*, *ǐ*, *ǐ*, в которых начальные буквы не произносятся, но используются для слогораздела). Типологически типичными орфограммами слов китайского языка являются орфограммы типа: *mā* 'мама' – *má* 'конопля, фамильный знак' – *mǎ* 'лошадь', *mà* 'бранить, ругать' – *ma* 'вопросительная частица'. Приведённые орфограммы слов различаются пятью буквами: *ā* - *á* - *ǎ* - *à* - *a*. Если аксиомой является то, что в идеальном алфавите каждая фонема данного языка обозначается отдельной буквой [15, с. 366], то перечисленные буквы являются обозначением пяти гласных фонем китайского языка. Эти буквы, имея одинаковый корпус, отличаются пятью надстрочными значками или диакритиками, обозначающими дифференцированные уклады голосовых связей, в коартикуляции с которыми различные уклады надгортанного резонатора производят гласные китайского языка: широкорастворные, среднерастворные и узкорастворные. В языковом сознании носителя китайского языка гласные существуют в неразрывном единстве артикуляторной работы надгортанного резонатора и голосовых связей, и он может произносить только такие гласные, что проверяется методами полевой лингвистики. Эффект коартикуляции или артикуляторного взаимодействия разных укладов голосовых связей и надгортанного резонатора на примере серии широкорастворных а-образных гласных фиксируется на профилях, получаемых методом рентгеноскопии [8, с. 119]. А так как между артикуляцией звука и акустическим эффектом существует причинно-следственная связь, то закономерно, что «изменения в спектре гласных связаны прежде всего с разнотональной их реализацией» [16, с. 49].

Акустический коррелят дифференцированных укладов гласных в европейском языкознании принято называть «тоном». По мнению энциклопедиста в области китайской литературы и китайского языка академика В.М. Алексеева, «китайская модуляция (тон)... тесно сливается в единый звуковой эффект с артикуляционной манерой, создающей тембр, ... который цифрой подсказывается лишь владеющему китайской речью соответствующего диалекта» [7, с. 167]. Под европейской «цифрой» имеется в виду цифровое обозначение тонов гласных в фонологической транскрипции: *ā* - *á* - *ǎ* - *à* - *a* и */a⁵⁵/* - */a³⁵/* - */a²¹⁴/* - */a⁵¹/* - */a⁰/*. Цифрами обозначается движение голосового тона по пятисту-

пенной шкале в естественном голосовом диапазоне каждого говорящего, в котором, благодаря эластичности голосовых связок, естественно реализуется контраст верха и низа и изменения движения снизу вверх и наоборот. Необходимо подчеркнуть, что системы дифференцированных укладов в китайских диалектах (региональных китайских языках или материнских языках) разные, и они в каждой диалектной фонологической системе по-разному сочетаются с укладами надгортанного резонатора [4, с. 23-25]. Например, в региональном китайском языке хакка客家语 kèjiāyǔ, гласные фонемы реализуются экспираторными и инспираторными звуками, где дифференцированные уклады голосовых связок экспираторных гласных на примере широкорастворных гласных обозначаются в виде: /a⁵⁵/ - /a³³/ - /a¹¹/ - /a³¹/ [2, с. 33]. И контрастное различие верха и низа голосового диапазона гласных не совпадает в фонемах номем этих языков, например, ma⁵⁵-ma⁰ 'мама' в путунхуа и a³³-me³³ 'мама', ma³³-ma¹¹ 'лошадь' в хакка. В традиционной автохтонной китайской фонологии «иньюньсюэ» 音韵学 yīnyùnxué или «шэньюньсюэ» 声韵学 shēngyùnxué, имеющей более чем тысячелетнюю традицию описания фонологической системы китайского языка [10, с. 1-2], для этого существует термин «шэндяо» 声调 shēngdiào [20, с. 87]. Термин «шэндяо» является однокоренным с термином «шэньинь» 声音 shēngyīn 'звук, голос'. Согласно китайской традиционной фонологии «шэндяо» является имманентным свойством или «душой» гласной части слога китайского языка [21, с. 18-25]; [22, с. 3-12]. «При разных шэндяо юнь считались разными в книгах династий Тан и Сун» [10, с. 45], где юнь – гласная часть слога. Следовательно, остальные гласные (среднерастворные и узкорастворные) китайского языка путунхуа по аналогии с широкорастворными существуют в пятичленных связочно-дифференцированных или, если называть по акустическому эффекту, в тоновых сериях, и поэтому выделяются в минимальных парах слов и обозначаются отдельными буквами. Например, узкорастворные гласные переднего ряда: yī /i⁵⁵/ «один», yí /i³⁵/ «перемещать», yǐ /i²¹¹⁴/ «стул», yì /i⁵¹/ «сто миллионов». По артикуляторным укладам надгортанного резонатора гласные представляются в матрице, построенной по дифференциальным признакам: РЧУ (раствор челюстного угла по градациям 0 – 1 – 2 – 3, от меньшего к большему, включая 0, указывающий на артикуляторную связь с отрицательными значениями

РЧУ в артикуляциях согласных), СПЯ (степень подъёма языка от большей к меньшей: 3 – 2 – 1), МПЯ (место подъёма языка: переднее – среднее – заднее), неогублённый – огублённый при РЧУ-1, МПЯ-1 и 3.

Матрица гласных звукотипов (звукоартикуляций) языка Пекина

РЧУ/0	СПЯ/ МПЯ	Переднее	Среднее	Заднее
1	3	iǔi 椅鱼干	iǐ 字钢	ш u 是树
2	2		ǒǒ 饿二	
3	1		A 妈麻马 骂吗	

Результаты разработки теории фонемо-позиционной матрицы слога китайского языка путунхуа на основе сравнения родственных и контрастных китайских фонологических систем были опубликованы в 1990 году [5, с. 72-88]. Фонемо-позиционные матрицы простых неприводных слов обобщаются в виде числовых матриц от четырёхпозиционного слога до однопозиционного: 0123, 023, 012, 02, 21, 2, где 0 – позиция реализации согласных фонем, 2 – позиция реализации сильных чётных гласных фонем, 1 – позиция реализации слабых узких гласных левого нечёта, 3 – позиция реализации слабых узких гласных правого нечёта. Примеры: 0123 guāi «попугай», 0123 guāi «закрывать» 关, 0123 guāi 光 «свет», 012 guāi «дуть» 刮, 023 gāi «обязан» 该, 02 gā «угол» 岔, 21 āi «междометие испуга, досады ой, ах» 哎, - ā «междометие удивления или восхищения. Происхождение фонологических позиций согласных и гласных обуславливается трёхфазовой инерционностью (экскурсия, выдержка, рекурсия, что является проявлением действия универсального закона инерции, на котором покоится всё учение о движении тел [3, с. 30]) артикуляционного движения в пределах отрицательного и положительного значений раствора челюстного угла (РЧУ) речевого аппарата человека считая от «относительно индифферентного» его состояния по В.А. Богородицкому [9, с. 12]. Например, в слове ba «папа» 3210123, где экскурсия, выдержка и рекурсия согласного и гласного обозначаются одинаковыми числами слева и справа от общего нуля, с которого начинается артикуляционное движение членов СГ коартикуляции. Но так как звуки речи произносятся при положительном значении РЧУ, то согласные оказываются

фонетически системно связанными с гласными [3, с. 30-79]. Данный вывод согласуется с терминологическим определением согласных и гласных в традиционной китайской фонологии «иньюньсюэ». Согласные и гласные в «языке» 语言 *yǔyán* соответственно обозначаются терминами «шэнму» 声母 *shēngmǔ* и «юньму» 韵母 *yùnmǔ* [20, с. 87], в которых имеется общая морфема со значением «мать» 母 *mǔ*, что подчёркивает функциональное равенство согласных и гласных в языке как фонологической системе. В «речи» же 言语 *yányǔ* (в отличие от «языка» 语言 *yǔyán*, («...Речь и язык предполагают друг друга. Они неразрывно связаны» [19, с. 9]), в которой проявляется фонологическая система, согласные обозначаются термином «цзыинь» 子音 *zǐyīn* «сыновний звук» (子 *zǐ* «сын», 音 *yīn* «звук»), а гласные – термином «муинь» 母音 *mǔyīn* «материнский звук» (母 *mǔ* «мать», 音 *yīn* «звук») [20, с. 25-27], что подчёркивает фонетическую связанность согласных с гласными (сын появляется с матерью) и возможность гласных к самостоятельной фонетической реализации. Одинаковое чётное число «2» в левой и правой частях инерционной развёртки СГ слоговой коартикуляции 3210123 раскрывает причину использования одинаковой морфемы 'мать' 母 *mǔ* в терминах для описания СГ коартикуляции в традиционной китайской фонологии «иньюньсюэ». 声母 *shēngmǔ* и 韵母 *yùnmǔ*.

Артикуляторно-акустический контраст ширококосторастворных и среднерастворных связочно-дифференцированных гласных пятичленных серий «а» и «э», реализующихся в чётной позиции слоговой матрицы 0123, продуктивно используется для образования номем в сочетании с узкорастворными гласными, реализующимися в нечётных позициях слоговой матрицы 0123. Е.Д. Поливанов подчёркивал сравнительную чёткость тембрового качества узкорастворных и ширококосторастворных гласных китайского языка [12, с. 176]. В позиции левого нечёта слоговой матрицы 0123 реализуются три узкорастворных гласных: -i-, -ü-, -u-, фонетически связанных с определёнными согласными и определёнными чётными гласными. В позиции правого нечёта слоговой матрицы 0123 реализуются пять узкорастворных гласных: -i (i), , -u (o), -ī (n), -ĩ (ng), -ə (r). В скобках приводится буквенное обозначение гласных в орфограммах слов.

Чётные гласные являются сильными гласными, а нечётные – слабыми. В слоговой совместной реализации их взаимодействие определя-

ется фонетическим законом: чётные сильные гласные ассимилируют нечётные слабые по дифференцированным укладам голосовых связок, а нечётные слабые гласные ассимилятивно действуют на чётные сильные по укладу надгортанного резонатора [3, с. 365-366]. Фонетический закон, раскрывая единство и своеобразие фонологической и фонетической систем китайского языка путунхуа, поддерживает максимальную фонологизацию чётной позиции сильных гласных и нечётных позиций слабых гласных. В результате создаётся полифония слов китайского языка на основе звуко-артикуляторной контрастности сильных и слабых гласных в чётной и нечётных позициях слоговых матриц.

Четырёхпозиционная слоговая матрица 0123 является самой продуктивной с точки зрения возможности реализации слабых узких гласных, благодаря их контрасту по раствору с серией максимально широких гласных «а». Поэтому а-образные гласные являются наиболее частотными в словах китайского языка путунхуа. Системно возможности серии широкорастворных гласных образовывать четырёхпозиционные слоги дополняются серией среднерастворных гласных центрального ряда «э»: ə⁵⁵ ə³⁵ ə²¹¹⁴ ə⁵¹ ə⁰. В орфограммах слов китайского языка эта серия фонем обозначается буквами ē é ě è е. Например, è 饿 «голодный», gēge 哥哥 «старший брат», gěi 给 «давать». Среднерастворные гласные образуют четырёхпозиционные слоги 0123 только в сочетании слабых гласных [-u-] и [-i] [-ī], реализующихся в позиции левого и правого нечётов соответственно. Например, /guəi²¹¹⁴/ 鬼 «чёрт», /guəi²¹¹⁴/ 滚 «катиться», /huəi⁵¹/ 会 «уметь», /huəi³⁵/ 混 «смешивать». Но орфограммы слов таких четырёхпозиционных слогов записываются тремя буквами без обозначения сильных гласных фонем в позиции чёта. То есть, guǐ «чёрт», gǔn «катиться», huì «уметь», hún «смешивать». Нарушение фонематического принципа в создании таких орфограмм слов, возможно, объясняется отсутствием фонем серии «э» в фонологических системах южнокитайских региональных языков У, Кэ (хакка), Юэ, Минь [2, с. 14]; [3, с. 315]; [4, с. 16]. Тем не менее, орфограмма слова «кто» создана в двух формах: shuí и shéi 谁. В последней орфограмме фонема /ə³⁵/ обозначена буквой «é», так как без слабой гласной [-u-] в позиции левого нечёта позиционный аллофон фонемы /ə³⁵/ в виде среднерастворной гласной переднего ряда [ɛ³⁵] представлен в фонологических системах южнокитайских диалектов и поэтому

хорошо слышится южанами. Например, в мэйсяньском диалекте (центральный представитель регионального китайского языка хакка) на месте серии гласных «э» существуют две серии среднерастворных гласных переднего и заднего рядов: geu^{31} 狗 «собака» и $a^{33}-g\alpha^{33}$ 阿哥 «старший брат» [2, с. 26]. А в китайском путунхуа соответственно / $g\alpha u^{2114}$ / → [$g\alpha u^{2114}$] «собака» и $g\alpha^{55}-g\alpha^0$ 哥哥 «старший брат». По закону тембровой ассимиляции серия среднерастворных гласных центрального ряда «э» в путунхуа лабиализуется под влиянием слабой лабиализованной гласной, реализующейся в позициях левого и правого нечёттов: 012 / $gu\alpha^{2114}$ / → [$gu\alpha^{2114}$] 果 «фрукт» орфограмма $gu\alpha$, 023 / $g\alpha u^{2114}$ / → [$g\alpha u^{2114}$] 狗 «собака» орфограмма $g\alpha u$. В подобных орфограммах слов гласные фонемы серии «э» обозначаются буквой «о»: $du\alpha$ 多 «много» и $d\alpha u$ 都 «обобщающее слово», $tu\alpha$ 脱 «снимать одежду» и $t\alpha u$ 偷 «воровать», $shu\alpha$ 说 «говорить» и $sh\alpha u$ 收 «получать». Следовательно, пятичленная серия гласных фонем «э» в орфограммах слов китайского языка путунхуа обозначается двумя пятичленными сериями букв: $\acute{e} \acute{e} \acute{e} \acute{e} \acute{e}$ и $\acute{o} \acute{o} \acute{o} \acute{o} \acute{o}$. Буква «о» в орфограммах слов не только обозначает позиционный вариант гласных серии «э», но и в композиционных целях увеличивает присутствие этой буквы в орфограммах слов, обозначая серию огублённых узкорастворных гласных «и» в сочетаниях с носовой узкорастворной гласной центрального ряда в орфограммах слов типа: $d\alpha ng$ 东 «восток», $g\alpha ng$ 工 «работа», $h\alpha ng$ 红 «красный», $l\alpha ng$ 龙 «дракон», $x\alpha ng$ 熊 «медведь», $j\alpha ng$ 窘 «стеснённый». Такого рода орфограммы слов показывают, что буквенная запись слов китайского языка изначально не планировалась как их фонологическая или фонетическая транскрипция.

Серия среднерастворных гласных центрального ряда «э» сосуществует с ретрофлексной артикуляцией, образуемой загибанием кончика языка в направлении к куполу твёрдого нёба «э»: $\alpha^{35} \alpha^{2114} \alpha^{51} \alpha^0$. В орфограммах слов китайского языка эта серия фонем обозначается двумя буквами в виде диграфов: $\acute{e}r \acute{e}r \acute{e}r \acute{e}r$. Например, $\acute{e}r$ 儿 «сын», $\acute{e}r$ 耳 «ухо», $\acute{e}r$ 二 «два». Серия ретрофлексных гласных не реализует гласную фонему α^{55} (пустая клетка), так как нет слов (номем), образуемых этой гласной. Буквенное обозначение серии ретрофлексных гласных с помощью согласной буквы «г» объясняется отнесённостью этой буквы к серии ретрофлексных согласных фонем, артикулируемых смычками разной интенсивности тыльной стороны загибаемого кон-

чика языка с передней частью твёрдого нёба. С точки зрения СГ коартикуляции $-1 < 0 < +1$ такое буквенное обозначение показывает переход от согласной ретрофлексной артикуляции к гласной: $r < 0 < \alpha$ и поэтому является системно мотивированным, а также экономным в количестве используемых букв для обозначения фонем в орфограммах слов. В позиции правого нечёта слоговой матрицы 0123 слабая ретрофлексная гласная обозначается одной буквой «г»: $huar^{55}$ 花儿 «цветок». Таким образом, обнаруживается двойное значение буквы «г» в орфограммах слов китайского языка: в нулевой позиции обозначает согласную $r\acute{e}$ 热 «жар», а в позиции правого нечёта – слабую гласную $huar^{55}$ 花儿 «цветок» и в сильной чётной позиции в составе диграфа ретрофлексную гласную $\acute{e}r$ 二 «два».

Буквенное обозначение пяти серий узкорастворных гласных в сильной чётной и слабых нечётных позициях оптимально достигается на основе моделируемой многозначности букв, однозначно читаемых в слогах по установленным орфографическим правилам на основе сочетаемости согласных и гласных фонем в слогах, а также слоговой сочетаемости сильных и слабых гласных. Буквой «i» обозначается пятичленная серия узкорастворных гласных переднего ряда: $i^{55} i^{35} i^{2114} i^{51} i^0$, буквенное обозначение $\acute{i} \acute{i} \acute{i} \acute{i} \acute{i}$. Примеры орфограмм моногласных слов, образуемых этими гласными: $y\acute{i}$ 一 «один», $y\acute{i}$ 移 «перемещать», $y\acute{i}$ 已 «уже», $y\acute{i}$ 亿 «сто миллионов» (буква «у» не имеет фонематического значения и служит орфографическим маркером слогораздела), $d\acute{i}d\acute{i}$ 弟弟 «младший брат» (гласные нейтрального слабого уклада голосовых связок или гласные нейтрального тона реализуются в не первых слогах слов, в данном примере во втором слоге).

Второе значение буквы «i» это обозначение пятичленной серии узкорастворных гласных среднего ряда ряда: $i^{55} i^{35} i^{2114} i^{51} i^0$, буквенное обозначение $\acute{i} \acute{i} \acute{i} \acute{i} \acute{i}$. Примеры: $z\acute{i}$ 字 «иероглиф», $c\acute{i}$ 词 «слово», $s\acute{i}$ 死 «умирать». Реализация гласных этой серии системно связана с тремя согласными z с s , с которыми серия передних узких гласных не сочетается. Поэтому многозначность букв серии «i» однозначно уточняется в слогах с тремя указанными согласными как серия узкорастворных гласных среднего ряда.

Третье значение буквы «i» это обозначение пятичленной серии узкорастворных гласных заднего ряда: $u^{55} u^{35} u^{2114} u^{51} u^0$, буквенное обозначение $\acute{i} \acute{i} \acute{i} \acute{i} \acute{i}$. Примеры: $zh\acute{i}$ 纸 «бумага», $r\acute{i}$ 日 «солнце», $ch\acute{i}$ 吃 «кушать», $sh\acute{i}$ 是 «глагол связка».

Реализация гласных этой серии системно связана с четырьмя согласными zh, r, ch, sh, с которыми серия передних узких гласных не сочетается. Поэтому многозначность букв серии «i» однозначно уточняется в слогах с четырьмя указанными согласными как серия узкорастворных гласных заднего ряда, с которыми серия передних узких гласных не сочетается. Значения букв серии «i» фонематически однозначно уточняются в слогах. Это слоговой принцип письма, позволяющий значительно сокращать количество букв алфавита [11, с. 137] В случае с китайским алфавитом это сокращение на целых десять букв для обозначения двух пятичленных серий узкорастворных гласных.

Буквенное обозначение серии узкорастворных огублённых гласных переднего ряда \ddot{u}^{55} \ddot{u}^{35} \ddot{u}^{214} \ddot{u}^{51} \ddot{u} осуществлено в буквах с двухэтажными диакритиками: \ddot{u} \acute{u} \check{u} \grave{u} \grave{u} . Такие буквы неудобны для написания, но они применены в орфограммах слов со смычно-проходными среднеязычно-твердонёбными согласными носовой и латеральной. Примеры: *nǚ* 女 «женщина», *lú* 驴 «осёл», *lǚ* 铝 «алюминий», *lǜ* 绿 «зелёный». Гласные этой серии сочетаются только с серией среднеязычно-твердонёбных (палатальных) согласных, для обозначения которых в алфавите используются специальные буквы j, q, x. В сочетании с последними тремя согласными вместо букв серии «ü» используются буквы серии «u» и таким образом из орфограмм слов сокращаются громоздкие буквы с двухэтажными диакритиками. Примеры: *jù* 巨 «огромный», *qū* 区 «район» *xǐ* «разрешать». В сочетании же с односерийными палатальными смычно-проходными согласными носовой и латеральной, для обозначения которых в алфавите нет специальных букв, приходится использовать технологически неудобные буквы в немногочисленных орфограммах слов. В более продуктивном сочетании с серией узкорастворных огублённых гласных заднего ряда «u» смычнопроходных согласных апиально-верхнедёсенной носовой и ретрофлексной латеральной используются те же буквы. Примеры: *nǚ* 努 «напрягаться», *lú* 炉 «печка», *lù* 路 «дорога». Сравните с орфограммами слов *nǚ* 女 «женщина» и *lǜ* 绿 «зелёный», в которых реализуются палатальные согласные. Поскольку в сочетании с палатальными согласными j, q, x вместо букв серии «ü» применяются буквы серии «u», то сочетания этих согласных с серией узкорастворных огублённых гласных заднего ряда u^{55} u^{35} u^{214} u^{51} u в орфограммах слов осуществляются через букву

«i». Примеры: *jiǔ* 九 «девять», *qiū* 秋 «осень», *xiù* 袖 «рукав». Однозначная отнесённость букв серии «u» с гласными одноимённой серии в сочетании с палатальными согласными обеспечивается добавлением буквы «i», не имеющей фонематического значения. Поэтому подобные орфограммы слов реализуют фонемопозиционную матрицу 02. В орфограммах же слов с другими согласными сочетание букв «iü» «iù» имеет другое значение, а именно обозначает слабую гласную левого нечёта и сильную чётную гласную. Примеры: *diū* 丢 «терять», *liù* 六 «шесть», фонемопозиционная матрица 012. Фонематичность слабой гласной в позиции левого нечёта в этих орфограммах устанавливается в минимальных парах по их оппозиции с нулём: *diū* 丢 «терять» – *dū* 都 «столица», *liù* 六 «шесть» – *lù* 路 «дорога».

В позиции левого нечёта реализуются узкорастворные гласные переднего ряда [i], [ü] нелабиализованная и лабиализованная соответственно и узкорастворная лабиализованная гласная заднего ряда [u]. Например, *tián* «поле» 田, *tuán* 团 «группа», *nǚè* 疟 «малярия», *lüè* «кратко» 略. После палатальных согласных в позиции левого нечёта слабая гласная [ü] обозначается буквой «u» по аналогии с обозначением сильных гласных этой серии. Примеры: *juān* 捐 «жертвовать», *quán* 全 «полностью», *xiǎn* 选 «выбирать». Буква «i» в позиции левого нечёта слоговой матрицы 0123 в сочетании с палатальными согласными j, q, x в орфограммах слов типа *jiàn* 见 «видеть», *qián* 钱 «деньги», *xiān* 鲜 «свежий» не имеет фонематического значения, но имеет орфографическое значение, продолжая орфографическую аналогию орфограмм типа *jiǔ* 九 «девять», *qiū* 秋 «осень», *xiū* 修 «ремонттировать», в которых используется для различения с орфограммами без буквы «i»: *jǔ* 举 «поднимать вверх», *qū* 区 «район», *xū* 须 «обязан». В орфограммах типа *jiàn* 见 «видеть» в позиции левого нечёта гласная «i» не образует оппозиции с нулём: *jiàn* равно *jàn*, последняя последовательность букв не образует орфограмму другого слова. В сочетании же с апиально-верхнедёсенными согласными гласная «i» в этой позиции, противопоставляясь нулю, образует орфограмму другого слова: *tián* 田 «поле» и *tán* 谈 «разговаривать».

Буквой «u» обозначается пятичленная серия узкорастворных огублённых гласных заднего ряда: u^{55} u^{35} u^{214} u^{51} u^0 , буквенное обозначение \ddot{u} \acute{u} \check{u} \grave{u} u . Примеры орфограмм моногласных слов, образуемых этими гласными: *wū* 屋 «комната», *wú* 无 «не иметь», *wǔ* 五 «пять», *wù* 勿 «не» (буква

«w» не имеет фонематического значения и служит орфографическим маркером слогораздела *yìwù* 义务 «долг»), *rènwù* 任务 «задание» (гласные нейтрального слабого уклада голосовых связок или гласные нейтрального тона реализуются не в первых слогах слов, в данном примере во втором слоге). Фонемы серии «u» в сочетании с постпозитивной узкой носовой гласной центрального ряда «ĭ» обозначаются буквой «o». Примеры: *dōng* /duĭ⁵⁵/ 东 ‘восток’, *lóng* /luĭ³⁵/ 龙 ‘дракон’, *gōng* ‘работа’ /guĭ⁵⁵/ 工. В сочетании с серией среднеязычно-палатальных согласных в слогах типа *jǐu* 九 ‘девять’ (фонематически /ju²¹¹⁴/ в отличии от /jǔ²¹¹⁴/ *jǔ* 举 ‘поднимать вверх’) при реализации в позиции правого нечѐта 023 носовой гласной «ĭ» гласные серии «u» по орфографической аналогии тоже обозначаются буквой «o». Примеры: *jiǒng* 炯 ‘яркий’, *qióng* 穷 ‘бедный’, *xióng* ‘медведь’ 熊. Таким образом, на основе замещения букв «u» в орфограммах слов увеличивается представленность букв «o», которыми, как говорилось выше, в силу действия ассимиляции гласных серии «ə» со стороны нечѐтных гласных «u»

обозначается их позиционный аллофон. В слабой позиции правого нечѐта гласная «u» тоже обозначается буквой «o». Примеры: /gau⁵⁵/ *gāo* 高 «высокий», /dau⁵¹/ *dào* 道 «дорога». Данное замещение объясняется ослаблением верхнеподъёмности звукоартикуляции огублённой гласной «u» в сторону среднеподъёмной артикуляции огублённой гласной «o».

По артикуляторным укладам надгортанного резонатора согласные, как и гласные, представляются в матрице, построенной по дифференциальным признакам отрицательного значения раствор челюстного угла (РЧУ). Отрицательные значения РЧУ артикулируются по пяти градациям степени интенсивности смычки (СИС) подвижного органа артикуляции с неподвижным (кодируются двумя цифрами неизменной 0 и второй от большей интенсивности к меньшей 04, 03, 02, 01) по пяти местам образования или рядам смычек (РС) от самого видимого губного-губного. **Таким образом, градуальная оппозиция по раствору объединяет согласные и гласные в одну систему звуков речи.**

Матрица консонантизма китайского языка путунхуа в буквенном выражении китайского алфавита

№п/п	РС/СИС	032	041	000	023	014
1	Губно-губной	pà 怕	bà 爸	mā 妈	wā 挖	fā 发
2	Апикально-верхнедѐсенный	tā 他	dà 大	ná 拿	zá 砸	cā 擦
3	Среднеязычно-твердонѐбный	qī 七	jī 鸡	nǚ 女 lǚ 铝	xī 西	sā 撒
4	Заднеязычно-велярный	kē 科	gē 哥		yé 爷	hé 河
5	Ретрофлексный, апикально-переднетвердо-нѐбный	chè 撤	zhè 这	lè 乐	rè 热	shè 社

Содержание каждой согласной фонемы в системе консонантных противопоставлений (оппозиций) определяется в матричной клетке, образуемой пересечением РС И СИС [3, с. 239-255]. Согласные и гласные фонемы китайского языка путунхуа, количественно исчисляемые в универсальной формуле квантитативного представления фонологических систем 25...1: < 0 <: 1... 34 (25 согласных и 34 гласных, в которой ясно демонстрируется вокальная доминанта фонологической системы китайского языка) [6, с. 277], насчитывают 59 фонем и оптимально обозначаются в орфограммах слов в сильных и слабых позициях по лингвистически научно

обоснованным правилам орфографии 57 «китаизированными буквами» (монографами и диграфами), разработанными на основе латинских букв. Буквенная фонографическая письменность китайского языка и звукобуквенный стандарт слов, неразрывно сосуществуя с иероглифической идеографической письменностью, образуют уникальную ситуацию функционирования китайского языка путунхуа, определяемую формулой «один язык – две письменности» *yī yǔ shuāng wén* 一语双文. Как образно пишут китайские языковеды, древние китайские иероглифы, окрылённые буквами, летят в мир, летят в будущее.

Список литературы

1. Алексахин А.Н. Алфавит китайского языка путунхуа. Буква-Фонема-Звук речи-Слог-Слово. Издание четвёртое, исправленное и дополненное. М.: Издательский дом ВКН. 2018. 212 с.
2. Алексахин А.Н. Диалект хакка (китайский язык). Фонология, морфология, синтаксис. Издание второе, дополненное. М.: Восточная книга. 2013. 88 с.
3. Алексахин А.Н. Китайские фонологические системы в межкультурном контакте Востока и Запада. М.: ВКН. 2015. 464 с.
4. Алексахин А.Н. Начальный курс разговорного шанхайского языка. Издание второе, исправленное и дополненное. М.: ВКН. 2018. 216 с.
5. Алексахин А.Н. Структура слога китайского языка как проявление системообразующих свойств согласных и гласных (теория согласно-гласной коартикуляции) // Вопросы языкознания. 1990. №1. С.72-88.
6. Алексахин А.Н. Теоретическая фонетика китайского языка. Базовый курс теоретической фонетики современного китайского языка путунхуа. М.: ВКН. 2018. 368 с.
7. Алексеев В.М. Китайская иероглифическая письменность и её латинизация. Л.: Издательство АН СССР. 1932. 178 с.
8. Бао Хуайцзяо. Физиологическая интерпретация классификации гласных путунхуа // Китайский язык (Чжунго юйвэнь). 1984. №2. С. 117-127. (на кит. яз.)
9. Богородицкий В.А. Опыт физиологии общерусского произношения (В связи с экспериментальными данными). Казань. 1909. 154 с.
10. Ван Ли. Ханьюй иньюньши (Историческая фонетика китайского языка). Пекин. Чжунго шэхуэй кэсюэ чубаньшэ. 1985. 639 с. (на кит. яз.)
11. Журавлёв В.К. Язык. Языкознание. Языковеды. М.: Едиториал УРСС. 2008. 244 с.
12. Иванов А.И. Поливанов Е. Д. Грамматика современного китайского языка. М. Едиториал УРСС. 2003. 304 с.
13. Касевич В.Б. Фонологические проблемы общего и восточного языкознания. М.: Наука. 1983. 256 с.
14. 50 лет ханьюй пиньинь (50 лет Проекту записи слов китайского языка путунхуа буквами китайского алфавита). Пекин.: 2009. (на кит. яз.) 121 с.
15. Реформатский А.А. Введение в языковедение. Классический учебник. М.: АСПЕКТ ПРЕСС, 2008. 536 с.
16. Румянцев М.К. Фонетика и фонология современного китайского языка. М.: «Восток – Запад», 2007. 304 с.
17. Солнцев В. М. Язык как системно-структурное образование. М.: Наука, 1977. 341 с.
18. Су Пэйчэн. Введение к собранию сочинений Чжоу Югуан Т.1, С. 6-7// Чжоу Югуан. Собрание сочинений в 15 томах. Пекин. 2013 (на кит. яз). С. 1-15.
19. Трубецкой 2000 - Трубецкой. Основы фонологии. Классический учебник. М.: АСПЕКТ ПРЕСС, 2000. 352 с.
20. Цыхай 1987 – Том языкознание. Шанхай. Издательство «Шанхай цышу чубаньшэ». 186 с. (на кит. яз)
21. Фу Маоцзи. О шэндяо в записи буквами китайских иероглифов // Китайский язык (Чжунго юйвэнь). 1955. №9. (на кит. яз.). С. 15- 23.
22. Фу Маоцзи. Фонема в пекинском диалекте и звуко-буквенный алфавит // Китайский язык (Чжунго юйвэнь). 1956. №5. (на кит.яз.). С. 8-17.
23. Чжоу Югуан. Конфуций преподаёт пиньинь. Пекин. 2011 (на кит.яз.). 196 с.
24. Чжоу Югуан. Собрание сочинений в 15 томах. Пекин. 2013 .Т.1 (на кит.) 420 с.
25. Чжоу Югуан. Собрание сочинений в 15 томах. Пекин. 2013.Т.15 (на кит. яз) . 385 с.
26. Сайт Министерства просвещения КНР 10 .05.2018 [Электронный ресурс] – URL:http://www.moe.gov.cn/s78/A18/moe807/201805/t20180511_335673.html

Сведения об авторе:

Алексахин Алексей Николаевич – доктор филологических наук, профессор, почётный работник высшего профессионального образования РФ, профессор кафедры китайского, вьетнамского, тайского и лаосского языков МГИМО-Университета МИД РФ.
Email: asnls@yandex.ru

THE LINGUISTIC PRINCIPLES OF CREATING ALPHABET AND WORD ORTHOGRAMMS OF CHINESE PUTONGHUA

Moscow

Alexey N. Aleksakhin

Moscow State Institute of International Relations (University),
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *The Creation of the Alphabet and words spelling of Chinese Mandarin is a landmark event in the history of Chinese civilization. It breathes new life into ancient Chinese characters. Great “dumb” – the Chinese character – for the first time since 1958 has become known to the whole world by sounds of Beijing speech. Today the two types of writing – Chinese Mandarin traditional ideographic and innovative phonographic writing, in their unity, provide the linguocultural unity of the Chinese society and the progress of science and technology of China. Millions of people in China and beyond are studying the Chinese language based on the sound letter standard of the words of Chinese Putonghua. Letter orthogramms of Chinese words provide tele- and Internet communication of hundreds of millions of Chinese. **Based on the theory of Chinese phonological system elaborated within the frames of Russian Chinese studies, the technology of phonological system of Chinese in the alphabet and orthogramms of words of Chinese Putonghua is considered for the first time.** Chinese alphabet, based on Latin letters and letter-spelling forms of Putonghua words are a huge scientific achievement of Chinese linguists. Outstanding contribution to the creation of the alphabet and letter words of Chinese Mandarin was made by a brilliant Chinese linguist Zhou Youguang (1906-2011), called the «father of pinyin zimu» or Chinese alphabet in China.*

Key Words: *alphabet, word spelling, Chinese language, phoneme, ideographic writing, phonographic writing, consonant, vowel, matrix, phonetic law*

References

1. Aleksakhin, A.N. Alfavit kitaiskogo iazyka putunhua. Bukva-Fonema-Zvuk rechi-Slog-Slovo. Izdanie chetvertoe, ispravlennoe i dopolnennoe. [Alphabet of the Chinese Mandarin. Letter – Phoneme - Speech Sound – Slog - Word] M.: Izdatel'skij dom VKN. 2018. 212 s.
2. Aleksahin, A.N. Dialekt hakka (kitaiskiy iazyk). Fonologiya, Morfologiya, Sintaksis. Izdanie vtoroe, dopolnennoe. [Hakka dialect (Chinese). Phonology, Morphology, Syntax] M.: Vostochnaia kniga. 2013. 88 s.
3. Aleksahin, A.N. Kitaiskie fonologicheskie sistemy v mezhtsivilizatsionnom kontakte Vostoka i Zapada. [Chinese phonological systems in intercivilizational contact between East and West] M.: VKN. 2015. 464 s.
4. Aleksahin, A.N. Nachal'ny kurs razgovornogo shankhaiskogo iazyka. Izdanie vtoroe, ispravlennoe i dopolnennoe. [Shanghai conversation language beginner course] M.: VKN. 2018. 216 s.
5. Aleksahin, A.N. Struktura sloga kitaiskogo iazyka kak proiavlenie sistemoobrazuiushhikh svoystv soglasnykh i glasnykh (teoriia soglasno-glasnoi koartikulatsii) [The structure of the Chinese syllable as a manifestation of the system-forming properties of consonants and vowels (Theory of consonant and vowel coarticulation)] // Voprosy iazykoznanii. 1990. №1. S.72-88.
6. Aleksahin, A.N. Teoreticheskaya fonetika kitaiskogo iazyka. Bazovy kurs teoreticheskoi fonetiki sovremennogo kitaiskogo iazyka putunhua. [The theoretical phonetics of the Chinese language. Basic course of theoretical phonetics of modern Chinese Putonghua] M.: VKN. 2018. 368 s.
7. Alekseev, V.M. Kitaiskaya ieroglificheskaya pis'mennost' i ee latinizatsiya. [Chinese hieroglyphic writing and its Latinization] L.: Izdatel'stvo AN SSSR. 1932. 178 s.
8. Bao, Huajiao. Fiziologicheskaya interpretatsiya klassifikatsii glasnykh putunhua [Physiological interpretation of the classification of Putonghua vowels] // Kitaiskiy iazyk (Chzhungo juyvjen'). 1984. №2. S. 117-127. (in Chinese)
9. Bogoroditskiy B.A. Opyt fiziologii obshcherusskogo proiznosheniia (V svyazi s eksperimental'nymi dannymi). [Experience of the physiology of Russian pronunciation (In connection with experimental data)] Kazan'. 1909. 154 s.
10. Van Li. Han'juh in'jun'shi (Istoricheskaya fonetika kitajskogo jazyka) [Historical phonetics of the Chinese language]. Pekin. Chzhungo shjehujej kjesjuje chuban'she. 1985. 639 s. (in Chinese).
11. Zhuravlev, V.K. Iazyk. Iazykoznanie. Iazykovedy. [Language. Linguistics. Language scholars], M.: Editorial URSS. 2008. 244 s.

12. Ivanov, A.I. Grammatika sovremennogo kitaiskogo iazyka. [Grammar of modern Chinese]/ A.I. Ivanov, E.D. Polivanov. M. Editorial URSS. 2003. 304 s.
13. Kasevich, V.B. Fonologicheskie problemy obshhego i vostochnogo iazykoznaniiia. [Phonological problems of general and oriental linguistics] M.: Nauka. 1983. 256 s.
14. 50 let han'juj pin'in' (50 let Proektu zapisi slov kitaiskogo iazyka putonghua bukvami kitaiskogo alfavita). [50 years of the Project of recording Chinese words Putonghua by letters of the Chinese alphabet] Pekin.: 2009 (in Chinese). 121 s.
15. Reformatskii, A.A. Vvedenie v iazykovedenie. Klassicheskii uchebnik. [Introduction to linguistics. Classic textbook] M.: ASPEKT PRESS, 2008. 536 s.
16. Rumiantsev, M.K. Fonetika i fonologiiia sovremennogo kitaiskogo iazyka. [The phonetics and phonology of the modern Chinese language] M.: «Vostok – Zapad», 2007. 304 s.
17. Solntsev, V. M. Iazyk kak sistemno-strukturnoe obrazovanie. [Language as a system-structural formation] M.: Nauka, 1977. 341 s.
18. Su, Peichen. Vvedenie k sobraniiu sochinenii Zhou Youguana [Introduction to the collection of works by Zhou Youguang] T.1, S. 6-7// Zhou Youguang. Sobranie sochinenii v 15 tomakh. Pekin. 2013 (in Chinese). S. 1-15.
19. Trubetskoi 2000 – Trubetskoi. Osnovy fonologii. Klassicheskii uchebnik. [The basics of phonology. Classic tutorial] M.: ASPEKT PRESS, 2000. 352 s.
20. Cyhaj 1987 – Tom iazykoznanie. [Linguistics] Shanhai. Izdatel'stvo «Shanghai cyshu chuban'shje». 186 s.
21. Fu, Maoczi. O shiendiao v zapisi bukvami kitaiskogo alfavita [About Shengdiao in the letters of Chinese alphabet] // Kitaiskii iazyk (Chzhungo jujvjen'). 1955. №9. (in Chinese). S. 15- 23.
22. Fu, Maoczi. Fonema v pekinskom dialekte i zvuko-bukvenny alfavit [Phoneme in Beijing dialect and sound-letter alphabet] // Kitaiskii iazyk (Chzhungo jujvjen'). 1956. №5. (in Chinese). S. 8-17.
23. Zhou, Youguang. Konfutsii prepodaet pin'in' [Confucius teaches pinyin], Pekin. 2011 (in Chinese). 196 s.
24. Чжой Югуан. Sobranie sochinenii v 15 tomakh. [A collection of works in 15 volumes] Пекин. 2013 .V.1 (in Chinese), 420 s.
25. Zhou Juguan 2013. Sobranie sochinenii v 15 tomakh [A collection of works in 15 volumes] Pekin. 2013. V.15 (in Chinese). 385 s.
26. Sait Ministerstva prosveshheniia KNR [Website of the Ministry of Education of the People's Republic of China] 10.05.2018 (Electronic Resource), www.moe.gov.cn/s78/A18/moe807/201805/t20180511_335673.html

About the author:

Alexey N. Aleksakhin – Doctor of Science (Philology), Professor, Professor of the Department of Chinese, Vietnamese, Thai and Lao languages, Moscow State Institute of International Relations (University).
E-mail: asnls@yandex.ru

* * *

НЕМЕЦКИЕ РЕЧЕВЫЕ МАНИПУЛЯЦИИ В ТЕКСТАХ О РОССИИ

Н.И. Андреев

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

В статье рассматриваются особенности речевых манипуляций по российской тематике в современных немецких политических – в основном медийных – текстах. Необходимость написания такой работы обусловлена рядом факторов.

Во-первых, автор отмечает, что эта тема, несмотря на её актуальность в условиях нарастания информационного противоборства, особенно за последние пять лет, описана недостаточно. Проблема речевой агрессии практически не рассматривается в теоретической части соответствующих диссертаций, научных статей и учебников. В упражнениях для студентов по реферированию, аудированию и общественно-политическому переводу отсутствуют задания, связанные с обнаружением и анализом средств речевого манипулирования, речевой демагогии или речевого насилия в иностранных СМИ.

Во-вторых, при наличии большого количества литературы, посвящённой проблеме медийной манипуляции, в ней можно обнаружить сравнительно мало лингвистических исследований зарубежных текстов.

И, в-третьих, следует отметить наличие теоретических пробелов в этой области исследования, в частности отсутствие общепринятых точек зрения на классификацию, терминологическое наименование речевых стратегий, тактик и приёмов, используемых с целью скрытого внедрения в сознание адресата нужной манипулятору информации, что затрудняет анализ речевых фактов манипулятивного воздействия.

Применительно к немецкому политическому языку автор статьи обращает внимание на манипулятивные лингвориторические приёмы немецких средств массовой информации в публикациях по российской (а фактически – антироссийской) тематике на экстралингвистическом фоне, особенно связанных с воссоединением Крыма с Россией и конфликтом в Донбассе. Немецкие газеты, начиная от относительно солидной “Süddeutsche Zeitung” и до бульварной “Bild”, радио и телевидение пишут и говорят о России или плохо или почти ничего.

При этом на передний план в публикациях выдвигается пейоративная функция, направленная на негативную характеристику нашего государства без какой-либо серьёзной аргументации. Поскольку разные виды речевой манипуляции требуют демонстрации контекстов большей протяжённости, автор в условиях статьи вынужден ограничиться минимумом речевых иллюстраций.

Ключевые слова: речевая манипуляция, медийный мейнстрим, способы манипулирования, умолчание, передёргивание, конструирование, инсинуация, антропоцентрическая парадигма, нарратив

«Если исходить из того, что риторическая культура, или шире – культура речевого общения, заключается не только в эффективном использовании языка для передачи информации и воздействия на адресата в нужном для

ритора направлении, но и в адекватной реакции адресата на эту информацию и это воздействие, то нужно признать, что наша система филологического образования, игнорируя проблематику языкового насилия, обедняет под-

готовку риторически грамотного слушателя и читателя» [7, с. 14].

Лингвистические исследования речевой манипуляции в политическом дискурсе немецких СМИ в публикациях, связанных с Россией, по нашим данным, практически не проводились. Российские учёные описывали эту тему применительно к российскому медийному политическому дискурсу. Значительный интерес представляют в этом плане работы таких отечественных учёных как О.Н. Быкова, С.И. Виноградов, Д.А. Волкогонов, Е.Л. Доценко, О.Н. Завьялова, С.Г. Кара-Мурза, Г.П. Копнина, А.П. Сковородников, М.Ю. Федосюк, А.М. Цуладзе, А.П. Чудинов, Е.И. Шейгал. Из работ на немецком языке следует назвать публикации таких авторов как Е. Веллинг (*Wehling, E.*), В. Девкин (*Devkin, V.*), Ц. Макензен (*Mackenseen, Z.*), Й. Сикора (*Sikora, J.*), К. Зорниг (*Sornig, K.*), У. Хайден (*Hayden, U.*), В. Штадлер (*Stadler, W.*).

Единого определения понятия «речевая манипуляция» не существует, что свидетельствует о непроработанности рассматриваемой проблемы. Манипуляции в медийно-политическом дискурсе можно рассматривать как вид скрытого информационно-психологического воздействия на людей для внедрения в их сознание «целей, желаний, намерений, отношений или установок, не совпадающих с теми, которые имеются у адресата в данный момент»; «это психологическое воздействие, направленное на неявное побуждение другого к совершению определённых манипулятором действий» [2, с. 60]. А.П. Сковородников определяет речевое манипулирование как «неаргументированное вовсе или недостаточно аргументированное открытое или скрытое (латентное) вербальное воздействие на адресата, имеющее целью изменение его личностных установок (ментальных, идеологических, оценочных и т.д.) или его поражение в полемике – в пользу адресата» [7, с. 10].

Д.А. Волкогонов подчёркивал, что в информационно-психологическом противоборстве наши оппоненты «придают особое значение оперативности реакции на то или иное политическое событие: «Надо действовать или сверхбыстро, или вообще не реагировать на событие», – записано в наставлении США по ведению психологических операций. Короче говоря, если событие «выгодное» для пропаганды – надо подать его быстро, сверхбыстро, сенсационно, в нужном духе; если «невыгодное» – замолчать, отвлечь от него внимание общественности»

[1, с. 126]. В публикациях по российской тематике большинство немецких авторов безоговорочно следуют подобной линии и сегодня.

Исследователи Е.Л. Доценко, Г.А. Копнина, Ю.В. Щербатых, В.П. Шейнов выделяют следующие способы манипулирования информацией: **умолчание** (*перевод на немецкий здесь и далее по тексту – Н.А.*)– *Verschweigen als Methode zur Meinungsmache* (утаивание, сокрытие определённых фактов или их частичное, однобокое, предвзятое освещение); **селекция** (*Selektion*) (пропуск и подача только выгодной манипулятору информации); **передёргивание** (*Verdrehung*) (выпячивание и подчёркивание только выгодных манипулятору сторон явлений и фактов); **искажение** (*Entstellung*) (преувеличение, преуменьшение); **переворачивание** (*Umwenden*) (замена «белого» на «чёрное») и **конструирование** (*Konstruieren*) (придумывание не существующих в реальности данных) [4, с. 53]. Возможна комбинация «этих способов манипуляции с информационным потоком» [7, с. 113-114], что затрудняет разграничение названных способов, тем более что, например, селекция и передёргивание могут быть основаны на умолчании. С другой стороны, передёргивание и переворачивание информации могут рассматриваться как разновидности искажения. Весьма распространённый способ конструирования нередко выглядит так: какой-либо антироссийский тезис или «факт» выдумываются, а затем осуществляется критика несуществующего «факта». Причина такого манипулятивного подхода кроется, в частности, в том, что авторы подобных материалов немецких СМИ скованы рамками политического мейнстрима.

К способам (приёмам) манипулирования информацией относится также **инсинуация** (*Insinuation, Unterstellung, Verleumdung*), представляющая собой злонамеренный вымысел (*Lügengeschichte*), скрытое подстрекательство (*verdeckte Aufwiegelung*), преднамеренное сообщение ложных отрицательных сведений (или даже клеветническое измышление), выставление мыслей и поступков своего противника в таком свете, который может ему навредить, и имеющее целью опорочить кого-либо исподтишка, подаваемое намёком (т.е. не прямо, а косвенным указанием на факты и обстоятельства) [10]. Недобросовестность при инсинуации заключается в том, что инсинуирующий, как правило, зная действительное положение дел, с умыслом создаёт у окружающих ложное отрицательное представление о нём.

В немецких публикациях на общественно-политические темы о России прослеживается пейоративная (уничижительная) функция манипулятивных высказываний с установкой на создание отрицательного образа (имиджа). В качестве примера обмана по умолчанию можно рассматривать описание немецкой газетой „Neues Deutschland“ ситуации в Крыму после его возвращения в состав РФ. Как отмечает немецкий исследователь публикаций СМИ ФРГ о России Ульрих Хайден (*Ulrich Heyden*), газета замалчивает важные факты, в числе которых празднование на полуострове пятой годовщины воссоединения с Россией (*перевод с немецкого здесь и далее по тексту – Н.А.*) – *das Blatt berichtet nichts über die Feiern auf der Krim zum fünften Jahrestag der Vereinigung mit Russland*; огромные экономические успехи Крыма за период после референдума 2014 года, строительство там новых электростанций и грандиозного Крымского моста – *die enormen wirtschaftlichen Fortschritte auf der nach einem Referendum mit Russland vereinten Halbinsel, über die Installierung von neuen Kraftwerken auf der Krim und den Bau der Krim-Brücke* [15]. Вместо этого газета предпочитает описывать в интервью с неким «экспертом» по правам человека мнимое притеснение крымских татар. «Эксперт» знает о притеснениях понаслышке – *... Statt über die Feiern auf der Krim zum fünften Jahrestag der Vereinigung mit Russland zu berichten, bringt das ND lieber ein Interview mit einem Menschenrechts-“Experten” über die angebliche Unterdrückung der Krim-Tataren*. Здесь совершенно очевидно имеет место **передёргивание фактов и конструирование образа врага** – России. *Hier werden ganz offensichtlich Tatsachen verdreht und am Feindbild Russland gebastelt* [15].

Заявление германского правительства от 6 мая 2014 года изобилует **инсинуациями** в оценках событий в Крыму, Донбассе и роли РФ в сложившейся ситуации, которая в сокращённом реферативном переводе отдельных выдержек из этого документа на русский язык представляется следующим образом: «Аннексия Крыма продолжается. Положение с правами человека, особенно крымских татар, заметно ухудшилось. Аналогичным образом драматически ухудшилась ситуация на Востоке Украины. В атмосфере насилия и запугивания со стороны пророссийских сепаратистов проводятся псевдо референдумы. Совет Федерации России положительно оценивает эти антиконституционные референдумы. Президент Путин должен воспользоваться

своим влиянием на сепаратистов, чтобы они сложили оружие. В противном случае мы будем наращивать санкции против России и проявим настойчивость в этом деле...» [19].

В описании упомянутых выше событий в немецком мейнстриме имеют место комбинированные речевые манипуляции (искажение фактов и инсинуация), которые отчётливо проявляются в выражениях „Krim-Annexion“ и „Separatisten im Donbass“. В действительности Крым в 2014 году вошёл в состав России добровольно на основании результатов референдума. События в Донбассе следует интерпретировать не как сепаратизм, а как народное восстание против прозападных путчистов.

Примером манипулятивного сочетания приёмов замалчивания и передёргивания фактов может служить интерпретация в немецкой прессе лексемы «Европа». «На смену принципам равноправного сотрудничества пришла иллюзия, будто евроатлантическая безопасность должна строиться только вокруг НАТО, а само понятие Европы должно ассоциироваться исключительно с Евросоюзом. Всё остальное – некие «концентрические круги» вокруг этих «центров легитимности», – пишет С.В. Лавров [5]. Он отмечает, что сегодня в лексиконе Брюсселя термин «Европа» сузился до «Европейского союза». И теперь всё это подаётся таким образом, что есть «Европа настоящая», которую представляют страны – члены Евросоюза. А есть «остальные страны», которые ещё «должны заслужить высокое звание европейцев» [5].

Материалы из немецкой прессы могут служить иллюстрацией этой мысли российского министра иностранных дел. Приведём характерные на этот счёт заголовки из немецких СМИ: «Европа против России. Существует ли опасность войны?» („Europa gegen Russland: Besteht Kriegsgefahr?“) [13]; «Разве Россия относится к Европе?» („Gehört Russland zu Europa?“) (под таким заголовком в Интернете опубликовано несколько немецких статей – *прим. автора*); «Россия и Европа: любовь и ненависть» („Russland und Europa: In Hassliebe vereint“), (Zeit-Online, 25.08.2015) и другие.

По мнению германского журналиста Альбрехта Мюллера, немецкому информационно-политическому медийному мейнстриму в целом свойствен «оживший» феномен **Gleichschaltung** (термин времён нацистской Германии), в переводе с немецкого – единообразия, фактически навязанное гитлеровским режимом. Сегодня это

в действительности принуждение к выражению единой, западной, антироссийской точки зрения, суть которой сводится к одиозной формуле: «Всё, что связано с Россией – плохо, и наоборот, всё, что относится к Западу – хорошо. Всё, что не вписывается в эту схему, отбрасывается» (*Der Russe ist das Böse, der Westen ist das Gute. Was nicht in dieses Schema passt, wird weggelassen*) [17].

О стереотипах в информационной сфере (*Gleichschaltung*) пишет и немецкая исследователь-когнитолог Элизабет Веллинг (*Elisabeth Wehling*). Языковую специфику в политической сфере в Германии она видит в определённых «рамочных» конструкциях мышления и речи (политических фреймах) (*bestimmte Denkmuster und Sprechmuster*). По её словам, происходит некая «стихийная унификация» мышления и коммуникации (*nicht verabredete, eher zufällige «Gleichschaltung»*) [23]. Как говорилось выше, это явление характерно и для сферы немецких публикаций на политические темы, в частности, по российской проблематике.

Немецкие СМИ в меньшей степени зависят от собственного правительства, чем, в первую очередь, от ряда других факторов, в том числе от США, НАТО, ЕС, политических партий, спонсоров и рекламодателей: *Die deutsche TV- und Presselandschaft hat sich längst als transatlantische Propagandamaschine entlarvt, die selbst die Bundesregierung noch moderat erscheinen lässt. Wenn es um transatlantische Interessen geht, ist die Stimmung aus Washington wichtiger als die aus Berlin... Die sogenannte vierte Macht im Staate fungiert weniger als Sprachrohr des Volkes oder der Opposition, sondern als Druckmittel von Außen, um Deutschland auf Linie der EU und der NATO zu halten... Die Gründe hierfür sind vielfältig. Zum einen müssen sich die Medien ihren Kunden und Sponsoren anpassen. Das sind weniger die Leser oder Zuschauer, sondern vielmehr die Werbekunden und Sponsoren* [22].

Основной закон (Конституция) ФРГ провозглашает независимость средств массовой информации от государства и политических партий [16, с. 28]. В действительности сами немцы справедливо называют Германию «партийным государством» (*Parteienstaat Deutschland*) [11, с. 258-259, 270], где партии играют существенную роль в общественно-политической жизни. Через своих членов партии охватывают влиянием всех политиков, в том числе беспартийных [12, с. 259]. Это же в значительной мере касается представителей СМИ, к которым, как и к политикам, применима формула антропоцентриче-

ской парадигмы, единой политической линии вынужденной приверженности к журналистскому «единообразию» (*Gleichschaltung*) в текстах о России и её руководстве.

Ключевую позицию в современном информационном противоборстве занимает антропоцентрическая парадигма [6, с. 10] с её лингвистической формулой «Язык субъекта – объект в языке». Под обобщающим понятием «субъект» в статье подразумеваются, в первую очередь, политики и журналисты, а также политические партии. Немецкие журналисты, как пишущие субъекты, сосредоточили в антироссийских публикациях свои главные усилия на личности Президента РФ В.В. Путина как на объекте их критики.

Весьма авторитетный в ФРГ Федеральный центр политического образования *Bundeszentrale für politische Bildung* опубликовал 9 мая 2018 года исследование под названием «Образ России в немецких СМИ» („*Das Russlandbild in den deutschen Medien*“).

По данным этого исследования, «Путин и Москва доминируют в немецких публикациях об этой огромной стране. Уже сами названия книг немецких авторов о России изображают российского Президента Владимира Путина в виде «иконы»: «Путинский российский мир», «Тайная война Путина», «Поколение Путина» или «Путин – новый царь», – так называются политические труды о Российской Федерации, в которых взгляд на огромную страну, насчитывающую около 140 млн. человек, часто зауживается до одной единственной персоны» [17].

По мнению научного сотрудника Центра европейских исследований Артема Соколова, выражение *Putinversther* («путинферштейер» – нем. «понимающий Путина») вошло в словарь немецкого политического неояза и получило широкую известность [8]. Кто же такой *Putinversther*? По состоянию на 2014 год, так могли называть любого немецкого политика, уклоняющегося от критики в адрес России. Глагол *verstehen* (нем. понимать) в данном контексте предлагалось рассматривать не в значении «понимать намерения, мотивацию», но в значении «понимать и поддерживать». «Понимающий Путина» – это не эксперт в российской политике, но тот, кто оправдывает действия Москвы вне зависимости от причин на это.

Основной информационный удар западного мейнстрима пришёлся на значительную часть политических сил ФРГ, оказавшихся «слишком

понимающими» в отношении России: СДПП, «Левых» и АдГ.

«В каком-то смысле понятие *Putinverstehер* успело устареть. На волне антироссийской пропаганды 2014–2015 годов оно выглядело (или должно было выглядеть) как обидное клеймо. Сейчас очевидно, что «выравнивание» идейного пространства Германии (*нем.* Gleichschaltung – *прим.* Н.А.) закончилось неудачей. Российская политика имеет в ФРГ своих сторонников и противников» [8].

Из упомянутых текстов сложился экстралингвистический фон концептосферы «Россия в СМИ ФРГ», который представлен рядом **политических нарративов**. Политический нарратив представляет здесь совокупность текстов разных авторов и жанров (аналитическая статья, интервью, комментариев и др.), сконцентрированных вокруг определённого политического события [9, с. 77–78]. В качестве примеров политических нарративов можно привести комплексы разнообразных текстов СМИ ФРГ, объединённых общими темами и имеющих антироссийскую трактовку: «Аннексия Крыма» (в действительности – «Возвращение Крыма в состав РФ») – „*Die Annexion der Krim*“ [15]; „*Handelsblatt*“, 14.06.19; «Россия как агрессор в событиях на Украине» (однако на деле Россия не является участницей конфликта в Донбассе – *прим.* Н.А.), «Антироссийские санкции» – „*Russland-Sanktionen*“.

Каждый из составляющих нарратив текстов имеет те или иные интенции и ориентирован на определённую аудиторию [9, с. 78]. Экстралингвистический фон, сюжет политического нарратива – это последовательность определённых фактов. В нарративе „*Krim-Annexion*“ – это прозападный путч в Киеве, объявление крымчанами 16 марта 2014 года в знак протеста независимости Крыма, референдум, на котором за воссоединение Крыма с Россией проголосовало абсолютное большинство жителей полуострова и севастопольцев, восстановление с момента подписания межгосударственного договора 18 марта 2014 года Республики Крым и города Севастополь в составе России. По наблюдениям автора, с 2020 года этот нарратив в немецких СМИ пошёл на убыль.

Упомянутые выше события в рамках названного выше нарратива не получили объективного освещения. В ряде немецких газет появились заголовки: «Крым: Путин ставит мир перед фактом» – *Die Krim: Putin schafft Fakten* [Vorwärts, 3.03.2014], [Focus, 16.03.2014], [Welt, 9.08.2017];

«Крымский кризис» – *Krimkrise (Aus Protest gegen die Krim-Annexion hatte der Europarat Russland das Stimmrecht entzogen)* [Der Spiegel, 10.04.2014]; *Fünf Jahre Krim-Annexion* – «5 лет аннексии Крыма» [Deutsche Welle, 16.03.2019].

Определённое представление о манипулятивном характере пейоративных публикаций в немецком мейнстриме по российской тематике дают приведённые ниже заголовки статей в крупных газетах ФРГ:

«**Зюддойче Цайтунг**» (*Süddeutsche Zeitung*): «На саммите «Двадцатки» в Осаке главенствовали **автократы** (инсинуация) типа Путина и Си» (*нем.* Osaka: Der G-20-Gipfel gehörte den Autokraten wie Putin oder Xi) 30.06.2019.

«Трампа и Путина **в полном согласии**» («Trump und Putin: Im Einklang»), 28.06.2019.

«Ангела Меркель **отнюдь не** подруга Путина» (передёргивание) (Angela Merkel ist alles andere als eine Putin-Freundin), 27.06.2019.

«Россия: **всё** нужно спрашивать у дяди Владимира» (инсинуация) (Russland: Fragen Sie Onkel Wladimir), 20.06.2019.

На страницах одной из самых популярных немецких газет „*Frankfurter Allgemeine Zeitung*“ по российской тематике регулярно выступает московский корреспондент Фридрих Шмидт (*Friedrich Schmidt*). О тенденциозной направленности содержания его статей дают представленные их заголовки и подзаголовки.

«Протесты в Москве. Помогает только **сопротивление**» (подстрекательство) („*Proteste in Moskau: Nur Widerstand hilft*“), 14.07.2019

«Победа Зеленского: российские паспорта для восточных украинцев. Некоторые украинские политики усматривают в декрете **подготовку к прямому военному вторжению** России» (инсинуация и переворачивание фактов) („*Wahlsieg Selenskyjs: Russische Pässe für Ostukrainer*“ / *Manche ukrainischen Politiker sehen in dem Dekret eine Vorbereitung auf ein offenes militärisches Eingreifen Russlands*), 24.04.2019.

Пейоративный характер в отношении России носят заголовки и подзаголовки материалов **радио «Дойчландфунк»** (*Deutschlandfunk*). Приведём некоторые из них:

«Заявление германского посла в России: без санкций не будет никакого решения украинского конфликта» (инсинуация) („*Deutscher Botschafter in Russland – Ohne Sanktionen keine Lösung im Ukraine-Konflikt*“), 23.06.2019.

«Обвинения в убийстве в связи с крушением самолета МН17: Россия **попирает между-**

народное право» (клевета и передёргивание) („Mordanklagen nach MH17-Abschuss – Russland pfeift auf internationale Regeln“), 22.02.2020.

«Российский каменный уголь для Германии: **из-за него страдают** люди, портятся вода и воздух» (передёргивание) („Russische Steinkohle für Deutschland – „Darunter leiden die Leute, Wasser und Luft“), 03.12.2018.

В названных и других публикациях бросается в глаза уже упоминавшееся выше «единообразие» (*Gleichschaltung*) в антироссийской направленности текстов. В целом автор не обнаружил в крупных германских СМИ объективных материалов без признаков речевых манипуляций, наиболее частым приёмом которых является комбинация инсинуации, замалчивания, конструирования фактов с их передёргиванием и подтасовкой (*Unterstellung*). Так, возвращение Крыма в состав России в соответствии с волеизъявлением подавляющего большинства населения полуострова произвольно называют «аннексией» (*Annexion*), то есть захватом, «сецессией» (*Sezession*), иначе говоря, отсечением, «противоречащим международному праву актом» (*völkerrechtswidriger Akt*). Воинам вооружённых формирований ДНР и ЛНР навешивают ярлыки «сепаратистов» (*Separatisten*) и «боевиков» (*Söldner, Banditen*) („*Neue Zürcher Zeitung*“, 30.05.2014). Карательные акции регулярных войск Украины против населения ДНР и ЛНР до недавнего времени цинично называли «антитеррористической операцией», «АТО» (*antiterroristische Operation*). Россию обвиняют во вмешательстве в конфликт в Донбассе (*auch der Donbass fällt immer klarer in den russischen Machtbereich*) и невыполнении Минских соглашений, хотя РФ не является стороной этого противоборства (*Moskau inszeniert sich als unbeteiligter Dritter in einem «Bürgerkrieg» und bestreitet jede Einmischung* – („*Süddeutsche Zeitung*“, 20.03.2017).

В заключение подчеркнём, что в центре внимания современного информационного сообщества находится обмен информацией, в том числе в виде информационного противоборства с применением речевых манипуляций. Для противодействия языковой агрессии требуются доскональные знания иностранных языков и владение искусством перевода. «Глобальные явления ведут к ускорению обмена информацией

во всех областях знаний, к небывалому развитию коммуникационной инфраструктуры и, как следствие, к огромному увеличению объёмов переводимой информации» [3, с. 14].

Из сказанного выше можно сделать следующие выводы:

1. Отечественная система филологического образования фактически обходит стороной проблематику иностранной речевой агрессии по отношению к России и обедняет подготовку риторически грамотного студента-международника.

2. Для глубокого лингвориторического изучения немецких антироссийских языковых манипуляций нужны дополнительные исследования. Знание механизмов и приёмов речевого манипулирования помогло бы вузовским преподавателям немецкого языка и студентам более обдуманно воспринимать информацию из немецкого политического мейнстрима.

3. Речевое манипулирование в современных текстах немецких СМИ по российской тематике явление распространённое, обладающее разнообразными способами и средствами своего воплощения. При этом наиболее часто немецкими авторами используются такие способы манипуляции, как умолчание, селекция и передёргивание информации.

4. Целесообразно в вузовских программах обучения иностранным языкам предусмотреть в ходе занятий по иностранным языкам (реферированию, переводу) время и место для освещения проблем речевого насилия с этических позиций российского патриотизма. Это способствовало бы повышению качества подготовленности учащихся вузов для квалифицированного участия в информационном противоборстве в интересах России.

5. В условиях нарастания жёсткого информационного противоборства Востока и Запада, в том числе на германском направлении, всё большее значение приобретает общая лингвориторическая компетенция профессорско-преподавательского состава и студентов-международников. Представляется целесообразным шире включать рассматриваемую проблематику в научную работу и практические аудиторные занятия.

Список литературы

1. Волкогонов Д.А. Психологическая война: Подрывные действия империализма в области общественного сознания. М.: Воениздат, 1984. 288 с.
2. Доценко Е.Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. М.: ЧеРо, Изд-во МГУ, 1997. 344 с.
3. Евтеев С.В. Немецкий язык. Теория перевода. Основные положения: учеб. пособие. М.: МГИМО-Университет, 2014. 185 с.
4. Копнина Г. А. Речевое манипулирование: учеб пособие. 2-е издание. М.: Флинта, 2008. 176 с.
5. Лавров С.В. Соседи по Европе. Сергей Лавров об итогах 30-летних отношений между Россией и Евросоюзом (Статья министра иностранных дел РФ в «Российской газете» от 18.12.19) // [Электронный ресурс] – URL: <https://rg.ru/2019/12/18/sergej-lavrov-ob-itogah-30-letnih-otnoshenij-mezhdu-rossiej-i-evrosoiuzom.html>.
6. Маслова В.А. Современные направления в лингвистике: учеб. пособие. – М.: Издательский центр «Академия», 2008. 272 с.
7. Сковородников А.П. Языковое насилие в современной российской прессе // Теоретические и речевые аспекты речевого общения: Науч.-методич. бюл. / Краснояр. гос. ун-т; под ред. А.П. Сковородникова. Вып. 2. Красноярск – Ачинск, 1997. С. 10 – 15 (6).
8. Соколов А. П. Атака на понимающих Россию. Аналитический портал RuBaltic. Ru. [Электронный ресурс] – URL: <https://www.rubaltic.ru/article/politika-i-obshchestvo/10022020-ponimayushchie-putina-kak-kleymyat-nemetskikh-storonnikov-dialoga-s-rossiej/>.
9. Чудинов А.П. Политическая лингвистика: учеб. пособие. 2-е изд. испр. М.: Флинта: Наука, 2007. 256 с.
10. Щербатых Ю.В. Искусство обмана. Популярная энциклопедия. М.: Издательство ЭКСМО-Пресс, 2002. 720 с.
11. Юридический словарь// [Электронный ресурс] – URL: <http://endic.ru/legal/Insinuacija-7078.html>.
12. Alemann, U. Das Parteiensystem der Bundesrepublik Deutschland. Bundeszentrale für politische Bildung (Hrsg.): Bonn, 2010. 176 S.
13. Das ND und die Krim// [Электронный ресурс] –URL: <https://ulrich-heyden.de/article/das-nd-und-die-krim>.
14. Europa gegen Russland: Besteht Kriegsgefahr?// [Электронный ресурс] – URL: <https://www.stadt-wien.at/politik/europa-russland-krieg-gefahr.html>.
15. Fünf Jahre Annexion der Krim – wirtschaftliches Desaster für Russland// [Электронный ресурс] – URL: <https://www.sueddeutsche.de/politik/fuenf-jahre-annexion-der-krim-wirtschaftliches-desaster-fuer-russland-1.4371365>.
16. Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland. Bonn: Bundeszentrale für politische Bildung, 2002. 208 S.
17. Heyden Ulrich, Weinmann Ute. Opposition gegen das System Putin. Zürich: Rotpunktverlag, 2009. 328 S.
18. Müller Albrecht. Darf man von Gleichschaltung der Medien sprechen? Und davon, dass die Demokratie höchst gefährdet ist? [Электронный ресурс] – URL: <https://www.nachdenkseiten.de/?p=21735>.
19. Pörzgen G. Das Russlandbild in den deutschen Massenmedien. Bundeszentrale für politische Bildung// [Электронный ресурс] – URL: <http://www.bpb.de/internationales/europa/russland/47998/russlandbild-deutscher-medien>.
20. Regierungserklärung der Bundeskanzlerin vom 06.05.2014// [Электронный ресурс] – URL: <http://www.bundestkanzlerin.de/Content/DE/Regierungserklaerung/2014-06-05-bt-merkel.html.merkel.html>.
21. Ukraine-Krise hat nicht nur Europa und Russland gespalten...// [Электронный ресурс] – URL: <https://www.ipg-journal.de/rubriken/aussen-und-sicherheitspolitik/artikel/einfach-russisch-3852/>.
22. Warum die deutschen Medien gegen Russland mit den Säbeln rasseln// [Электронный ресурс] – URL: <https://www.freiewelt.net/reportage/warum-die-deutschen-medien-gegen-russland-mit-den-saebeln-rasseln-10068279/>.
23. Wehling Elisabeth. Politisches Framing. Wie eine Nation sich ihr Denken einredet - und daraus Politik macht// [Электронный ресурс] – URL: https://www.deutschlandfunk.de/sprachforscherin-wehling-moral-ist-fast-etwas-unehrenhaftes.868.de.html?dram:article_id=38613.

Сведения об авторе:

Андреев Николай Иванович – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого языка МГИМО (Россия, Москва). Сфера научных и профессиональных интересов: немецкий политический дискурс, переводоведение, общественно-политический перевод.
E-mail: andreevni@yandex.ru

GERMAN SPEECH MANIPULATION IN TEXTS ABOUT RUSSIA

N.I. Andreev

Moscow State Institute of International Relations (University),
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *This article discusses the features of speech manipulation on the Russian theme in modern German political texts. The need to write such a work is due to a number of factors.*

First, the authors note that this topic, despite its relevance in the context of increasing information warfare, especially over the past five years, is not sufficiently described. The problem of speech violence is practically not considered in the theoretical part of the relevant dissertations, scientific articles and textbooks. In the exercises for students on abstracting, listening and socio-political translation there are no tasks related to the detection and analysis of speech manipulation means, speech demagoguery or speech aggression in foreign media.

Secondly, in the presence of a large amount of literature, one way or another devoted to the problem of media manipulation, it is possible to find relatively little linguistic research of foreign texts.

And, thirdly, it should be noted that there are theoretical gaps in this area of research, in particular, the lack of generally accepted points of view on the classification, the terminological name of speech strategies, tactics and techniques used for the purpose of covert introduction into the consciousness of the addressee of the necessary information to the manipulator, which complicates the analysis of speech facts of manipulative influence.

With regard to the German political language, the authors of this article pay attention to the manipulative linguistic techniques of the German media in publications on Russian (and in fact - anti-Russian) topics, on the extralinguistic background, especially related to the reunification of the Crimea with Russia and the conflict in the Donbass. German media, ranging from the relatively respectable newspaper "Süddeutsche Zeitung" to the Boulevard "Bild" write and talk about Russia either in a bad light or nothing at all.

Thus, a pejorative function directed at a negative characterization of our state without any serious argument comes to the fore. Since different types of language manipulation require contexts of a greater length for their demonstration, the authors confine their material to the adduced one.

Key Words: *speech manipulation, media mainstream, methods of information manipulation, silence, distortion, construction, insinuation, anthropocentric paradigm, narrative*

References

1. Volkogonov, D. A. Psihologicheskaya voyna: Podryvnye deystviya imperializma v oblasti obshchestvennogo soznaniya. [Psychological war: Subversive actions of imperialism in the field of public consciousness]. Moscow: Voenizdat, 1984. 288 p.
2. Dotsenko E. L. Psihologiya manipulatsii: fenomeny, mekhanizmy i zashchita. [Psychology of manipulation: phenomena, mechanisms and protection]. Moscow: Chero, MSU publishing House, 1997. - 344 p.
3. Evteev S. V. Nemetskii yazyk. Teoriya perevoda. Osnovnye polozheniya: ucheb. posobie. [German. Translation theory. Main provisions: studies. stipend]. M.: MGIMO-University, 2014 – 185 p.
4. Kopnina G. A. Rechevoe manipulirovaniye: ucheb. posobie. – 2-e izdaniye. [Speech manipulation: a training manual. - 2nd edition]. Moscow: Flint, 2008. – 176 p.
5. Lavrov S.V. Sosedni po Evrope. Sergej Lavrov ob itogakh 30-letnikh otnosheniy mezhdu Rossiei i Evrosoiuzom [Neighbors in Europe. Sergey Lavrov on the results of 30-year relations between Russia and the European Union]. Stat'ya ministra inostrannykh del RF v «Rossiiskoi gazete» ot 18.12.19. [Article by the Russian foreign Minister in Rossiyskaya Gazeta dated 18.12.19]. Available at: <https://rg.ru/2019/12/18/sergej-lavrov-ob-itogah-30-letnih-otnoshenij-mezhdu-rossiej-i-evrosoiuzom.html> (accessed 18 December 2019).
6. Maslova V. A. Sovremennyye napravleniya v lingvistike: ucheb. posobie. [Modern trends in linguistics: studies. stipend]. - Moscow: publishing center "Academy", 2008. – 272 p.

7. Skovorodnikov A. P. Iazykovoie nasilie v sovremennoi rossiiskoi presse // Teoreticheskie i rechevye aspekty rechevogo oobshcheniia: Nauch.-metodich. byul. [Language violence in the modern Russian press / / Theoretical and speech aspects of speech communication: Scientific.- methodical. Bull]. / Krasnoyar. state University; edited by A. P. Skovorodnikov. Vol. 2. Krasnoyarsk-Achinsk, 1997. Pp. 10-15 (b).
8. Sokolov A. P. Ataka na ponimaiushchikh Rossiui. Analiticheskii portal RuBaltic. Ru [Attack on understanding Russia. RuBaltic analytical portal. Ru]. Available at: <https://www.rubaltic.ru/article/politika-i-obshchestvo/10022020-ponimayushchie-putinaka-kleymyat-nemetskikh-storonnikov-dialoga-s-rossie> (accessed 10 February 2020).
9. Chudinov A. P. Politicheskaja lingvistika: ucheb. posobie. – 2-e izd. ispr. [Political linguistics: studies. stipend. - 2nd ed. ISPR]. - Moscow: Flint: Nauka, 2007. - 256 p.
10. Scherbatykh Yu. V. Iskustvo obmana. Populiarnaia entsiklopediia. [The Art of deception. Popular encyclopedia]. Moscow: EKSMO-Press publishing House, 2002. - 720 p.
11. Yuridicheskij slovar' [Legal dictionary/], endic.ru/legal/Insinuacija-7078.html. (accessed 10 February 2020).
12. Alemann, U. Das Parteiensystem der Bundesrepublik Deutschland. Bundeszentrale für politische Bildung (Hrsg.): Bonn, 2010. – 176 S.
13. Das ND und die Krim// ulrich-heyden.de/article/das-nd-und-die-krim (accessed 19. March 2019).
14. Europa gegen Russland: Besteht Kriegsgefahr?// www.stadt-wien.at/politik/europa-russland-krieg-gefahr.html. (accessed 10 March 2020).
15. Fünf Jahre Annexion der Krim – wirtschaftliches Desaster für Russland. Available at: <https://www.sueddeutsche.de/politik/fuenf-jahre-annexion-der-krim-wirtschaftliches-desaster-fuer-russland-1.4371365> (accessed 18 February 2019).
16. Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland. Bonn: Bundeszentrale für politische Bildung, 2002. – 208 S.
17. Heyden Ulrich, Weinmann Ute. Opposition gegen das System Putin. Zürich: Rotpunktverlag, 2009. - 328 S.
18. Müller Albrecht. Darf man von Gleichschaltung der Medien sprechen? Und davon, dass die Demokratie höchst gefährdet ist? www.nachdenkseiten.de/?p=21735 (accessed 15 May 2014).
19. Pörzgen G. Das Russlandbild in den deutschen Massenmedien. Bundeszentrale für politische Bildung// www.bpb.de/internationales/europa/russland/47998/russlandbild-deutscher-medien (accessed 10 March 2020).
20. Regierungserklärung der Bundeskanzlerin vom 06.05.2014. Available at: <http://www.bundeskanzlerin.de/Content/DE/Regierungserklaerung/2014-06-05-bt-merkel.html>. merkel.html (accessed 6 May 2014).
21. Ukraine-Krise hat nicht nur Europa und Russland gespalten, www.ipg-journal.de/rubriken/aussen-und-sicherheitspolitik/artikel/einfach-russisch-3852/ (accessed 4 November 2019).
22. Warum die deutschen Medien gegen Russland mit den Säbeln rasseln. www.freiewelt.net/reportage/warum-die-deutschen-medien-gegen-russland-mit-den-saebeln-rasseln-10068279/ (accessed 25 August 2016).
23. Wehling Elisabeth. Politisches Framing. Wie eine Nation sich ihr Denken einredet - und daraus Politik macht. www.deutschlandfunk.de/sprachforscherin-wehling-moral-ist-fast-etwas-unehrenhaftes.868.de.html?dram:article_id=38613 (accessed 14 May 2017).

About the author:

Nikolay Andreev – Candidate of philological Sciences, associate Professor of the Department of German at MGIMO (Moscow, Russia). Sphere of scientific and professional interests: German political discourse, translation studies, social and political translation. E-mail: andreevni@yandex.ru

* * *

ВЕРБАЛЬНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ВОЙН НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ (ЛИНГВОСТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ)

М.В. Беляков

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

В статье рассматривается понятие дипломатической войны в новой интерпретации, изменившееся из-за перемен в современной дипломатической коммуникации – сложно организованной системы, состоящей из разнообразных компонентов: собственно дипломатических, политических, экономических, исторических, юридических, лингвистических и ряда других. В статье анализируются примеры вербальной составляющей дипломатической коммуникации с учётом коммуникативных тактик в процессе информационно-дипломатической войны, активно развивающейся в настоящее время в международных отношениях. Материалом исследования послужили тексты выступлений Постоянного представителя России в Совете Безопасности ООН В.А. Небензи и Министра иностранных дел Украины в 2014-2019 гг. П. Климкина в ситуации дипломатической конфронтации. В статье рассмотрены стратегии вербального противостояния, оцениваются характеристики эмотивности и клишированности дипломатического текста, вводится понятие имплицитно оценочного дипломатического клише. Выступления в Совете Безопасности ООН выделяются в отдельный поджанр публичных выступлений, анализируются вербальные, структурные характеристики речей, полученные количественными компьютерными средствами. По результатам количественного лингвистического анализа и анализа экстралингвистической ситуации строится лингвопрагматическая модель речевой ситуации дипломатического противостояния.

Ключевые слова: лингвостатистика, дипломатический дискурс, открытая дипломатия, дипломатические войны, Совет Безопасности ООН, Небензя, эмотивность, имплицитно оценочные клише

Несмотря на то, что дипломатический дискурс по-прежнему представляет собой один из наиболее закрытых типов институционального дискурса, к нему обращается всё больше исследователей. Изучаются его дискурсивные практики, вербальная составляющая, характерные синтаксические конструкции, сложная система семантических отношений, эмотивность и выражения оценки [2]. Дипломатическая коммуникация не останавливается ни на минуту: с начала XXI века наблюдается постоянно возрастающая международная напряжённость – происходят «цветные революции», пограничные кон-

фликты, террористические акты в разных концах мира, торговые и санкционные войны, межэтнические и региональные конфликты. Переход части дипломатического дискурса в медийное пространство упрощает его изучение, поскольку современная дипломатическая коммуникация осуществляется на самых разных уровнях восприятия – визуальном, аудиальном, мультимедальном. Современной дипломатии приходится действовать в ситуации информационных войн, реализующихся на всех этих уровнях.

Очень часто (по-видимому, теперь всегда) прямым вооружённым конфликтам предше-

ствуют информационные войны. Информационная война, по мнению И.Н. Панарина, есть основное средство современной мировой политики и экономики, доминирующий способ достижения политической, духовной, финансовой и экономической власти [5]. В такой ситуации дипломатическая коммуникация приобретает особые черты, нередко переходя в вербальные информационно-дипломатические войны.

Ещё в 50 г. XX века директор ЦРУ Аллен Даллес сформулировал основные стратегические цели ведения информационно-идеологической войны против СССР, которые теперь реализуются в отношении России [1, с. 595]. В наши дни основным средством ведения такой войны являются медиа, в первую очередь Интернет. Информационные войны, затрагивающие международные отношения, порождают войны дипломатические. Дефиниции термина «дипломатическая война», зафиксированной в лексикографических источниках, не существует. До определённого времени под этим термином понималось противостояние на уровне дипломатических ведомств, так называемые «симметричные ответы» [8], например, в случае наложения ареста на дипломатическую собственность, как с объектами российской дипсобственности в США в 2016 году, или высылки дипломатов из страны по разным поводам, в частности, обвинению в шпионаже и ответной высылке дипломатов, как в начале 2020 года произошло в Болгарии с двумя российскими дипломатами. По нашему мнению, этот термин можно расширить до противостояния дипломатов на вербальном уровне, которое, в частности, постоянно происходит на заседаниях Совета Безопасности ООН.

Целью данного исследования является лингвостатистический анализ компьютерными средствами выступления Постоянного представителя России в Совете Безопасности (СБ) ООН В.А. Небензи как примера вербального дипломатического противостояния на уровне СБ. Объект исследования – речь В.А. Небензи от 29.05.2018 г. как ответная реакция на выступление министра иностранных дел Украины П. Климкина, также рассмотренного в рамках исследования; предмет исследования – выявление вербализованных коммуникативных стратегий и тактик и уровня эмотивности речи дипломата и его оппонента в ситуации обострившегося дипломатического противостояния.

Совет Безопасности ООН создан в 1946 году с целью обсуждения и разрешения дипломатиче-

ским путём самых острых международных проблем. Пост Постоянного представителя России в Совете Безопасности ООН занимают дипломаты самого высокого ранга. С июля 2017 года на этом посту работает Василий Алексеевич Небензя, имеющий высший дипломатический ранг Чрезвычайного и полномочного посла.

Деятельность Полномочного представителя при ООН всегда была непростой, так как в Совете Безопасности обсуждаются наиболее острые международные проблемы, и представитель каждой из 15 стран-участников должен вербальными средствами, используя все доступные способы речевого воздействия, доносить мнение своего государства, чтобы впоследствии Советом было принято коллегиальное решение. Учитывая тот факт, что выступление ограничено по времени регламентом, прагматическая и семантическая нагруженность текста должна быть максимально оптимальной.

Сейчас аудитория выступлений в СБ не ограничивается собственно 15-ю членами Совета Безопасности, как было в начале его деятельности в 1946 году, поскольку записи открытых заседаний доступны на сайте ООН и частично на сайтах дипломатических ведомств разных стран. Очевидно, что поведение выступающих, в том числе и вербальные характеристики речей, изменились (см. [4, с. 128-135]). Но поскольку заседания СБ ООН являются открытыми по сути и оцифрованными по форме, есть возможность проанализировать данные тексты как качественными, так и количественными методами.

Безусловно, выступления Постоянного представителя при ООН являют собой особую форму дипломатической речи, относящуюся к жанру публичных выступлений в рамках более широкого жанра общественно-политических речей, нередко более яркую, эмоционально насыщенную, метафоричную, отчасти выходящую за рамки дипломатического стиля. В целом, такие выступления можно выделить в отдельный поджанр, поскольку, с одной стороны, дипломат-адресант выступает в роли «делегированного субъекта», выражая не собственное мнение, а мнение представляемого им государства, соответственно, его дискурсивное поведение ограничено этими рамками. С другой стороны, в своей речи дипломат, что совершенно естественно, использует характерные для его идиолекта речевые обороты, которые не должны выходить за рамки дипломатической речи, но, вместе с тем, должны быть яркими и понятными слушателям –

представителям других лингвокультур, чтобы речь достигла поставленной прагматической цели [3 с.453-460].

Благодаря тому, что тексты речей всех выступающих на заседаниях Совета Безопасности ООН хранятся в электронной библиотеке Security Council в открытом доступе в формате .pdf, начиная с 1964 года (более ранние речи (с 1946 года) выложены в виде скан-копий, которые сложнее обрабатывать), есть возможность провести компьютерный анализ любой из находящихся в библиотеке речей.

Применённая методика анализа определялась поставленной целью – выявить максимально объективными средствами лингвостатистики количественные характеристики дипломатической речи в обострившейся экстралингвистической ситуации (проблематика отношений с Украиной), а именно обработать текст средствами прикладной компьютерной количественного контент-анализа программы Yohicoder 0.6.5.0, чтобы получить словарь-конкорданс, который позволяет локализовать все словоформы, входящие в текст, определить их дистрибуцию, благодаря чему легко, с одной стороны, получить частотные характеристики вхождения словоформ, а с другой – выделить дипломатические клише, речевые обороты, коннотации, эмотивную лексику и пр. Автоматизированная обработка текста компьютерными онлайн-программами SEO-анализа (Search Engine Optimization) позволяет объективно получить ряд количественных данных, а также такие характеристики текста, как его семантическое ядро, лемматизированные словоформы и ряд других. Программы такого типа устанавливают разные статистические параметры текста, такие, как, например, классическая тошнота текста (заспамлённость текста), академическая тошнота текста (соотношение наиболее частотных и значимых слов), водность текста (процентное соотношение незначимых слов (стоп-слов) к общему количеству слов текста).

Для анализа мы выбрали речь В.А. Небензи от 29 мая 2018 года, поскольку она представляет собой яркий пример выступления дипломата в рамках навязанной России информационно-дипломатической войны.

На повестке дня заседания СБ ООН от 29 мая 2018 года [10] стояло обсуждение положения дел на Украине, в качестве приглашённого выступал бывший в то время министром иностранных дел Украины П. Клишкин. На заседании, длившемся

3 часа, выступили все 15 членов СБ ООН, а также три высших чиновника СБ ООН: г-жа Р. Дикарло, г-н Э. Апакан и г-жа У. Мюллер. Проведя критический дискурс-анализ речей, можно сделать вывод, что это заседание вполне можно рассматривать как пример информационно-дипломатической войны, поскольку речи наполнены конфликтосодержащей лексикой, нетипичными для дипломатической речи синтаксическими оборотами, представлением непроверяемой информации в намеренно негативном свете (см. ниже). В целом, выступления можно разделить на две большие группы по степени конфликтосодержащей риторики в отношении России. Основным маркером является эксплицитное упоминание в речи слова «Россия». Если слова *Россия* в выступлении нет, то речи, несмотря на присутствие лексики с отрицательной коннотацией (*убийства, жертвы, насилие, страдания, ущерб, война, конфликт* и пр.) имеют в целом нейтральный характер, выдержаны в рамках дипломатического стиля, в них нет негативной оценочной лексики в адрес нашей страны. Это один из способов определения тональности в тексте – выражение мнения при помощи фактической лексики. К этим выступлениям относятся речи г-жи Дикарло, г-на Апакана, г-жи Мюллер, г-на Делаттра (Франция), г-на Ма Чжаосюй (Китай), г-на Умарова (Казахстан) и др. Двенадцать выступавших конструктивно и уравновешенно характеризовали сложившуюся вокруг Украины ситуацию, используя мигитативные стратегии смягчения с прагматической целью – с одной стороны, высказать своё мнение с оценкой ситуации без обвинения конкретного объекта, а с другой – остаться в рамках дипломатического дискурса.

Остальные пять выступавших – представители Польши, Украины, Швеции, Нидерландов, Соединённого королевства, США – вербально продемонстрировали однозначно негативное отношение к России в сложившейся ситуации. При этом объектом оценки является не ситуация, как в предыдущих речах, а объект – Россия. В этих речах слово *Россия* высокочастотно и употребляется в резко оценочном контексте, реализуемом, по большей части, с помощью именных групп, например, *враждебные действия России* (г-н Чапутович (Польша)); *активная дестабилизирующая роль России* (г-н Блок (Нидерланды)); *продолжающаяся агрессия России* (г-н Ског (Швеция)); *поддерживаемые Россией сепаратисты; Россия должна прекратить начатые ею*

боевые действия; <...> проведённая Россией аннексия Крыма является незаконной (г-жа Пирс (Соединённое Королевство)); Россия вторглась; Россия создала угрозу катастрофы; Россия является движущей силой в украинском конфликте (г-жа Хейли (США)).

Выступление приглашённого министра иностранных дел Украины П. Климкина представляет собой яркий пример негативной оценочной риторики, реализованной при помощи вербализованных эмоций, ожидаемо спровоцировавших ответную речь В.А. Небензи в той же тональности, что можно рассматривать как пример вербального информационно-дипломатического противостояния. Лингвостатистические показатели текста выступления П.Климкина, полученные средствами автоматической онлайн обработки текста SEO (advego), подтверждают этот тезис.

Г-н Климкин (Украина): «... приверженность противодействию агрессии России в отношении моей страны...; <...> единодушно осудили реваншистскую политику Кремля; российские войска обстреливают и убивают на нашей территории не только моих соотечественников; послужили ужасным напоминанием о цене российской агрессии. <...> 18 мая российские оккупационные силы обстреляли жилые районы; взорвался выпущенный российскими марионетками снаряд; <...> Действия российских оккупационных властей уже привели к экологической катастрофе; <...> Оккупация привела к ускоренной милитаризации Крыма. Россия более чем в два раза увеличила численность своих вооружённых сил в Крыму и продолжает готовить крымскую военную инфраструктуру для размещения ядерного оружия» [10, с.32].

Таблица 1

Статистика выступления П. Климкина

Наименование показателя	Значения
Количество слов	2042
Количество уникальных слов	863
Количество значимых слов	629
Количество стоп-слов	709
Водность	69,2%
Классическая тошнота документа	5,29
Академическая тошнота документа	5,3%

Таблица 2

Лексемы (фрагмент)

Слово	Количество	Частота, %
российский	28	1,37
Россия	28	1,37
Украина	20	0,98
Крым	13	0,64

Слово	Количество	Частота, %
оккупировать	10	0,49
международный	9	0,44
оккупация	8	0,39
конфликт	6	0,29
нарушение	6	0,29
агрессия	5	0,24
безопасность	5	0,24
военный	5	0,24
незаконный	5	0,24
оккупационный	5	0,24
нападение	4	0,20
свобода	4	0,20
насилие	3	0,15
обстрел	3	0,15
оружие	3	0,15
режим	3	0,15
снаряд	3	0,15
ядерный	3	0,15
борьба	2	0,10
вооружить	2	0,10

Максимальной частотой обладают слова, конкретизирующие тематику выступления, однако, стоит отметить лексему с наибольшей частотой – Россия. Если учитывать производные (российский) и узуальные синонимы (оккупирующая держава, Кремль, Москва, оккупационные власти, оккупационная администрация, режим), то общая частота употребления слов данной лексико-семантической группы существенно возрастёт. В данной речи лексема Россия обладает строго отрицательной коннотацией, повышение её частотности способствует переходу речи П. Климкина в негативную тональность, без дипломатической мигитации. Прагматическую модель выступления формирует использование:

1) непроверяемых деклараций, например: <...> С начала оккупации оккупирующая держава целенаправленно переселяет на полуостров огромное число поселенцев. Она ввозит поселенцев из различных регионов и создаёт невыносимые условия для местного населения, пытаясь заставить его покинуть полуостров; <...> сегодня Крым является огромной военной базой, которая нередко используется для осуществления российского вмешательства на удалённых территориях, в том числе в Сирии; <...> [10, с. 33-34];

2) редких для дипломатической речи риторических вопросов: <...> В этой связи я хотел бы спросить представителя России: этот снаряд был доставлен последним так называемым «гуманитарным конвоем» или же российские марионетки купили тяжёлые боеприпасы и вооруже-

ния в местном супермаркете, либо же они смогли изготовить копии всех видов оружия, ввозимого на Украину? К сожалению, это риторический вопрос – не требующий ответа, тем более ответа Российской Федерации. Для этого должно быть хоть какое-то чувство ответственности <...> [там же] (ответ на вопрос даёт сам выступающий в неприемлемом для дипломатического дискурса тоне).

Прагматическая модель выступления строится на использовании всех имеющихся в распоряжении выступающего синтактико-семантических конструкций с единственной целью – обвинить и унизить объект оценки, в данном случае Россию, сформировав негативной риторикой устойчивый отрицательный имидж, представив страну, от имени которой выступал П. Климкин, страдающей жертвой.

После речей Постоянных представителей ряда стран, тональность которых была явно негативной по отношению к России, выступил Постоянный представитель России В.А. Небензя. Полученные после автоматической обработки текста средствами SEO-анализа (advego.ru) лингвостатистические характеристики выступления показали, что речь необычно объёмна – 2939 слов. Как правило, выступления на заседаниях СБ ООН ограничены по времени и бывают заметно короче, что осложняет донесение мнения страны по обсуждаемому вопросу. Количество уникальных слов в речи – 1202, водность текста ниже нормы – 66,5%, что указывает на информативность содержания. Выделенное по результатам компьютерного анализа семантическое ядро текста показывает, что максимальной частотой обладают гиперлексемы (где гиперлексема – множество однокоренных лексем разных частей речи, связанных отношением трансформации и представленных в виде квазиоснов), маркирующие тему выступления: *украин* (55), *киев* (35), *росси* (31), *минск* (26), *донбасс* (16). Однако к ряду частотных относятся и заведомо конфликтосодержащие гиперлексемы, такие как *власть* (21) (в контексте *киевская власть*), *война* (7), *умереть* (8), *расследование* (8), *конфликт*, *трагедия* (4), *бандера*, *революция*, *ракета*, *террорист*, *шизофрения* (3) и др.

Коммуникативными характеристиками дипломатического дискурса в целом можно считать речевое смягчение и коммуникативную толерантность с использованием митигативных прескрипций (некатегоричность, сдержанность, уклончивость, корректность) [9]. К тактикам относят:

- тактику неопределённой референции *никто и никогда не предположит*;
- тактику литотного смягчения уступка *России, мягко выражаясь, к огромному сожалению*;
- тактику эвфемистических замен *никто и никогда не предположит* (вместо конкретной номинации), *широко признается*;
- тактику модусного ограничения *возможно, не стоит драматизировать*; тактику подчёркивания субъективности оценок *мы считаем* [Там же].

Однако анализируемая речь В.А. Небензи, произнесённая после обвинительного выступления П.Климкина, была насыщена нетипичными для дипломатического дискурса эмотивными оценочными суждениями, поскольку речь П. Климкина, в свою очередь, была выстроена по принципу автоматизации нагнетания отрицательной информации (истинность этой информации не слишком важна), и массированного эмотивно-информационного давления, что является общей схемой подготовки информационных военных операций [7]. Такое противостояние можно рассматривать как своего рода вербальную «дипломатическую дуэль».

Свою речь В.А. Небензя произнёс очень эмоционально, с использованием иронии и сарказма, что показывает критический контент-анализ речи:

Г-н Небензя (Российская Федерация): *«Я очень внимательно слушал своих коллег – теперь извольте, пожалуйста, послушать меня. **Наберитесь терпения.** <...> «В феврале 2014 года на Украине произошла «революция достоинства». (Напомню: синоним слова «революция» – это переворот. Значит, в Киеве всё-таки признают, что на Украине произошёл переворот и захват власти?) <...> Я мог бы продолжить перечень этих **убогих тезисов**, но оставлю возможность г-ну Климкину развить и дополнить их. Проблема в том, что мы имеем дело с **продавцами воздуха**. Но надо отдать им должное: киевская пропаганда преуспела в создании образа несчастной, свободолюбивой и миролюбивой Украины, отчаянно сопротивляющейся **коварному и ненавидящему её и ненавистному ей Мордору**. Преуспела не одна. В этом ей помогли и помогают её **покровители** на Западе (они все сейчас сидят в этом зале по левую и по правую руку от меня). Правда, в последнее время и они стали понимать, что что-то в этой картине не сходится. Уж больно эта картина сюрреалистич-*

на. Украина объявила о том, что находится в состоянии войны с Россией (правда, непонятно, кто в данном случае агрессор, поскольку мы в состоянии войны ни с кем не находимся). <...> Но есть панацея – все беды Украины можно списать на Россию. Так и происходит и, как правило, в карикатурных формах. <...> Уровень шизофрении на Украине зашкаливает. Напомню, шизофрения – это не ругательство. Это психиатрический синдром раздвоения личности. Украина благодаря стараниям её нынешних властей живёт в двух параллельных мирах – состоянии выдуманной «гибридной войны» с Россией и в реальном мире, где никакого «российского вторжения» нет. <...>» [10, с.24-30]:

Таблица 3
Конкорданс выступления В.А. Небензи (фрагмент)

состоянии выдуманной гибридной войны с	Россией	и в реальном мире где
Соединенных Штатов нравочения о нарушении	Россией	международного права и вторжении в
Вы об этом забыли с	Россией	на языке ультиматумов разговаривать никому не позволено
на Донбассе мотивы и замыслы	России	Вам это неизвестно. Зато хорошо
лишь очаг нестабильности у границ	России	и злорадное удовлетворение от напряжённости
обеспечить прозрачность расследования Генеральная прокуратура	России	всегда оперативно и в полном
цепную реакцию обвинений в адрес	России	в духе британского highly likely
и Австралией безапелляционным требованием к	России	признать свою вину. Я не
Киев относит ополченцев и мифические	российские	войска, демонстрируя в подтверждение их
бы ни происходило на Украине	российский	след это универсальный тезис Вы
сегодня в Киеве был убит	российский	гражданин журналист Аркадий Бабченко
еще раз огорчить некоторых присутствующих	российских	войск на Донбассе нет. Кстати
в реальном мире где никакого	российского	вторжения нет. Именно для того
разрушить созданную им удобную парадигму	российской	агрессии и поддерживаемых ею террористов
снайперов пытались угрожать физической расправой	российскому	дипломату. Привезла этих снайперов и

пыталась представить все это как	российскую	клевету ложь и пропаганду. До
границы посещают родственников приезжают в	Россию	на заработки, отдыхают в якобы
беды Украины можно списать на	Россию	Так и происходит и как
ненависти изливает киевская власть на	Россию	какую ложь они позволяют себе
украинская власть обвинит в этом	Россию	как уже не раз происходило
произошел переворот и захват власти	Россия	не смирилась с этим и
на Донбассе. Она оккупировала Крым	Россия	фактически ведет Третью мировую войну
справедливо говорили. Стала расхожей фраза	Россия	должна выполнить Минские договоренности. Но
прежде всего простые украинские граждане	Россия	в этом заинтересована больше всех
к ответственности. Напомню что именно	Россия	сразу после трагедии была у

Полученный в результате компьютерной обработки речи конкорданс позволяет определить дистрибуцию лексем, уточнив их узусное значение. Стоит отметить, что В.А. Небензи не стремится быть предельно политкорректным, называя войну войной, а не конфликтом, а убитых и раненых – именно так, а не сопутствующими потерями. Кроме того, речь В.А. Небензи, по нашим наблюдениям, в отличие от выступлений дипломатов более низкого ранга, с одной стороны, насыщена эмотивными конструкциями в форме разного рода [2] ярких речевых оборотов и сравнений (*коварному и ненавидящему её и ненавистному ей Мордору*), с другой – апелляцией к документам и протоколам, в данной речи – к пошаговому анализу Минских соглашений. Безусловно, эмотивная сила речевых оборотов в речах выделенного нами поджанра выступлений в СБ ООН заметно увеличивается, поскольку они появляются на общем фоне клишированных фраз [Там же], включая имплицитно оценочные дипломатические клише (*транспарентное следствие, беспочвенные выводы, полноправные участники* и многие другие) и сухой нейтральной лексики.

Синтаксические конструкции, которые можно расценивать как эмотивные (восклицательные, вопросительные, повторы, инверсия и пр.) активно используются обоими выступающими.

Выводы: оба выступления соответствуют параметрам, которые предложены в работе С.П. Расторгуева «Информационная война. Про-

блемы и модели»: похожесть текста на текст, повышение уровня эмотивности от текста к тексту [6]. По своей силе сообщения не равны друг другу, но значимость их может быть повышена их повторением. И нередко если фактов нет, то их придумывают, что является ещё одной стратегией информационно-дипломатической войны. В случае выступления П.Климкина предлагается не собственно новость, а её оболочка, симулякр, без конкретного наполнения.

Таким образом, лингвопрагматическая модель речевой ситуации вербального дипломатического противостояния в СБ ООН, с учётом представленности в медийной среде, может быть представлена следующим образом:

1) обстоятельства действия, где происходит коммуникация: наличие узкой аудитории (собственно членов СБ, высказывающих своё мнение), наличие широкой аудитории (гипотетических читателей стенограмм отчётов заседаний СБ/ зрителей теле/видеоканалов), что определяет некую «театральность» действия. Театральность определяет выбор лексики, включая конфликтостимулирующую, нетипичные для дипломатической речи синтаксические обороты, напри-

мер, риторические вопросы; иронию и сарказм, не принятые в иной дипломатической ситуации;

2) отношения между коммуникантами, которые в любой конфликтостимулирующей ситуации не должны проявляться эксплицитно;

3) речевая интенция:

а) выступление в роли «делегированного субъекта»;

б) представление непроверяемой информации, вызывающей необходимость непродуманной заранее реакции.

Таким образом, существуют типовые модели коммуникации в рамках выступлений в Совете Безопасности ООН, где при обсуждении наиболее острых международных тем оппоненты переходят в фазу «дипломатической дуэли», что подтверждает лингвостатистический анализ. Но, учитывая, сколь долго во времени тянутся те или иные международные конфликты, дипломатические дуэли в СБ переходят в стадию вербальной информационно-дипломатической войны, которую, тем не менее, профессиональные дипломаты выигрывают, умело используя универсальные и специфические для дипломатии коммуникативные модели.

Список литературы

1. Беляков М.В. Семиотические доминанты презентации информации в цифровой дипломатии // Вестник РУДН. Теория языка. Семиотика. Семантика. №3. 2019. с. 593-602.
2. Беляков М.В. Характер эмотивности дипломатического дискурса // Вестник РУДН сер. Лингвистика 2015, №2. с. 124-132.
3. Максименко О.И. Прагматика метафоры в русском дипломатическом дискурсе / О.И. Максименко, М.В. Беляков // IV Фирсовские чтения «Язык в современных дискурсивных практиках». Материалы докладов и сообщений Международной научно-практической конференции. М., 22-23.10.19, РУДН. С.453-460.
4. Максименко О.И. Языковая личность советских и российских дипломатов (на примере речей постоянных представителей СССР и РФ в Совете Безопасности ООН) / О.И. Максименко, М.В. Беляков // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. Языковая личность. Том XVII. Выпуск 1, 2020. С. 128-135.
5. Панарин И.Н. Информационная война и дипломатия. М.: Городец, 2004. 526 с.
6. Расторгуев С.П. Информационная война. Проблемы и модели. М.: «Гелиос АРВ», 2006. 240 с.
7. Расторгуев С.П. Планирование и моделирование информационной операции // Информационные войны. 2014, № 1 (29). С. 2-10.
8. Самойленко В.В. Дипломатическая служба. М.: Норма Инфра-М, 2015. 320 с.
9. Трабелси Х. Лингвокоммуникативный анализ дипломатического дискурса. Автореферат канд. дисс. М., 2013. 23 с.
10. Заседание СБ ООН от 29 мая 2018 года [Электронный ресурс] – URL: <https://digitallibrary.un.org/search?ln=ru&p=S%2FPV.8270&f=&c=Resource+Type&c=UN+Bodies&sf=&so=d&rg=50&fti=0>

Сведения об авторе:

Беляков Михаил Васильевич – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка МГИМО МИД России (Россия, Москва). Сфера научных и профессиональных интересов: дипломатический дискурс, компьютерная лингвистика (контент-анализ и сентимент-анализ), лингвистическая теория эмоций. E-mail: belmax007@hotmail.com

THE VERBAL COMPONENT OF THE MODERN TIME DIPLOMATIC WARS (LINGUOSTATISTICAL ANALYSIS)

Mikhail V. Belyakov

Moscow State Institute of International Relations (University),
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *A new interpretation of a “diplomatic war” is considered in the context of changed diplomatic communication – a complex organized system consisting of various components: diplomatic, political, economic, historical, legal, linguistic, and other. The article analyzes the examples of the verbal component of diplomatic communication on the basis of the communicative tactics in the process of information and diplomatic war, currently developing in international relations. The research material includes texts of speeches made by the Permanent Representative of Russia to the UN Security Council V.A. Nebenzya and the Minister for Foreign Affairs of Ukraine P. Klimkin (2014-2019) in a situation of diplomatic confrontation. The strategies of verbal confrontation, and the characteristics of emotivity and clichéd character of a diplomatic text are considered; the concept of implicitly evaluative diplomatic cliché is introduced. UN Security Council speeches are singled out into a separate subgenre of public speeches and verbal and structural characteristics of speeches obtained by quantitative computer tools are analyzed. Based on the results of quantitative linguistic analysis and the analysis of the extralinguistic situation, a linguopragmatic model of the speech situation of a diplomatic confrontation is suggested.*

Key Words: *linguostatistic, diplomatic discourse, public diplomacy, diplomatic war, the UN Security Council, Nebenzya, emotivity, implicitly evaluative cliché*

References

1. Belyakov M.V. Semioticheskie dominanty prezentatsii informatsii v tsifrovoi diplomatii [Semiotic Dominants of the Information Presentation in digital Diplomacy] // RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics. 2019 Volume 10 No. 3 Pp. 593-602.
2. Belyakov M.V. Kharakter emotivnosti diplomaticheskogo diskursa [Emotive Peculiarities of the Diplomatic Discourse] // RUDN Russian Journal of Linguistics. 2015 No. 2. Pp. 124-132.
3. Maksimenko O.I. Pragmatika metafory v rusском diplomaticheskome diskurse [Pragmatics of Metaphor in Russian Diplomatic Discourse] / O.I. Maksimenko, M.V. Belyakov // IV Phirsov Readings ‘Language in modern discursive practices’. Proceedings of the International scientific and practical conference. M., 22-23.10.19, RUDN. p.453-460.
4. Maksimenko O.I. Iazykovaia lichnost’ sovetских i rossiiskikh diplomatov (na primere rechei postoiannykh predstavitelei SSSR i RF v Sovete Bezopasnosti OON) [Language personality of Soviet and Russian diplomats (on the example of speeches of permanent representatives of the USSR and the Russian Federation in the UN Security Council)] / O.I. Maksimenko, M.V. Belyakov // The Humanities and Social Studies in the Far East. Volume XVII Issue 1, 2020, pp. 128-135.
5. Panarin I.N. Informatsionnaia voina i diplomatiia [Information war and diplomacy]. M.: Gorodets, 2004, 526 p.
6. Rastorguev S.P. Informatsionnaia voina. Problemy i modeli [Information war. Problems and models]. M.: Helios ARV, 2006, 240 p.
7. Rastorguev S.P. Planirovanie i modelirovanie informatsionnoi operatsii [Planning and modeling of information operations] // Information wars. 2014, No. 1 (29), pp. 2-10.
8. Samoylenko V.V. Diplomatskaia sluzhba [Diplomatic service]. M.: Norma Infra-M, 2015, 320 p.
9. Trabelsi H. Lingvokommunikativny analiz diplomaticheskogo diskursa [Linguocommunicative analysis of the Diplomatic Discourse]. Author’s abstract of PhD thesis, M., 2013. 23 p.
10. UN Security Council meeting from May 29, 2018, digitallibrary.un.org/search?ln=ru&p=S%2FPV.8270&f=&c=Resource+Type&c=UN+Bodies&sf=&so=d&rg=50&fti=0

About the author:

Mikhail V. Belyakov – PhD, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor at the Department of the Russian Language, MGIMO University (Moscow, Russia). Research and professional interests: diplomatic discourse, computational linguistics (content analysis and sentiment analysis), linguistic theory of emotions. E-mail: belmax007@hotmail.com

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ СИСТЕМЫ МОРАЛИ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛОЯЗЫЧНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ В КОНТЕКСТЕ ФЕНОМЕНА ГЛОБАЛИЗАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ВЫСТУПЛЕНИЙ В ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЁННЫХ НАЦИЙ)

Д.Н. Новиков, Н.М. Брицына

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

Возросший интерес мировой когнитивной лингвистики к механизмам концептуализации современных общественных явлений диктует необходимость лингвокогнитивного анализа таких явлений, как глобализация – одного из важнейших трендов, задающих вектор развития современного социума. В настоящем исследовании предпринимается попытка не только выявить ключевые концепты и средства их репрезентации в контексте феномена глобализации, но и выстроить с помощью этих концептов элементы современной системы морали англоязычной языковой личности. С этой целью был проведён концептуальный и когнитивно-семантический анализ современного англоязычного политического дискурса на материале выступлений делегатов в ООН. Отправной точкой для настоящей работы послужила теория концептуальной метафоры, подчёркивающая необходимость изучения метафорических основ человеческого самосознания и коммуникации. В ходе исследования собраны и проанализированы эмпирические данные, опираясь на которые можно сделать выводы о моделях репрезентации и оценки действительности членами англоязычного сообщества, что в свою очередь открывает перспективы для дальнейшей научной работы в лингвопрагматическом ключе и изучения особенностей англоязычной картины мира. В результате лексикологического и дискурсивного анализа стенограмм выступлений в статье сформулированы базовые метафорические модели – Morality as 1) Commitment, 2) Nurturant Parent, 3) Resilience, 4) Fairy Tale of the Just War, 5) Progress, – очерчивающие в концептуальной картине мира феномен глобализации с позиций антитезы «нравственно-безнравственно», «победа-проигрыш», «сила-слабость» и др.

Ключевые слова: англоязычный политический дискурс, когнитивный анализ дискурса, когнитивная семантика, концептуальная метафора, глобализация.

Эпоха преобразования мира в единую глобальную систему создаёт человеку новую среду для существования, к которой он приспособливается (помимо прочего и в значительной степени) с помощью доступных ему средств языка.

Поскольку глобализация отводит особое место в мире английскому языку как «контактно-му» для представителей различных сообществ,

то стоит обратить внимание на приобретающие популярность в общественно-политическом дискурсе единицы английского языка, посредством которых вербализуются различные концепты, связанные с этим явлением. Так, особый интерес вызывают метафоры, в том числе концептуальные, как инструменты, используемые для создания определённой картины мира в современном политическом дискурсе.

Благодаря научным исследованиям Дж. Лакоффа и его коллег лингвисты перестали видеть в метафорах исключительно средства художественной выразительности, которые могут себе позволить лишь «мастера слова». Настоящая работа основана на современном понимании метафоры как механизма познания и репрезентации окружающей действительности посредством осмысления одного объекта/явления с помощью другого, более понятного и наглядного.

Стоит, однако, отметить, что несмотря на возросший интерес мировой когнитивной лингвистики к механизмам концептуализации современных общественных явлений (в частности, глобализации как одного из важнейших трендов, задающих вектор развития современного социума), данная проблематика пока недостаточно освещена в трудах отечественных учёных. В таких условиях становится очевидной необходимость сбора соответствующих эмпирических данных и проведения их многокомпонентного анализа с целью выявления ключевых тенденций в метафоризации такого мегатренда, как глобализация. При этом внимания заслуживают не только сами концепты и их метафоризация в сознании представителей англоязычных сообществ. Целесообразной видится попытка обозначить некоторые аксиологические особенности современной системы морали на основе изучения методов её концептуализации.

Метафоры, встраиваясь в ходе когнитивных взаимодействий человека со средой в его *концептуальную* картину мира, одновременно формируют и модифицируют её. Определяя понятие концепта, которое продолжает трактоваться исследователями по-разному, в настоящей работе мы исходим из его понимания, предложенного в работах А. В. Кравченко, Е. С. Кубряковой, И. К. Архипова. А. В. Кравченко называет концепт «оперативной единицей сознания», которую мы используем в рамках «информационной структуры категоризованного опыта (знания)» [3, с. 148]. Упомянутая «категоризация» переживаемого опыта свидетельствует о том, что, в отличие от животных, мы осознанно наблюдаем за средой, способны давать ей оценку и упорядочивать хаотичный внешний мир, членя его на многочисленные категории. Е. С. Кубрякова определяет концепт в качестве «оперативной, содержательной единицы памяти, ментального лексикона, концептуальной системы, языка мозга... всей картины мира, отражённой в человеческой психике» [4, с. 96]. Таким образом,

концепт становится «мостиком» между внешней реальностью и языковыми знаками, использующимися в речи, поскольку, накапливаясь в нашем сознании посредством различных каналов (анализаторов), информация группируется в концепты, которые затем соотносятся со знаками. При этом, по мнению Дж. Лакоффа, наша концептуальная система преимущественно метафорична, что демонстрирует высокую степень влияния метафор на мышление и поступки индивидов [8]. Чтобы выстроить целостную систему метафорических отношений, которые существуют между лексическими единицами английского языка, исследователи Университета Глазго создали так называемую «Карту метафор» (проект *Mapping Metaphor*) [11]. В ней отражены «типы метафорического мышления и самовыражения» англоязычного сообщества за последние 1300 лет при помощи «круговой визуализации» (круговой диаграммы) всех областей значений в английском языке (где каждое слово заключено в обширные группы значений, объединённые друг с другом более и менее сильными метафорическими связями).

Сам Дж. Лакофф объясняет понятие концептуальной метафоры следующим образом: «Это *бессознательный* (Примеч. – выделено Д.Н., Н.Б.), автоматический механизм, который задействуется для использования средств языка и схем выведения знания (*inference patterns* – Д.Н., Н.Б.) источникового домена, чтобы мыслить и говорить об элементах другого домена» [8].

Так, утверждение о том, что мы «живём» метафорой «Спор есть война» (*Argument is war*) подкрепляется словами, которые мы выбираем для описания ситуации спора (*to attack, to win, to demolish, to target*), – тот факт, что в споре мы пользуемся терминами войны, свидетельствует о том, что мы на самом деле воспринимаем спор как битву (словесную). В ней есть противники, которые «атакуют» и «защищают» собственные позиции, а по итогам определяются победители и побеждённые. Важно подчеркнуть, что такое восприятие спора как войны формирует в сознании индивидов достаточно определённые фреймы и сценарии, задающие направление нашему поведению.

Следует отметить, однако, неоднозначность природы метафоры: она помогает понять конкретный объект или явление (лишь в свете коннотации, которая предполагает условное сравнение предметов из одной сферы с предметами из другой), но в то же время препятствует целост-

ному восприятию, акцентируя лишь отдельные признаки объекта. Подобная субъективность репрезентации обусловлена в первую очередь самой субъективностью категоризации явлений и предметов в различных языковых картинах мира. И. К. Архипов обращает внимание на следующий факт: «Одни и те же признаки предмета группируются в различных коллективах по собственным законам когнитивной категоризации в различные конфигурации в силу различного интереса к ним, а потому и различной оценки существенности той или иной группировки признаков» [2, с. 159].

Как замечает исследователь Р. Гафель, проанализировавшая язык представителей различных стран в ВТО, при метафоризации явления глобализации характерно выделение одной, единственно правильной перспективы будущего и отрицание любых других альтернатив, которые объявляются несостоятельными [7]. Например, глобализация репрезентируется как неизбежный и объективный процесс, в частности с помощью метафоры поезда:

«Africa risks to miss the train. Everybody is trying to jump on this train, a train that you can't stop» (Malawi/Male/WTO Staff).

Как справедливо отмечает Р. Гафель, поезд всегда предполагает движение вперёд (добавим, что для человека западной культуры движение вперёд неразрывно связано с «модным» для англоязычного дискурса концептом-понятием PROGRESS), при этом по заданному расписанию и предопределённому курсу, – данные условия не зависят от воли обычного человека. Более того, поезд нельзя остановить, в результате чего глобализация мыслится как объективная историческая реальность. Любопытно также то, что конечный пункт путешествия не уточняется, и вопрос об этом не стоит в принципе. Более того, автор процитированного высказывания указывает на всеобщее желание сесть на этот поезд, что коррелирует с новым девизом ООН, закреплённым в Концепции в области устойчивого развития, *to leave no one behind* (A/70/L.1 Transforming our world: the 2030 Agenda for Sustainable Development). Вариант развития событий, при котором Африка «опоздает на поезд», преподносится автором высказывания в качестве опасного («Africa risks to miss the train»).

Авторы данной работы исходят из предположения о том, что концептуализация феномена глобализации предполагает создание своей метафорической системы морали, определяющей

оценку действительности, в связи с чем ставится цель обнаружить и описать концептуальные основы этой системы. В ходе настоящего исследования был проведён концептуальный и когнитивно-семантический анализ современного англоязычного политического дискурса в контексте явления глобализации. В качестве основного материала использовались выступления делегатов в ряде органов и учреждений системы ООН. В общей сложности было проанализировано 40 выступлений, средняя продолжительность которых составила 15 минут.

Результаты исследования позволяют прийти к выводу о том, что при метафоризации системы морали в современном англоязычном дискурсе, с одной стороны, закрепляются старые «мерила успеха» (например, экономическое благополучие), а с другой – появляются новые, к которым можно отнести использование инновационных технологий, либерализацию торговли, обеспечение «устойчивого экономического роста», то есть увязанного с Концепцией устойчивого развития, занимающей центральное место в повестках дня международных организаций во главе с ООН. При этом государства, которые в данной системе координат предстают успешными, оказываются в позиции тех, на кого возложена (кем? на этот вопрос политический дискурс однозначного ответа не даёт) важная миссия – протягивать руку помощи «менее успешным».

Необходимо добавить, что базовой стала метафора «мораль – это благополучие, а благополучие – это богатство», основанная в свою очередь на неметафорическом начале, складывающемся из опыта благополучной жизни (*experience of well-being*), который и диктует нам понимание того, что «красивый» лучше «уродливого», «богатый» – «бедного», а быть «выше» лучше, чем «внизу», потому что последнее намекает на «падение», которое, к тому же, нередко бывает болезненным [8]. Дж. Лакофф также считает, что особенности метафоризации морали не стоит ограничивать культурой одного сообщества. Например, для представителей многих лингвокультурных сообществ система морали концептуализируется в домене бухучёта с его «кредитами» и «дебетами» [8]. Следует отметить, что подобная концептуализация морали применима сегодня и к англоязычному дискурсу, в котором рассматривается феномен глобализации, поскольку в ходе анализа становится очевидно, что взаимоотношения коммуникантов мыслятся в категориях финансового благополучия, прибы-

ли и издержек/расходов. Нравственные отношения выстраиваются в терминах экономической транзакции (*gains and losses*), в рамках которой «нравственный» поступок означает «выплату» существующих долгов.

Кроме того, в ходе проведённого исследования на основе лексикологического и дискурсивного анализа стенограмм выступлений и определения наиболее частотных лексических единиц были выведены пять базовых метафорических моделей, очерчивающих в концептуальной картине мира феномен глобализации: *Morality as 1) Commitment, 2) Nurturant Parent, 3) Resilience, 4) Fairy Tale of the Just War, 5) Progress.*

Говоря об экономическом домене «кредитов» и «дебетов», использующемся для концептуализации морали глобализованного общества, нельзя не упомянуть о концепте COMMITMENT, который сейчас столь часто активизируется в политическом дискурсе. Стоит отметить, что в данной словоформе тесно сплелись семантические компоненты, отсылающие как к экономической, так и психологической сфере деятельности человека. Изначально под этим словом подразумевалась «официальная передача лица в распоряжение государства» с целью определения лица в тюрьму или больницу для душевно больных [13], после чего *Commitment* начинает пониматься как обязательство (экономическое или моральное) или даже как соглашение о принятии на себя конкретного обязательства, в том числе контракт, предусматривающий финансовую ответственность за выполнение какой-либо операции [5; 6; 10; 12; 13]. Примечательно, что в современном общественно-политическом дискурсе коммуниканты нередко прибегают к этому концепту, используя лексемы, в чей семный состав входят компоненты, актуализирующие идеи морального долга, решительной настроенности на совершение тех действий, которые способствуют закреплению глобализованного международного порядка. Исследование показало, что, как правило, COMMITMENT используется коммуникантами именно для обозначения глобальных проблем и их *глобальных* решений. Рассмотрим несколько примеров:

«The theme also provides a timely call for a renewal of friendship, solidarity, cooperation and partnership between and among peoples and nations of the world, allowing greater *commitment* on all our part, to make a difference to the *wellbeing of all*» (73rd Session of the UN General Assembly. Republic of Kiribati).

«The Government of Estonia is *committed to fight against global climate change*» (3rd Annual Regular Session of the IAEA General Conference. Mr Meelis Munt).

«Germany is fully *committed to enhancing the security of its nuclear facilities <...> and fostering international cooperation in that regard*» (63rd Annual Regular Session of the IAEA General Conference. Andreas Feicht).

«Germany reaffirms its strong *commitment to the full implementation of the JCPoA*» (63rd Annual Regular Session of the IAEA General Conference. Andreas Feicht).

Всеобъемлющий план действий, упоминаемый представителем Германии, относится как раз к *глобальным* инструментам урегулирования кризиса. Стоит уделить внимание также отрывку из выступления Т. Мэй на сессии Генеральной Ассамблеи ООН:

«We reaffirm our shared *commitment to work together within a rules based international system to address shared global challenges. <...> To stand up for our values by protecting those who may suffer when it (rules based system – примеч. Д.Н., Н.Б.) is violated*» (73rd Session of the UN General Assembly, Theresa May).

В контексте глобализации «моральный долг» означает прилагать совместные усилия в международной системе, основанной на правилах (*rules based international system*). Также следует обратить внимание на идею о том, что данную систему необходимо «отстаивать» (*stand up*) – эта лексическая единица подчёркивает «нравственность» предлагаемой картины мира, поскольку предлог *up*, согласно проанализированной Дж. Лакоффом дихотомии «вверх-вниз», всегда связан с положительным явлением [8]. И далее:

«Only *global cooperation <...> can ensure competition is fair and does not succumb to protectionism, with its certain path to lost jobs and international confrontation*».

Логические связи «глобальное-справедливость», «протекционизм-потери» проводят границу между моральным и аморальным; кроме того, семы глагола *succumb* чётко дают понять, что протекционизму «поддаются», как искушению (что обусловлено наличием такого устойчивого словосочетания, как *succumb to temptations*), или же от него «погибают», как от тяжёлого заболевания (*succumb to the disease*).

«This *commitment (to work together – примеч. Д.Н., Н.Б.) takes account of the special requirements*

of least developed countries, and of small and otherwise vulnerable economies».

Ещё один долг – учитывать «особые потребности» «особых» стран, то есть «наименее развитых» государств и государств с «малой» и «уязвимой» экономикой. Стоит отметить, что метафоризация морали неразрывно связана с концептуализацией войны добра и зла: мораль требует отчаянной, ожесточённой борьбы со злом. В таком контексте начинает работать концепт «борьба за правое дело» (*The Fairy Tale of the Just War*) [9, с. 30], связанный с историей героического спасения жертв от злодеев; важно подчеркнуть, что беспощадность действий во имя общего блага является морально приемлемым и даже необходимым. В процитированном выше отрывке выступления Т. Мэй на сессии ГА ООН видно, что происходит выделение определённых категорий: есть те, кто нуждается в помощи (жертвы), и те, кто должен обеспечить их защиту (герои). Роль злодеев играют, в частности, уже упоминавшийся протекционизм, и, кроме того, «terrorists and others who would do us harm». Экс-премьер Великобритании не случайно обращается к слову harm, рассматриваемому Дж. Лакоффом в качестве базового противопоставления *well-being* при метафоризации морали и отправной точки «безнравственности», поскольку «ущерб» связан с потерями, болью, несчастьем, то есть всем тем, что не репрезентируется как нравственное [8].

Заслуживают внимания и высказывания, где авторы отождествляют себя одновременно с двумя категориями: «Malawi is both a *victim* and a *fighter* of climate change» (73rd Session of the UN General Assembly. Republic of Malawi).

Концептуализация морали в эпоху глобализации также связана с доменом семьи. Не случайно неотъемлемая часть глобального международного порядка – система ООН – называется «семьёй ООН» (*the UN family*). Если оперировать терминами Дж. Лакоффа, то при метафоризации феномена глобализации речь идёт о модели «заботливого родителя» (*Nurturant Parent*), характерной для приверженцев либерализма. Эта модель строится вокруг акта заботы как высшего проявления нравственного начала [8]. В соответствии с таким пониманием действительности, «нуждающиеся» (например, *countries with special needs*), – это дети, к которым необходимо проявлять заботу. Забота заключается не только в оказании помощи, но и в защите от явлений, мыслимых как опасные: агрессивные

действия государств, экономическая и социальная нестабильность, загрязнение окружающей среды и т. д. Обеспечением защиты занимаются те, кто обладает достаточными ресурсами и может посвятить себя не преодолению назревших в обществе кризисов, а эмпатии (в современном англоязычном политическом дискурсе «защитниками» представляются «страны с развитой экономикой» – *advanced economies*); они же определяют регулятивные нормы, которые должны соблюдаться для общего блага (*for the common good, for the good of all*).

Либерализм концептуальных позиций при метафоризации явления глобализации отражается также в выделении колоссального по масштабам класса «жертв», которым, как утверждается, нужна помощь. «Заботливый родитель» печётся о благе всех своих детей и ценит неповторимые качества каждого ребёнка. Отсюда вытекает видение действительности как мира, который населяют множество «уязвимых» групп, меньшинств и сообществ, требующих внимания и заботы (*emerging economies, developing countries, least developed countries, small island developing states, landlocked countries*). Важно обратить внимание на то, что подобная категоризация активно поддерживается самими представителями различных «уязвимых групп». Например, делегат от Кирибати заявляет на сессии Генеральной Ассамблеи следующее: «We also fully appreciate the United Nations with its special focus on the *plight* of people in *developing countries* especially those facing *special difficulties*. In this connection we note with gratitude the Committee on Development Policy (CDP) recognition of Kiribati's *extreme vulnerability* to climate change impacts, and the need for *special support*» (73rd Session of the UN General Assembly, Republic of Kiribati).

Кроме того, в данном контексте важное значение имеет категория здоровых/нездоровых действий, в рамках которой аморальность видится как болезнь, которой нельзя позволить «прогрессировать». В современном политическом англоязычном дискурсе для обозначения глобализации широко используется домен медицины. Например, примечательно следующее утверждение: «Growth and globalisation cannot cure all the world's *ills*» (Jan. 27, 2014 Gideon Rachman, Financial Times). Несмотря на частичное отрицание, глобализация концептуализируется в качестве лекарства, способного излечить мир от недугов, хотя, как настаивает автор высказывания, и не от всех. Автор продолжает:

«There are three political *superbugs*. <...> The first is the *spread* of conflict in the Middle East. The idea that capitalism and globalisation are the best *antidotes* to political conflict – for all its flaws – retains a lot of attraction. Even if the old economic *treatments* for political conflict are losing some of their potency, they are still the best we have».

При том, что признаётся несовершенство глобализации, в такой концептуальной системе морали она всё равно занимает главенствующее положение за неимением альтернатив и выполняет функцию «противоядия» даже для так называемых «супербактерий» (устойчивых перед антибиотиками), которые ассоциируются у автора с ближневосточным политическим конфликтом. Так, подобная стилистическая метафора активизирует концептуальную «нравственность-здоровье», «безнравственность-болезнь», уже упоминавшуюся выше.

Продолжая тему «лечения пациента» или помощи «уязвимому», нельзя не отметить приобретающий всё большую популярность концепт RESILIENCE, к которому крайне трудно подобрать универсальные соответствия в русском языке, поскольку данный концепт постоянно обростает новыми смыслами, погружаясь в новый контекст: слово *resilience*, изначально соотносимое со значениями «ударная вязкость», «способность сопротивляться давлению», «эластичность» [14], из сферы науки перешло в другие области. Благодаря таким семантическим компонентам данная лексическая единица может эффективно использоваться и в дискурсе, затрагивающем проблемы глобализации, поскольку «устойчивость», сопротивление «злым» силам (здесь – давлению), согласно предложенным Дж. Лакоффом механизмам концептуализации морали, является частью «нравственного». Таким образом, в современном англоязычном дискурсе *resilience* становится частотной единицей для обозначения «потенциала противодействия» стран, подверженных стихийных бедствиям; «сопротивляемости» изменению климата; «жизнеспособности», «жизнестойкости», «устойчивости» экономики или государства (чаще всего – из категории малых островных) перед потрясениями; и даже «силы духа», «способности противостоять искушениям», когда речь заходит о такой «уязвимой» группе населения, как дети, например, в контексте предупреждения преступности и сопротивляемости наркотикам: «For the youngest learners, UNODC (*Управление ООН по наркотикам и преступности* –

примеч.) has created multimedia tools designed to teach values, build resilience and resolve ethical problems» (UNODC Executive Director «Educating for the Rule of Law: Inspire Change Together» 7 October 2019).

Следует обратить внимание на тот факт, что, несмотря на полисемичность, в политическом дискурсе *Resilience*, как и *Commitment*, обычно используется в качестве необходимого сопутствующего действия глобализации, которое необходимо *to enhance*, *to strengthen* и чаще всего *to build* в рамках общего процесса *capacity-building* («укрепления потенциала») для стран и сообществ, которые не справились бы с этой задачей в одиночку и потому так нуждаются в институте глобального сотрудничества.

Другой важный концепт в рассматриваемом дискурсе – концепт PROGRESS, то есть концепт движения, репрезентируемый в сознании языковой личности в качестве неизбежного и объективного процесса. Данный концепт актуализируется не только при использовании таких ярких метафор движения, как метафора поезда (что уже было рассмотрено ранее). Он также реализуется и с помощью частотно употребительных лексических единиц *transformations*, *transition*, *reforms*, *innovations*, *changes*, *pursuit*, *seek* (данные лексические единицы были зафиксированы во всех 40 проанализированных выступлениях в ООН), содержащих в себе семантический компонент стремительности действий. Однако, как и в случае с метафорой поезда, здесь нет обозначения направления движения. Фокус смещается в сторону иной идеи – идеи всеобщности, масштабности этого движения: «Let us never doubt! The *pursuit of shared* responsibility implies *collective inclusion*» (73rd Session of the UN General Assembly. Republic of Malawi). Кроме того, само по себе движение, в независимости от его направленности, трактуется в качестве чрезвычайно важного события, потому что оно «инновационно», «экологично» и открывает возможности для «системных изменений»: «Let us move to accelerate the green transition» (73rd Session of the UN General Assembly. Republic of Malawi); «I look forward to the upcoming review of the UN's multi-country offices ... and urge *innovative solutions*» (73rd Session of the UN General Assembly. Republic of the Marshall Islands); «This year is a key opportunity for the UN system to make the SAMOA Pathway for SIDS a real opportunity for system *change*» (Там же).

Кроме того, речь, например, идёт о стремительном движении вперёд к миру «во всех его

формах» (однако на вопрос, какие это могут быть формы, адресату приходится отвечать самому):

«It is our shared responsibility to *seek peace* in all its forms» (73rd Session of the UN General Assembly. Republic of Malawi).

В то же время для концепта PROGRESS характерен чёткий круг участников (*advanced economies*, с одной стороны, и «уязвимые» группы, с другой), и при его активизации прослеживается явная иерархия в отношениях. Не случайно автор следующего высказывания не только причисляет свою страну к категории «малых» и «уязвимых», но и разворачивает эпитет *vulnerable* целым описательным пассажем: «As a low-lying small island nation – *little more than one meter above sea-level* – the future of the Marshall Islands hangs in the balance. <...> We are the most vulnerable» (73rd Session of the UN General Assembly. Republic of the Marshall Islands). В данном случае автор репрезентирует концепт PROGRESS с помощью лексической единицы *future*, в которой заложен семантический компонент «движения вперёд», поскольку «будущее» и является результатом движения вперёд. Концепт вербализуется в рамках антитезы «равновесия-шаткости», «устойчивости-неустойчивости» (за счёт идиомы *hang in the balance*, «висеть на волоске»), то есть уже рассмотренных выше концептуальных элементов системы нравственности, что в свою очередь предполагает наличие «морального»/«аморального» исхода ситуации, в зависимости от успешности действий «защитников» (Nurturant Parents).

В этой связи можно заключить, что, хотя «преобразования», «инновации», «реформы», «переходные периоды» коммуниканты неред-

ко относят к процессу «демократизации» (например, «Malawi ascribes to values of *democratic governance*» – 73rd Session of the UN General Assembly. Republic of Malawi), суть последнего не раскрывается, и вместо этого внимание акцентируется на вопросе «с кем».

Таким образом, глобализация предстаёт в качестве объективного, всеобщего процесса, в котором *нужно* участвовать, потому что он репрезентируется не только как путь к благополучию, но и моральный долг. Невыполнение долга чревато неприятием общества и исключением из него. Поэтому, несмотря на то что само понятие глобализации предполагает объединение и взаимосвязанность всего мира, концептуализация этого феномена реализуется за счёт разделения мира на «своих» и «чужих» [1], на тех, кто включён в современный международный порядок, играет по установленным правилам (*rules-based order*), и тех, кто по тем или иным причинам оказывается за пределами этой системы.

Рассмотренная категоризация субъектов международных отношений может играть вспомогательную роль для закрепления асимметричных отношений государств по схемам либерального «заботливого родителя» или «войны за правое дело» с её жертвами, героями и злодеями.

Результаты данного исследования подтверждают идею о том, что метафоризация является одним из главных способов конструирования англоязычной картины мира в эпоху глобализации с присущей ей системой ценностей. В то же время очевидна относительная нечёткость содержания новых понятий в обыденном сознании языковой личности, что открывает перспективы дальнейших исследований в лингвопрагматическом ключе.

Список литературы

1. Алиева Т. В. Концептуальная оппозиция «СВОЙ - ЧУЖОЙ» в политическом дискурсе Великобритании (Великобритания - США) // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Филология. № 11 (67). Тамбов, 2008. С. 216 – 220.
2. Архипов И. К. Когнитивные структуры знания и средства их выражения в языке. // Концептуальный анализ языка: современные направления исследования. Сборник научных трудов ИЯ РАН. М., 2008. 159 с.
3. Кравченко А.В. Когнитивный горизонт языкознания. Иркутск: БГУЭП, 2008. 148 с.
4. Кубрякова Е.С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац // Под общ. ред. Е. С. Кубряковой. М.: ИПО «Лев Толстой», 1996. 90 с.
5. Cambridge Learner's Dictionary, 2019. [Электронный ресурс] – URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/> (Дата доступа: 24 ноября 2019).
6. Collins Online Dictionary, 2019. [Электронный ресурс] – URL: <https://www.collinsdictionary.com/> (Дата доступа: 24 ноября 2019).
7. Ghafele R. The metaphors of globalization and trade. An analysis of the language used in the World Trade Organization // Vienna University, 2004. [Электронный ресурс] – URL: <https://mpira.ub.uni-muenchen.de/37736/> (Дата доступа: 21 ноября 2019).

8. Lakoff G. Metaphor, Morality, and Politics, Or, Why Conservatives Have Left Liberals In the Dust // Social Research. 1995, 62 (2). [Электронный ресурс] – URL: <http://www.wvcd.org/issues/Lakoff.html> (Дата доступа: 21 ноября 2019).
9. Lakoff G. Metaphor and War: The Metaphor System Used to Justify War in the Gulf // Peace Research. 1991, 23. P. 25-32.
10. Longman Dictionary of Contemporary English, 2019. [Электронный ресурс] – URL: <https://www.ldoceonline.com/> (Дата доступа: 24 ноября 2019).
11. Mapping Metaphor with the Historical Thesaurus // University of Glasgow, 2015. [Электронный ресурс] – URL: <http://mappingmetaphor.arts.gla.ac.uk> (Дата доступа: 23 ноября 2019).
12. Dictionary by Merriam-Webster, 2019. [Электронный ресурс] – URL: <https://www.merriam-webster.com/> (Дата доступа: 24 ноября 2019).
13. Online Etymology Dictionary, 2019. [Электронный ресурс] – URL: <https://www.etymonline.com/> (Дата доступа: 24 ноября 2019).
14. Oxford Learner's Dictionaries, 2019. [Электронный ресурс] – URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/> (Дата доступа: 24 ноября 2019).

Сведения об авторах:

Новиков Дмитрий Николаевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка №1 МГИМО (Россия, Москва). Сфера научных и профессиональных интересов: актуальные проблемы лексикологии, грамматики, переводоведения и лингводидактики в когнитивном и прагматическом аспектах; технологии дистанционного и смешанного обучения иностранному языку и переводу. E-mail: dnnovikoff@mail.ru

Брицына Настасья Михайловна – студентка магистратуры по направлению «Подготовка переводчиков для международных организаций» (отделение «Теория и практика синхронного и письменного перевода»). Сфера научных и профессиональных интересов: когнитивно-дискурсивная парадигма, теория концептуальной метафоры, лингвокогнитивные механизмы создания и активизации языковой картины мира, репрезентация событий в англоязычном и русскоязычном историческом дискурсе. E-mail: nastasyabritsyna@gmail.com

THE CONCEPTUALIZATION OF MORALITY IN MODERN ENGLISH-LANGUAGE GLOBALIZATION DISCOURSE: EVIDENCE FROM THE UNITED NATIONS SPEECHES

Dmitry N. Novikov, Nastasia M. Britsyna

Moscow State Institute of International Relations (University),
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *The increased interest of international cognitive linguists in the mechanisms of conceptualizing modern social phenomena has necessitated cognitive linguistic analysis of such phenomena as globalization, which is one of the most important trends setting the vector for modern society development.*

This study attempts not only to identify key concepts and means of their representation in terms of the globalization phenomenon, but also to build with the help of these concepts elements of the modern moral system inherent in the English-speaking community. To this end, a conceptual and cognitive-semantic analysis of contemporary English-language political discourse was carried out on the basis of speeches delivered by delegates to the United Nations.

The investigation is premised on the theory of conceptual metaphor, emphasizing the need to understand the metaphorical foundations of human consciousness and communication. The study collected and analyzed empirical data that can be used to draw conclusions about the models of representation and assessment of reality by members of the English-speaking community, which in turn opens up prospects for further research in a linguistic pragmatic way and studying the specific features of English-speakers' view of the world.

As a result of lexicological and discourse-based analysis of speech transcripts, the paper uncovers several basic metaphorical models (Morality as 1. Commitment; 2. Nurturant Parent; 3. Resilience; 4. Fairy Tale of the Just War; 5. Progress), which outline globalization within the conceptual view of the world and which are underlined by such antitheses as “moral - immoral,” “success - loss,” “strength - weakness” etc.

Key Words: *the English language, cognitive discourse analysis, cognitive semantics, conceptual metaphor, globalization.*

References

1. Alieva, T.V. Kontseptual'naia oppozitsiia "SVOI - ChUZhOI" v politicheskom diskurse Velikobritanii (Velikobritaniia – SShA) [Conceptual opposition “friend or foe” in UK political discourse (UK – USA)]. Vestnik Tambovskogo universiteta. Serii: Gumanitarnye nauki. Filologiya [The Journal of Tambov state university]. 11 (67). Tambov, 2008. pp. 216 – 220.
2. Arkhipov, I. K. Kognitivnye struktury znaniia i sredstva ikh vyrazheniia v iazyke [Cognitive structures of knowledge and methods of their expression in language] // Kontseptualnyi analiz iazyka: sovremennye napravleniia issledovaniia [Conceptual Language Analysis: contemporary trends in research]. Moscow: RAN, 2008. 159 p.
3. Kravchenko, A.V. Kognitivnyi gorizont iazykoznaniiia [Cognitive horizons of linguistics]. Irkutsk: BGUEP, 2008. 148 p.
4. Kubriakova, E.S., Kratkii slovar' kognitivnykh terminov [Brief Dictionary of cognitive terms] / E.S Kubriakova, V.Z. Dem'iankov, U.G. Pankrats // Moscow: IPO Lev Tolstoi, 1996. 90 p.
5. Cambridge Learner's Dictionary, 2019, dictionary.cambridge.org/ru/ (Accessed 24 November 2019)
6. Collins Online Dictionary, 2019, www.collinsdictionary.com/ (Accessed 24 November 2019)
7. Ghafele, R. The metaphors of globalization and trade. An analysis of the language used in the World Trade Organization // Vienna University, 2004, <https://mpira.ub.uni-muenchen.de/37736/> (Accessed 21 November 2019)
8. Lakoff, G. Metaphor, Morality, and Politics, Or, Why Conservatives Have Left Liberals In the Dust // Social Research. 1995, vol. 62, no. 2, <http://www.wvcd.org/issues/Lakoff.html> (Accessed 21 November 2019)
9. Lakoff, G. Metaphor and War: The Metaphor System Used to Justify War in the Gulf // Peace Research. 1991, 23. P. 25-32.
10. Longman Dictionary of Contemporary English, 2019, www.ldoceonline.com/ (Accessed 24 November 2019)
11. Mapping Metaphor with the Historical Thesaurus // University of Glasgow, 2015, mappingmetaphor.arts.gla.ac.uk (Accessed 23 November 2019)
12. Dictionary by Merriam-Webster, 2019, www.merriam-webster.com/ (Accessed 24 November 2019)
13. Online Etymology Dictionary, 2019, www.etymonline.com/ (Accessed 24 November 2019)
14. Oxford Learner's Dictionaries, 2019, www.oxfordlearnersdictionaries.com/ (Accessed 24 November 2019)

About the authors:

Dmitry N. Novikov – PhD in Linguistics, Associate Professor at English Language Department No. 1 at MGIMO University (Moscow, Russia). Spheres of research and professional interest: cognitive linguistics, biosemantics, pragmatics, communication theory, theory of translation. E-mail: dnnovikoff@mail.ru

Nastasia M. Britsyna – student of Master's degree program on Training translators and interpreters for international organizations (“Theory and practice of simultaneous interpretation and translation”) at MGIMO University (Moscow, Russia). Spheres of research and professional interest: cognitive linguistics, Conceptual Metaphor Theory, linguistic and cognitive creation and activation of a linguistic view of the world. E-mail: nastasyabritsyna@gmail.com

* * *

БРИТАНСКИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ, ОБЩЕСТВЕННЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ДЕЯТЕЛИ КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI ВЕКА В РИФМОВАННОМ СЛЕНГЕ

К.А. Степанян

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
119454, г. Москва, проспект Вернадского 76

Ю.В. Горшунов

Башкирский государственный университет (Бирский филиал)
г. Бирск, ул. Интернациональная, 10, 452453, Россия

Е.Ю. Горшунова

Российская академия народного хозяйства и госслужбы,
119571, г. Москва, проспект Вернадского 82, стр.1

В статье ставится цель дать адекватное лингвистическое и социокультурное описание примерам рифмованного сленга, основанным на использовании имён видных государственных, общественных и политических деятелей Великобритании, которые оказались широко представленными в британских СМИ на рубеже XX и XXI веков и входят, таким образом, в современную культурную коллективную память носителей англоговорящей культуры. Рифмы содержат прецедентные онимы – личные имена хорошо известных, модных, популярных или скандальных политиков. Отмеченная тенденция предпочтительного создания новых рифм, эксплуатирующих прецедентные онимы, стала ведущей в развитии рифмованного сленга на рубеже столетий. Возникновение рифмованных единиц на основе прецедентных имён политиков и государственных деятелей – относительно новое и малоизученное явление. Более привычны и освоены ономастические рифмы, которые эксплуатируют имена знаменитостей из мира кино, поп-музыки, массовой культуры, спорта. В статье отмечены рифмы, ещё не зарегистрированные авторитетными словарями сленга. Они, несомненно, заслуживают лингвистического и социокультурного описания. В фокусе внимания авторов оказался особый пласт лексики, анализ которого задаёт новый перспективный вектор исследования рифмованного сленга, отражающего культурно-исторические реалии в контексте «культурной грамотности» и обладающего лингвострановедческой и лингвокультурологической ценностью. Результаты исследования могут быть полезны и интересны специалистам, разрабатывающим темы межкультурной коммуникации, политической лингвистики, лингвострановедения, лингвокультурологии, эвфемии, контрастивной лингвистики английского и русского языков.

Ключевые слова: рифмованный сленг, прецедентное имя, культурная память, англоговорящая культура

В данной статье рассмотрим имена современных государственных и политических деятелей Великобритании, актуальных для сознания жителей Соединённого Королевства, входящих в так называемую «культурную грамотность» [12] на примере ономастических единиц рифмованного сленга (далее – РС).

В статье мы продолжаем развивать тему, затронутую в работах [1], [2], [3], [4], используя материалы ряда авторитетных словарей сленга и рифмованного сленга [11], [8], [9], [10]. Во многих случаях РС основан на использовании имён литературных, фольклорных, мифологических и библейских персонажей [1], исторических и современных государственных и политических деятелей [3], известных спортсменов (например, футболистов, теннисистов, гольфистов) [4], популярных музыкантов, поп-идолов, киноактёров, светских львиц и т. д. Тенденция предпочтительного использования модели образования новых рифм, основанных на эксплуатации имён широко известных, модных, популярных или скандальных личностей, стала определяющей в развитии РС на рубеже столетий.

Создатели РС не всегда обходятся благоклонно или почтительно с именами политиков, нередко рифмуя их с референтами, обозначающими в некоторых случаях нечто неприятное [11, с. 38]. Составитель словаря РС Дж. Грин даже составил небольшую шутивную подборку рифм, основанных на использовании имён парламентариев, которую он иронично озаглавил “*Dishonorable Members*”: *Douglas Hurd = turd/third, enoch = towel, Harold Macmillan = villain, House of Lords = cords, John Prescott = waistcoat, John Selwyn = bummer, Lord Sutch = clutch/crutch, Ted Heath = thief/teeth, Tony Benn = ten (pounds), Tony Blair = hair* [11, с. 38]. Приведённый список включает два примера РС, прошедшие стадию опущения рифмующегося компонента: *enoch = towel* ← *Enoch Powell u John Selwyn = bummer* ← *John Selwyn Gummer*, и требует социокультурного комментария и дополнения, так как он далёк от завершения, поскольку с момента выхода словаря за последние годы возникли новые рифмы, эксплуатирующие имена нового поколения британских политиков, что и составит предмет данной статьи. В дополнение к списку Дж. Грина рассмотрим более 20 рифм по заявленной теме. Наличие значительного количества рифм, основанных на именах британских политиков, мы объясняем рядом причин: носители и пользова-

тели британского РС хорошо знают своих политиков, сам РС зародился на Британских островах, а британский РС остаётся доминирующим среди социально-территориальных вариантов.

Отмеченная Дж. Грином рифма, мотивированная политическим имиджем известного британского политика-консерватора Дугласа Херда, встречается и в более почтительной версии с титулом «сэр»: *Sir Douglas/Sir Douglas Hurd*, однако в речевом обиходе обычно редуцируется до первого компонента: I need to dump a *Douglas*. Рифма соотносится с референтами 1) *turd* (a lump of excrement: Just nipping out for a *Douglas, mate*) и 2) “*a third*” (степень бакалавра с отличием [honours degree] третьего класса) [5, с. 109].

Рифма *Tony Blair = hair* не ограничивается отмеченным значением. Имя популярного британского политика Тони Блэра, лидера Лейбористской партии с 1994 по 2007 год, который был премьер-министром с 1997 по 2007 гг. и является рекордсменом среди британских лейбористов по продолжительности пребывания во главе партии [6, с. 125], удачно рифмуется с такими референтами, как *Tony Blairs = ‘flares’* (bell-bottomed trousers) и *‘flair’* (a special or instinctive aptitude or ability for doing something well), к которым позже добавились рифмующиеся референты *‘chair’* (Sit on your *tony*) и *‘hair’*. Более того, премьер-министр – не единственный представитель семьи Блэров, удостоенный чести получить прописку в РС. Супруга Тони Блэра Черри Бут – известный адвокат и социально активная личность, запечатлена в рифме *Cherie Blair = 1) fare* (плата за проезд, стоимость проезда; тариф (пассажирский) и 2) *penalty fare*: I jumped of the tube and got *Cheried* (штраф за проезд пассажиру, не купившему билет до поездки или купившему неправильный билет, который не покрывает всю поездку). Сомнительной чести удостоился и сын Блэров, когда, будучи несовершеннолетним в возрасте 16-лет, в июле 2000 года Юан Блэр вместе с приятелями был задержан полицией за распитие алкоголя в состоянии опьянения на Лестер-Сквер. Несовершеннолетних подростков доставили в вытрезвитель. Этот скандал спровоцировал возникновение рифмы *Euan Blair = Leicester Square*.

В список имён британских политиков, составленный Дж. Грином, должны по праву входить госпожа Маргарет Тэтчер и её протезе Джон Мейджор. Предшественником М. Тэтчер на посту премьер-министра был влиятельный консерватор Эдвард Хит, прослуживший в Па-

лате общин 51 год и запечатлённый в РС альтернативными рифмами *Edward Heath = teeth* (He got smacked in the *Edwards*) и *Ted Heaths = teeth* (usu. false teeth) (Do you like my new *Ted Heaths*?). Свежая рифма *Maggie Thatcher = scratcher*, a scratch card, служит обозначением скретч-карты (с кодом или кодовым словом, скрытым под стираемым защитным слоем) и основана на имени Маргарет Хильды Тэтчер, которая была премьер-министром Великобритании в 1979 - 1990 гг., получив титул баронессы в 1992 году [6, с. 1104], [7, с. 1021]. Её премьерство стало самым продолжительным в XX веке. Тэтчер прозвали «железной леди» за жёсткий стиль управления страной в сферах экономической, социальной и внешней политики. «Железной леди» удалось воплотить в жизнь ряд консервативных мер, которые стали частью политики «тэтчеризма». После того, как в связи с разногласиями в партии Маргарет Тэтчер подала в отставку со всех постов, лидером партии был избран Джон Мейджор, назначенный вследствие этого премьер-министром [6, с. 725]. В РС имя политика рифмуется как *John Major = 1) wagger* (Care to put a little john major on that?); 2) pager.

Имя британского лейбориста Артура Скаржилла (*Arthur Scargill*), который был председателем Национального профсоюза шахтёров Великобритании с 1982 по 2002 гг., также попадает в категорию британских политиков. Шахтёры удостоили его прозвищами «король Артур» и «красный Артур». В 2002 году от сложил с себя обязанности руководителя Национального профсоюза шахтёров. *Arthur Scargill* – рифмованный сленг лондонских кокни для слова *gargle* (beer). Слово *gargle* употребляется в прямом значении как «жидкость для полоскания рта» и, как следствие, в значении «алкогольный напиток», например, «пиво». О перебравшем алкоголь человеку могут запросто и саркастично сказать: 'è's right *Arthur'd*.

Имя британского телеведущего, адвоката и бывшего политика-консерватора Дэвида Меллора легло в основу рифмы *David Mellor = Stella*. Политик вышел в отставку в 1992 году после ряда скандалов: он позволял себе выражаться грубо и нецензурно. В РС имеется несколько синонимичных рифм с ономастической основой, которые, как и рифма *David Mellor = Stella*, также соотносятся с пивом марки Stella Artois: *Nelson Mandela = Stella*, *Paul Weller = Stella*, *Yuri Geller/Uri Geller/ Uri Gella = Stella*, *Cinderella = Stella*, *Keith Deller = Stella* [5, с. 33].

Официальная резиденция британских премьер-министров по адресу Даунинг Стрит, 10 в разное время, в зависимости от обитателя, отражена в РС рифмами: *Wilson's den* [1960s] = (bingo) the number **10** (во время правления Г. Вильсона) и *Maggie's Den = Number Ten* (Downing Street) во время премьерства М. Тэтчер.

Одним из самых выдающихся британских государственных деятелей XX века считается политик-лейборист Джеймс Гарольд Вильсон, барон Вильсон из Риво (1915 – 1995 гг.), удостоенный титула барона в 1983 году. Он стал лидером лейбористов в 1963 году и был премьер-министром Великобритании в периоды 1964–1970 и 1974–1976 гг. Под его руководством лейбористы выиграли всеобщие выборы четыре раза. Вильсон ушёл в отставку, не сумев исправить ухудшающееся положение британской экономики. В РС он удостоен рифмой *Harold Wilson's = stillsons* (pipe wrenches. Stillson is a trademark for a monkey wrench – разводной гаечный ключ).

Пolemичным членом лейбористской партии левого толка, многолетним депутатом парламента (в общей сложности 47 лет между 1950–2000 гг.), членом кабинета министров Великобритании в правительствах Г. Вильсона и Дж. Каллагана был Энтони Нил Уэджвуд, прозванный «Тони» Бенн. Ему посвящена рифма *Tony Benn = 10, ten* (Should we call it a *Tony Benner*?)

Перейдём к политикам последних десятилетий XX века и первых XXI века.

Недавно появившаяся рифма *Gordon Brown = clown* отсылает к британскому (шотландскому) политику Джеймсу Гордону Брауну, представившему лейбористскую партию. Политик занял кресло премьер-министра Великобритании после отставки Т. Блэра. Рифму можно применить по отношению к любому шутнику или человеку, воспринимаемому в качестве шута, например, *My manager is a bit of a 'Gordon'*.

Сравнения с бабуином *Geoffrey Hoon = baboon* удостоился британский политик-лейборист Geoffrey "Geoff" William Hoon (род. 1953 г.). В переносном значении *baboon* применяется по отношению к некрасивому или грубому, неотёсанному человеку (an ugly or uncouth person) и соответствует русским обозначениям «дикарь», «хам», «павиан» (от бабуин). Рифма ассоциативно связана с рифмой *Stephen Byers = liars*, которая была вызвана к жизни скандальной историей в рядах лейбористов. Три парламентария – Джефф Хун, Патрисия Хьюит и Стивен Байерс – дискредитировали партию, когда попали в ло-

вушку, устроенную журналистами, и согласились работать на вымышленную американскую лоббистскую фирму: 'All politicians are *Stephens*'.

Новая рифма *Jack Straw = draw* (cannabis) основана на имени британского политика-лейбориста Джона Уайтекера Стро (род. 1946 г.), который ещё в школе стал называть себя Джеком Стро в честь лидера крестьянского восстания 1381 года в Англии. Он занимал ответственные посты в правительствах Т. Блэра и Г. Брауна.

Рифма *Kilroy Silk = milk* (Gotta av a drop'a *Kilroy* on me Cornflakes) обыгрывает имя английского академика, политика и телеведущего Роберта Майкла Килрой Силка (род. 1942 г.), который преподавал десять лет в университете, затем был избран в Парламент от лейбористской партии с 1974 по 1986 гг. В 1986 году он покинул палату общин и до 2004 года вёл новое дневное ток-шоу «Килрой». С 2004 по 2009 год Килрой Силк состоял членом Европарламента, где представлял Партию независимости Великобритании (UKIP). Однако в 2005 году политик основал новую партию Veritas, но вскоре подал в отставку с поста лидера, оставаясь независимым депутатом в Европарламенте до истечения своего срока.

Рифма *Merlyn Rees = piece* (lunch) имеет отношение к британскому государственному деятелю валлийского происхождения Мерлину Рису (1920 – 2006 гг.), который был министром внутренних дел Великобритании в 1976 – 1979 гг. В 1992 году королева Елизавета II пожаловала ему титул барона с именем Мерлин-Рис, и он перешёл в Палату лордов.

Рифма *Robin Cooks = (attractive) looks* эксплуатирует имя британского политика-лейбориста Роберта Финлейсона Кука (1946 – 2005 гг.), который был министром иностранных дел Великобритании с 1997 по 2001 год. Хотя Кук был сторонником республики, рыжеволосый политик легко находил общий язык с Королевой на почве обоюдного увлечения лошадьми.

Рифма *Alistair Darling = Carling*, обыгрывающая имя британского политика Алистера Маклина Дарлинга (род. 1953 г.), получившего титул «барон Дарлинг Руланишский» в 2015 году

и ставшего пожизненным пэром, соотносится с маркой популярного пива Карлинг, представляющего собой светлый лагер и занимающего значительную долю рынка в Великобритании: 'You're having a pint of Yuri Gellar and I'll have an *Alistair*'.

Рифма *William Hague = vague* отразила имя британского политика Уильяма Джефферсона Хейга (род. 1961 г.), который в 2015 году был возведён в пожизненные пэры и получил титул «барон Хейг Ричмондский». Он вошёл в историю Консервативной партии, когда в 1977 году выступил в 16-летнем возрасте на конференции с пламенной речью против чрезмерно разросшихся полномочий государства. Недолгое время (1997 – 2001 гг.) Хейг был лидером Консервативной партии, а в кабинете Дэвида Кэмерона служил министром иностранных дел.

Завершая статью, приведём без комментария примеры рифм, основанных на использовании названия высшего законодательного органа Соединённого Королевства и обозначении его сотрудников. Мы имеем ввиду верхнюю палату британского парламента – Палату лордов – и её членов: *House of Lords = cords*, corduroy trousers; *Life peer = queer* (a homosexual); *Lord and peer = ear u Lords and Peers = ears*.

Подведём итоги. В статье рассмотрены образцы РС с ономастической основой – имена политических и общественных деятелей современной эпохи, актуальные для сознания англичан, входящие в их картину мира и так называемую «культурную грамотность» [12], в контексте которой РС является показательным примером, дающим основания для выводов о значимости той или иной исторической личности в массовом обыденном сознании. В дополнение к списку Дж Грина [11, с. 38] мы рассмотрели более 20 рифм по заявленной теме. Наличие значительного количества рифм, основанных на именах британских политиков, мы объясняем рядом причин: носители и пользователи британского РС хорошо знают своих политиков, сам РС зародился на Британских островах, а британский РС остаётся доминирующим среди социально-территориальных вариантов.

Список литературы

1. Горшунов Ю. В. Античные, библейские, мифологические и легендарные исторические личности и события в рифмованном сленге // Вестник Башкирского университета. 2017. Т. 22. №4. С. 1047-1051.
2. Горшунов Ю. В. Достопримечательности Лондона в рифмованном сленге / Ю. В. Горшунов, Е. Ю. Горшунова // Вестник Башкирского университета. 2019. Т. 24. №1. С. 168-174.

3. Горшунов Ю. В. Имена политических и общественных деятелей, представляющих разные этносы, в рифмованном сленге (Исламская, Арабская и Африканская составляющие) / Ю. В. Горшунов, Е. Ю. Горшунова // Мат. межд. науч.-практ. конф. «Проблемы многоязычия в полиэтническом пространстве», посв. 75-летию факультета романо-германской филологии 11-14 ноября 2013 г. Ч. II. Уфа: РИЦ БашГУ, 2013. С. 19-24.
4. Горшунов Ю. В. Кумиры спорта (теннис) в рифмованном сленге / Ю. В. Горшунов, Е. Ю. Горшунова // Modern Humanities success. №2. 2018. С. 14-16.
5. Горшунов Ю. В. Эвфемизмы в рифмованном сленге: монография. Бирск: БФ БашГУ, 2016 – 256 с. (на англ.) = Gorshunov, Yu. V. Euphemistic uses of Rhyming slang: monograph. Birsk, Bashkir State University at Birsk, 2016. 256 p.
6. Кто есть кто в мире / Гл. ред. Г. П. Шалаева. М.: СЛОВО, Эксмо, 2007. 1264 с.: ил.
7. Новый большой иллюстрированный энциклопедический словарь: М.: ООО «Издательство» АСТ»: ООО «Издательство Астрель»: ИПЦ «Дизайн. Информация. Картография», 2004. ЛП, (1256) с.: ил., карт.
8. Ayto J. The Oxford Dictionary of Rhyming Slang. London, 2003. 309p.
9. Franklyn J. A Dictionary of Rhyming Slang. London: Routledge, 1994. 202p.
10. Green J. Cassell's Dictionary of Slang. WS Bookwell, 2003. 1326 p.
11. Green, Jonathon. The Big Book of Rhyming Slang. Cassell, 2002. 334 p.
12. Hirsh E. D. Jr. Cultural Literacy: What Every American Needs to Know. Boston, 1987. 276 p.

Сведения об авторах:

Степанян Кристина Александровна – старший преподаватель кафедры английского языка №3 МГИМО (У) МИД России, (Россия, г. Москва). Сфера научных и профессиональных интересов: лингвистика, языкознание, обучение иностранным языкам, лингвокультурология, лингвострановедение, английский язык.
E-mail: stepanyan.k@inno.mgimo.ru

Горшунов Юрий Владимирович – доктор филологических наук, профессор Башкирского государственного университета (Бирский филиал) (Россия, г. Бирск). Сфера научных и профессиональных интересов: общее и частное языкознание, социолингвистика, словообразование, лексикология, ономастика, фразеология, семантика, стилистика, прагматика, риторика, английский язык. E-mail: gorshunov_@rambler.ru

Горшунова Елизавета Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент РАНХиГС (Россия, г. Москва), Сфера научных и профессиональных интересов: общее и частное языкознание, социолингвистика, словообразование, лексикология, ономастика, фразеология, семантика, стилистика, прагматика, риторика, английский язык. E-mail: ms.gorshunova@gmail.com

BRITISH STATE, PUBLIC AND POLITICAL FIGURES OF THE LATE 20TH - EARLY 21ST CENTURY IN RHYMING SLANG

K. Stepanyan

Moscow State Institute of International Relations (University),
76, prospect Vernadskogo, Moscow 119454, Russia

Y. Gorshunov

Bashkir State University at Birsk,
10, Internacionalnaya st., Birsk, 452453, Russia

E. Gorshunova

Russian Academy of National Economy and Public Administration
82/1 prospect Vernadskogo, Moscow 119571, Russia

Abstract: *The article aims at providing an adequate linguistic and sociocultural description of rhyming slang based on the use of the names of prominent British government and public figures and politicians, who were widely represented in the British media at the turn of the 20th and 21st centuries, and are thus included in modern cultural collective memory of the carriers of the English lingual culture. The rhymes contain precedents of onyms – the personal names of well-known, fashionable, popular, or scandalous politicians. The noted tendency of the preferred creation of new rhymes, exploiting the precedent onyms, has become dominant in the development of rhyming slang at the turn of the century. The emergence of rhyming slang units based on the use of the precedent names of politicians and statesmen is a relatively new and insufficiently studied phenomenon while onomastic rhymes that exploit the names of celebrities from the world of cinema, pop music, popular culture and sports are more common and are better studied. The article contains the rhymes that have not yet been recorded in authoritative slang dictionaries. They surely deserve linguistic and sociocultural descriptions.*

The authors focused on a special and research-promising layer of vocabulary that reflects the socio-cultural and historical items in the context of the so-called cultural literacy and is of certain value from the point of view of culture-oriented linguistics, cross-cultural communication and the general study of culture.

The results of the research can be useful and interesting for specialists who develop topics of cross-cultural communication, culture-oriented linguistics, linguistic culturology, euphemy, contrastive linguistics of the English and Russian languages.

Key Words: *rhyming slang, precedent name, cultural memory, English-speaking culture*

References

1. Gorshunov, Yu. V. Antichnye, bibleiskie, mifologicheskie i legendarnye istoricheskie lichnosti i sobytia v rifmovannom slenge [Biblical, mythological and legendary historical figures and events of the antique times in rhyming slang] // Vestnik Bashkirskogo universiteta. 2017. T. 22. №4. S.1047-1051.
2. Gorshunov Yu. V. Dostoprimechatel'nosti Londona v rifmovannom slenge [London places of interest in rhyming slang] / Yu. V. Gorshunov, E. Yu. Gorshunova // Vestnik Bashkirskogo universiteta. 2019. T. 24. №1. S. 168-174.
3. Gorshunov Yu. V. Imena politicheskikh i obshchestvennykh deiatelei, predstavlyayushchikh raznye etnosy, v rifmovannom slenge (Islamskaia, Arabskaia i Afrikanskaia sostavliaiushchie) [The names of political and public figures representing different ethnic groups in rhyming slang (Islamic, Arab and African components)] / Yu. V. Gorshunov, E. Yu. Gorshunova // Mat. mezhd. nauch.-prakt. konf. «Problemy mnogoazychnosti v polietnicheskom prostranstve», posv. 75-letiiu fakul'teta romano-germanskoi filologii 11-14 noiabria 2013 g. CH. II. – Ufa: RIC BashGU, 2013. S. 19-24.
4. Gorshunov Yu. V. Kumiry sporta (tennis) v rifmovannom slenge [Sports idols (tennis) in rhyming slang] / Yu. V. Gorshunov, E. Yu. Gorshunova // Modern Humanities success. №2. 2018. S. 14-16.
5. Gorshunov, Yu. V. Evfemizmy v rifmovannom slenge: monografiia [Euphemistic uses of Rhyming slang: monograph]. Birk: BF BashGU, 2016. 256 s. (na angl.)
6. Kto est' kto v mire [Who's Who in the World] / Gl. red. G. P. Shalaeva. M.: SLOVO, Eksmo, 2007. 1264 s.: il.
7. Novy bol'shoi illiustrirovannyi entsiklopedicheskii slovar' [New large illustrated encyclopedic dictionary]: M.: «Izdatel'stvo «AST»: OOO «Izdatel'stvo Astrel'»: IPC «Dizain. Informatsiia. Kartografiia», 2004. LIII, [1256] c.: il., kart.
8. Ayto J. The Oxford Dictionary of Rhyming Slang. London, 2003. 309p.
9. Franklyn J. A Dictionary of Rhyming Slang. London: Routledge, 1994. 202 p.
10. Green J. Cassell's Dictionary of Slang. WS Bookwell, 2003. 1326 p.
11. Green, Jonathon. The Big Book of Rhyming Slang. Cassell, 2002. 334 p.
12. Hirsh E. D. Jr. Cultural Literacy: What Every American Needs to Know. Boston, 1987. 276 p.

About the authors:

Kristina Stepanyan – Assistant Professor of MGIMO University Moscow, Spheres of research and professional interest: English teaching, cultural linguistics, E-mail: stepanyan.k@inno.mgimo.ru

Yurij Gorshunov – Doctor of Philology, professor of Bashkir State University at Birk, (Russia, Birk), Spheres of research and professional interest: English, teaching, cultural linguistics, E-mail: gorshunov_@rambler.ru

Elizaveta Gorshunova – PhD, Associate Professor of RANEPa Moscow, Spheres of research and professional interest: English, teaching, cultural linguistics, E-mail: ms.gorshunova@gmail.com

* * *

ЯЗЫК КАК СИСТЕМА: ЗНАЧЕНИЕ И СМЫСЛ

В.И. Шаховский

Волгоградский государственный социально-педагогический университет (ВГСПУ),
400066, Волгоград, просп. имени В.И. Ленина, 27

П.С. Волкова

Краснодарское высшее военное училище им. генерала армии С.М. Штеменко (КВВУ),
350063, Краснодар, ул. Красина, 4

В статье рассматривается двойственный характер языка как системы: актуальный (индивидуальная информационная система) и потенциальный (индивидуальная концептуальная система). Если с позиции информационной системы осуществляемый индивидуумом акт говорения является языковой рефлекс, то с позиции системы концептуальной актуализируемая языковой личностью мыслеречевая деятельность предстаёт как опыт рефлексии.

На примере креолизованного дискурса показано, как оперирование языком на уровне информационной системы ставит индивидуума в положение пассивного потребителя наличествующих значений (данное), что исключает возможность рассматривать его с позиции речевого субъекта. Последнее оказывается достижимым в случае, когда происходит актуализация концептуальной системы как коррелята мыслеречевой деятельности, результативность которой опознаётся на уровне смысла (созданное). Обосновывается, что если язык как информационная система может функционировать безотносительно концептуальной системы, то актуализация языка как концептуальной системы невозможна без системы информационной, в лоне которой она и сокрыта.

Утверждается, что, в отличие от значения, которое, будучи объективным, подвержено произвольной субъективизации в процессе употребления ввиду эмотивной валентности слова, смысл предстаёт в качестве интерсубъективного феномена. При этом если актуальные эмотивы напрямую связаны с языком как информационной системой, то потенциативы демонстрируют свою принадлежность языку как концептуальной системе.

Статья адресована филологам-коммуникологам, философам и культурологам, интересующимся вопросами языка как деятельности, эмотивной лингвистики, смыслообразования.

Ключевые слова: двойственный характер языка, информационная и концептуальная системы, смысл, значение, эмотивность.

Введение

Наиболее очевидные приметы современной социокультурной ситуации, в числе которых – всеразъедающий цинизм, разнузданность и пошлость, вторгающиеся в наш мир с экранов телевизоров, просторов Интернета, глянцевого журналов и радиоэфира; равнодушное потребление со стороны полубразованного большинства научных знаний

и знаний об искусстве, вследствие чего их реальная сложность подменяется желаемой простотой, что неизбежно приводит к выхолащиванию сути как науки, так и искусства; жизнь по принципу «сам себе голова», без оглядки на какие-либо авторитеты и то, что некогда представляло безусловную ценность, – всё это позволяет говорить о созвучности нашего настоящего атмосфере, царящей в Афинах времён Пелопонесской войны. Размышляя об эпохе, которая

некогда была ознаменована мощным расцветом эллинизма, В. Виндельбанд констатирует, что её конец проходил под знаком лжи, беспринципности, оргии отрицания и деморализации, «ибо деморализовано всякое общество, потерявшее единство своих нравственных убеждений и растерянно хватающееся то за одно, то за другое...» [3, с. 125]. Знаменательно, что именно в это время Сократ пытается выявить в словах некое основание, обеспечивающее движение разобщённых по разным причинам людей навстречу друг другу. В. Виндельбанд называет такое основание нравственным разумом. Выскажем предположение, что проблема языка как системы, решаемая в контексте современной коммуникологии, как нельзя более отвечает установке на обретение искомого единства, вне которого коммуникативное взаимодействие вырождается до воздействия, реализуемого посредством одностороннего акта говорения.

Соответственно, в качестве *объекта исследования* мы будем рассматривать системный характер языка, актуализируемый в пространстве коммуникативной ситуации. В качестве *предмета исследования* мы сосредоточим свой научный интерес на значении как единицы языка и смысле как единицы речи. При этом *цель работы* заключается в выявлении их принципиального несовпадения, что делает недопустимым ряд моментов, в числе которых наиболее распространённым видится:

- 1) употребление смысла и значения на уровне синонимов, оправдываемое современной коммуникологией неконтролируемой подвижностью существующих между ними границ;
- 2) рассмотрение смысла с позиции отношения, а значение – с позиции содержания коммуникативной ситуации.

Представляется, что осознание имманентного различия смысла и значения позволит не только минимизировать распространение манипулятивных технологий, реализуемых на уровне тёмных сторон коммуникации, что создаёт прецедент неэкологичного общения, но и уравновесить обучение готовым формам созданием новых форм, которые закладывают фундамент речевой собственности всех участников коммуникативного акта. Достижение поставленной цели требует постановки *следующих задач*, решаемых на стыке социо- и психолингвистики, философии языка, лингвистической антропологии, аналитической психологии, психологии личности, лингвистики эмоций:

- рассмотреть язык с позиции информационной системы;
- рассмотреть язык с позиции концептуальной системы;
- раскрыть сущностные основания языка как деятельности в противоположность языку как продукту деятельности;
- артикулировать место и роль эмотивности в процессе смыслообразования;
- выявить оптимальные условия для смыслообразующей деятельности сознания.

Теоретико-методологическим фундаментом работы стали: системный подход, обуславливающий «движение от многопредметного представления об объекте к интегрированному однопредметному представлению» [19, с. 80]; принципы самоорганизации и организации; метод анализа словарных дефиниций и метод комплексного лингвистического анализа. В качестве материала исследования был выбран образец визуальной поэзии как разновидности креолизованного дискурса, сложность структуры которого делает креолизованный текст одним из наименее изученных в лингвистике феноменов, что создаёт значительные трудности в процессе его интерпретации и реинтерпретации.

Язык как информационная система

Обозначенные в начале статьи приметы современной социокультурной ситуации, обнаруживаемые как в нашей стране, так и за её пределами – ярчайшее свидетельство того, что образ сознания большинства представителей глобализирующегося сообщества являет собой *индивидуальную информационную систему* как коррелят *самоорганизующегося* природного устройства [4, с. 207–214]. Будучи принадлежностью любого биологического организма, обозначенное устройство призвано перерабатывать и хранить поступающую извне информацию, овладение которой необходимо для выживания его носителя. Другими словами, суть индивидуальной информационной системы сводится к переводу внешней информации во внутреннюю и обратно с тем, чтобы обеспечить биологическому организму наибольшую адаптацию к окружающей его среде. По отношению к индивидууму речь идёт о кодировании невербальных элементов системы, которые и фактически и логически предшествуют её вербальным элементам, что даёт возможность манипулировать невербальным опытом через осуществляемую

посредством коммуникации манипуляцию вербальными знаками.

Подобное положение дел обусловлено тем, что процесс познания внешнего мира не может быть «запущен» до тех пор, пока система не получит эмпирического материала, поставляемого на основе чувственных восприятий. С этой точки зрения коммуникация оказывается напрямую связанной с познавательной активностью. Знаменательно, что в этом своём качестве язык, отвечающий за жизнедеятельность индивидуальной информационной системы, в том числе обеспечивающий её *самоорганизацию*, оказывается не просто неотъемлемой частью самой системы, но и определяет её собой, что позволяет признать правоту Н. Хомского в вопросе о врождённом характере языка [20]. Аналогичным образом заслуживает доверия и мысль З.В. Демьянкова. По словам отечественного учёного, в «общечеловеческой когниции заложены универсальные когнитивные стратегии. Человеческий опыт их использования приводит к накоплению «объектных» знаний и «оптимизирующих стратегий» [7, с. 31]. Эти встроенные в человеческий мозг универсальные стратегии «заданы самой его биологической структурой и аналогичны электронным схемам в составе компьютера. Объектные же знания и оптимизирующие стратегии представляют собой нечто вроде самонакапливающегося программного обеспечения...» [7, с. 32]. При этом во всех без исключения случаях индивидуальная информационная система служит умножению природных сил своего носителя. Достаточно привести пример того, как отсутствие возможности размножения компенсируется изобретённой человечеством технологией ЭКО, а страх смерти – разработкой искусственного интеллекта или экспериментами по крионизации биологического материала и т.п.

Напротив, умножение надприродных, то есть сущностных сил, которые, собственно, и обеспечивают человеку возможность называться человеком, оказывается для информационной системы как природного механизма неразрешимой задачей, что видится вполне оправданным. Наша убеждённость базируется на следующем основании. Функция кодирования, которую выполняют вербальные элементы системы в процессе взаимодействия с её невербальными элементами, выступает коррелятом перевода внешней информации во внутреннюю и обратно. Как правило, такой перевод самоорганизующееся природное устройство осуществляет

безотносительно того, о каком биологическом организме идёт речь. Понятно, что в данном контексте реализуемый посредством коммуникативной функции языка акт говорения не может рассматриваться в качестве главной причины, опираясь на которую должно отличать человека от животного, на что обращает внимание в своей работе «По ту сторону языка и инстинкта» Ф. И. Гиренок. Несмотря на то, что, «выходя за пределы наличного, человек перестаёт быть природным существом» [6, с. 26], подобная трансформация никоим образом не обеспечивает этому уже не природному существу статус «существа культурного». Как пишет учёный, «трансгрессия границ биологии не означает скорого попадания в мир социума» [6, с. 26] в том числе и потому, что в контексте индивидуальной информационной системы язык предстаёт исключительно на уровне языкового рефлекса. Неопровержимым доказательством представленной позиции служит тот факт, что способность к коммуникации – неотъемлемое свойство всех биологических организмов, о чём весьма доступно поведала Т. Черниговская в интервью с В. Познером в передаче «Познер», которая вышла в эфир 25 апреля 2016 года.

Соответственно, даже овладев языком, актор, пребывающий в рамках индивидуальной информационной системы, остаётся двуногим говорящим животным, выполняя одинаково неизменную для всех живых существ природную программу. Суть последней – выжить любым путём, сохранив себя как отряд, вид, класс, популяцию, что служит природному многообразию, обеспечивающему сохранение закона мерной напряжённости. С этой точки зрения мысль о том, что «внутри вида (человеческого. — В.Ш., П.В.)... никакой изменчивости нет.., речь идёт о единообразной системе, а значит, со времени её появления никакой значительной эволюции не было...» [16, с. 218], оказывается вполне правомерной. Потому, собственно, в ситуации, когда индивидуум использует язык в его коммуникативной функции, налицо биологическое (природное) измерение человека, отмеченное такими системными свойствами, как:

- доминирование вербальности (рациональности) над невербальностью (иррациональностью);
- примат внешнего над внутренним;
- завышенная самооценка;
- симуляция творчества;
- одномерность.

Другими словами, в рамках индивидуальной информационной системы язык реализуется в аспекте функциональности.

Язык как концептуальная система

В свою очередь, социальное (надприродное) измерение индивидуума мы связываем с *индивидуальной концептуальной системой*, которая обеспечивает процесс перехода языка из потенциального в актуально наличествующий феномен, что оказывается возможным посредством смыслообразования. Принципиальное отличие последнего от коммуникации заключается в том, что если коммуникативная функция языка изначально актуальна, будучи имманентна процессу становления самого биологического организма, то смыслообразование предстаёт лишь в потенции, что, однако, не делает искомый опыт менее реальным. Даже тогда, когда он не получает своей актуализации, он сохраняется в системе языка на уровне виртуальной реальности, обретая своё подлинное существование «лишь в действии, в динамике, как источник всё новых и новых актуальностей, являясь условием творения каждого акта...» [9, с. 293].

По сути, опыт смыслообразования есть не что иное, как нацеленная на организацию информационной системы деятельность (мыследеятельность). Имеется в виду организация природной данности, обуславливающая возникновение речи как некоего нового феномена, созданного самой коммуникативной личностью. При этом в отличие от информационной системы, актуальность которой обрекает актёра на пассивное потребление языка, вследствие чего его творческие интенции всегда предстают отмеченными вторичным характером, являя собой комбинации с имеющейся наличностью, концептуальная система инициирует рождение креативной личности, чьё языкотворчество напрямую связано с формированием индивидуальной речи. Преодолевая активность природы собственной активностью, такая личность тем самым освобождается от террора безличностной программы. Другими словами, отказ от ситуации, когда «...наш разум контролируется чуждой нам информацией, имплантатом, который заботится только о поддержке своего ...существования» [15, с. 23], с неизбежностью влечёт за собой обретение актёром собственной речевой формы в изначально нерасчленённой целостности вербальных и невербальных элементов,

функционирующих под знаком природного автоматизма.

Думается, что в данном контексте *организация* индивидуальной информационной системы может быть уподоблена опыту рефлексии. В противоположность языковому рефлексу, осуществляемая актёром рефлексивная деятельность предполагает необходимость движения, обратного тому, которое изначально определяло взаимодействие элементов системы. Имеется в виду процесс декодирования вербального знака, предшествующий кодированию невербальных элементов системы вербальными, а также его последующее кодирование. Для доказательства значимости деятельности (мыследеятельности) по актуализации индивидуальной концептуальной системы со стороны языковой личности осуществим проекцию разрабатываемых К.Г. Юнгом в русле аналитической психологии категорий на область индивидуальной информационной системы. В рамках последней её невербальные элементы будут рассматриваться с позиции коллективного бессознательного, вербальные – с позиции индивидуального сознания.

Выскажем предположение, что:

- 1) декодирование вербального знака задаёт направление движения индивидуального сознания в сторону коллективного бессознательного;
- 2) последующее кодирование невербального опыта, полученного в результате декодирования вербального знака, обуславливает движение коллективного бессознательного в сторону индивидуального сознания.

В обоих случаях налицо установка на согласование противоречий между индивидуальным сознанием, функционирующим под знаком вербального кода (рациональность), и коллективным бессознательным, функционирующим под знаком невербальности (иррациональность).

В целом результативность искомого согласования опознаётся в следующих моментах:

- 1) снятие индивидуальным сознанием негативности бессознательного в коллективном или, иначе, – *субъективизация объективного опыта*;
- 2) обогащение индивидуального опыта опытом коллективным или, что то же – *объективизация субъективного опыта*.

В итоге изначально субъективное сознание обретает коллективный, то есть объективный характер аналогично тому, как изначально бессознательное становится осознанным. Потому, собственно, достигая равновесия обоих элемен-

тов системы, коммуникативная личность умножает свои сущностные силы, обретая не ограниченную объёмом индивидуального сознания мощь, что открывает человеку такие горизонты, о которых он прежде даже не подозревал в силу локального характера своего индивидуального сознания. В данном контексте именно бессознательное и являет собой ту часть сознательного дискурса, дефицит которой обуславливает его парциальность, затрудняя индивидууму выход на интерсубъективный уровень.

То обстоятельство, что формирование речевой собственности напрямую связано с осуществляемой коммуникантом деятельностью (мыследеятельностью) по организации информационной системы, что способствует её преобразованию в систему концептуальную, позволяет сделать весьма важное наблюдение. Если информационная система может функционировать безотносительно концептуальной, то концептуальная система рождается исключительно в лоне информационной. Другими словами, процесс смыслообразования оказывается возможным только потому, что ему нечто предшествует как изначально данное. Отмеченная специфика осуществляемой коммуникантом смыслообразующей деятельности исключает необходимость придумывать или изобретать смысл, поскольку он потенциально присутствует в том, что уже есть. В этом – его уникальность, ибо смысл утверждает незыблемость связи прошлого, настоящего и будущего. Что это значит?

Думается, в ситуации, когда языковая личность реализует установку на актуализацию смысла (*созданное*), потенциально присутствующего в имеющейся наличности (*данное*), она обретает некое общее как для себя, так и для всех других основание. Именно последнее, названное В. Виндельбантом нравственным разумом, обеспечивает индивидууму относительную устойчивость в условиях тотальной нестабильности непрестанно меняющегося мира. В итоге, поддерживаемая посредством смыслообразующей деятельности мерная напряжённость данного и созданного, самим фактом такой, совершаемой *здесь и сейчас*, деятельности, делает человека причастным тому, что сохраняет свою значимость *везде и всегда*. В нашем случае речь идёт о мыслеречевой деятельности как акте личностного противостояния безличностному природному устройству.

Полностью отдавая себе отчёт в том, что в силу своей изначальной данности (актуальности) природа сильнее человека, поскольку он –

всего лишь задание, то есть потенциален, мы, вслед за А.Н. Леонтьевым, склонны рассматривать осмысленную жизнь с позиции драмы, «почва и центр которой – борьба личности против своего духовного разрушения» [10, с. 241]. Солидаризируясь с учёным в том, что такая борьба «никогда не прекращается», обозначим системные свойства языковой личности, которая выступает в качестве носителя индивидуальной концептуальной системы:

- устойчивая неравновесность вербального (рационального) и невербального (иррационального), обусловленная поддержанием существующей между ними мерной напряжённости;
- согласование противоречий между внешним и внутренним;
- признание равноценности других и себя;
- творчество;
- многомерность.

Отмеченные свойства, на наш взгляд, позволяют констатировать, что с точки зрения индивидуальной концептуальной системы язык предстаёт в аспекте субстанциальности.

Сущностные основания языка как деятельности

Поменяв ракурс исследования и осмыслив полученные результаты с позиции социо- и психолингвистики, выскажем ряд соображений. В частности, если в опоре на коммуникативную функцию языка индивидуум оперирует значением в его данности, то в опоре на смыслообразование «строительным материалом» речевого высказывания становится смысл как единство *данного*, то есть того, что существует со всей очевидностью, и *созданного*, то есть того неочевидного, которое удаётся обнаружить в имеющейся наличности. При этом в отличие от буквального значения, которое может функционировать безотносительно смысла, смысл всегда зиждется на буквальном значении, в недрах которого он сокрыт. Если первое, будучи объективной данностью, с неизбежностью субъективизируется каждым индивидуумом в силу эмотивной валентности слова [17], что оправдывает мысль «у каждого – своя правда», то неотъемлемым качеством второго оказывается интерсубъективность. Связывая собой то, что было, и то, что есть, смысл, таким образом, выступает коррелятом истины [18].

Напомним, размышляя о специфике сократовского опыта, В. Виндельбанд пишет о том,

что используемый античным философом метод сравнительной индукции был призван увести свободных граждан от неточности обыденного словоупотребления. Двигаясь от частного к общему в поисках одинаково для всех приемлемого основания, Сократ тем самым подводил своих собеседников к осознанию всеобщей субъективности слова. Не случайно поэтому, стимулируя в своем *vis-à-vis* процесс смыслообразования, Сократ уподоблял свой опыт майевтике – искусству, которым владели повитухи. Только в отличие от физического рождения (как сугубо биологического акта) Сократ инициировал духовное рождение человека, что обеспечивало ему статус уже не биологического, но социального существа. Тот факт, что используемый Сократом метод сравнительной индукции выступает аналогом метода анализа словарных дефиниций, который обеспечивает проникновение во внутреннюю форму языка, восстанавливая изначально неосознаваемую индивидом связь одного слова со многими другими, послужившими основой для его образования, делает возможным следующий вывод.

Выход на внутреннюю форму языка коррелирует с деятельностью по организации индивидуальной информационной системы, обуславливающей её преобразование в систему концептуальную. Думается, что именно таким образом понимаемая деятельность (мыследеятельность) квалифицируется В. фон Гумбольдтом с позиции *Energeia* в противоположность *Ergon* – продукту деятельности. Будучи принадлежностью индивидуальной информационной системы, этот продукт формирует особый человеческий тип – тип потребителя. В. Хлебников называл таких людей приобретателями. Напротив, осуществляемое в опоре на концептуальную систему смыслообразование инициирует рождение творца или, по Хлебникову, изобретателя.

Именно с этой точки зрения запечатлённая в Новом Завете мысль «В начале было Слово и Слово было у Бога, и Слово было Бог...» (Ин, 1:1) заслуживает полного доверия. Принимая во внимание синонимичность лексем Слово и Логос, нельзя не признать: ничто другое, как смысл, воплощающий собой мерную напряжённость данного и созданного, вербального (рационального) и невербального (иррационального), внешнего и внутреннего, дискретного и континуального, вносит упорядоченность в жизнедеятельность человека и природы, будучи антипо-

дом бессмыслицы. Причём, то обстоятельство, что в рамках риторического канона Логос «не может иметь собственной (самодостаточной) цели, индуцируя её из подсистемы «Этоса» [12, с. 204], служит веским аргументом для возможной корреляции библейского Слова (Логоса), которое есть Бог, и искомого единства (в скобках напомним, что последнее В. Виндельбанд связывал с нравственным разумом). Потому далеко не случайным, но, напротив, закономерным видится послание, которое запечатлено на иконе Валаамской Божьей Матери рукой мастера, её сотворившего: «*Мера и подобие*».

В данном контексте наличие у любого природного существа такого «устройства», как индивидуальная информационная система, может рассматриваться аналогом Бога-Отца. Более того, обозначенная система и являет собой знак Его любви ко всем своим созданиям с той лишь оговоркой, что в силу своей природы биологические организмы, равно как и индивидуум, становление которого проходит под знаком индивидуальной информационной системы, не в состоянии постигнуть Его виртуальное присутствие. В свою очередь, Бог-Сын может быть уподоблен языковой личности, которая, осознав свою принадлежность обоим мирам, – природному и надприродному, делает безоговорочный выбор в пользу второго. Символом такого разрыва, или иначе, – распятия между временным и вечным, смертным и бессмертным, выступает Крест. Тогда Дух – это незримая связь прошлого, настоящего и будущего, которая вносит некий порядок в течение времени в случае, если эта связь осознаётся, то есть когда происходит Его – Духа – воплощение. Другими словами, обретая смысл в том, что уже есть, мы живём с оглядкой на прошлое, закладывая фундамент будущей жизни. В терминологии В.И. Вернадского аналогом Духа выступает Ноосфера, в терминологии М.К. Мамардашвили – мыслительный поток, что, по сути, отвечает ситуации, когда не мы рожаем мысль, но мысль рождает нас.

Примечательно, что если на уровне информационной системы индивидуум выступает по отношению к природе в качестве механически отторгнутой от целого части постольку, поскольку в своём биологическом измерении человечество с неизбежностью нарушает определяемый мерной напряжённостью природный порядок, то концептуальная система вновь утверждает их незыблемую целостность. Подобный опыт оказывается возможным в ситуации, когда не-

изменный как для природы, так и для человека закон мерной напряжённости опознаётся речевым субъектом не только извне, но и изнутри. Другими словами, если для индивидуальной информационной системы отмеченный закон – данность, за которой стоит природная, то есть *безличностная программа*, то для индивидуальной концептуальной системы – созданное, за которым стоит *личностный выбор* речевого субъекта. В итоге то, что изначально определялось на уровне внешнего закона, преобразуется во внутреннюю интенцию свободного в своём выборе актора. Результативность подобного выбора опознаётся через обретение языковой личностью всеобщей субъективности или иначе – интересубъективности.

Думается, что в обозначенном ракурсе ветхозаветная история, повествующая о грехопадении Адама и Евы, которые отведали запретный плод с древа познания добра и зла – дошедшая до нас из глубины веков истина. Её суть, на наш взгляд, заключается в том, что знания, усваиваемые вне осознания отмеченного мерной напряжённостью единства внешнего и внутреннего, дискретного и континуального, вербального и невербального, природного и надприродного, в том числе добра и зла и т. д. как имманентного мирозданию закона, обрекают человека на гибель. Знаком последней становится подмена целого – частью, вследствие чего внешнее остаётся без внутреннего, дискретное – без континуального, вербальное – без невербального, природное – без надприродного. При этом слова Блаженного Августина, согласно которому каждый, будучи рождён от «...осуждённого отростка сначала по необходимости бывает по Адаму злым и плотским, а потом, когда, возродившись, возрастает во Христе, становится добрым и духовным... хотя не всякий злой человек будет добрым, никто, однако же, не будет добрым, кто не был злым...» [1, с. 156] служат подтверждением верности следующей мысли.

Биологическое измерение человека не всегда эволюционирует до его социального (духовного) измерения, поскольку в отличие от концептуальной системы, чья актуализация невозможна вне системы информационной, в лоне которой и таится искомая социальность, информационная система может функционировать безотносительно концептуальной. Соответственно, несмотря на то, что многие представители социума живут, даже не подозревая о том, что их подлинное человеческое Я остаётся

лишь потенциально возможным, будучи во власти индивидуальной информационной системы, никто из тех, кто сумел отказаться от террора безличностной программы, не мог бы состояться в качестве мыслеречевого субъекта вне этой системы. Именно последняя выступает в качестве «стартовой площадки» для воплощения Духа, что с неизбежностью приводит к одухотворению плоти. Пожалуй, рассматриваемое под таким, сугубо лингвистическим, углом зрения сакральное знание возвращает лексеме религия её исконный смысл (от лат. re-ligio – восстановление). Речь идёт о непрестанной духовной работе, обеспечивающей поддержание имманентной индивидуальной информационной системе релевантной несовместимости вербальных и невербальных элементов, но на качественно ином, концептуальном, уровне.

Место и роль эмотивности в процессе смыслообразования

В качестве иллюстрации преобразования индивидуальной информационной системы, оперирующей значениями, в систему концептуальную, иницирующую смыслообразование, обратимся к визуальной поэзии Аркадия Драгомощенко (1946—2012). Имеется в виду разновидность креолизованного дискурса, который оказывается синонимичным таким понятиям, как поликодовый текст, изовербальный комплекс, изоверб, семиотически осложнённый текст, видеовербальный текст. Фокусирование внимания на обозначенном дискурсе обусловлено тем обстоятельством, что интересующий нас образец косвенно помогает понять, каким образом взаимодействуют между собой невербальные и вербальные элементы информационной системы. Помимо этого, признавая верность положения, согласно которому «с исторической точки зрения сомнительно наличие в языке немотивированных связей между значением и формой; кажущееся отсутствие мотивации следует объяснять тем, что эта связь стёрта, демотивирована, и необходимо найти исходное мотивированное состояние» [8, с. 130], именно креолизованный текст современного русского поэта – профессионального переводчика, чьё творчество получило научное признание – видится нам с позиции искомого исходного мотивированного состояния. Подтверждение тому – слова Марджори Перлофф (Marjorie Perloff): «Для Драгомощенко язык не является уже всегда

усвоенным и присвоенным, предопределённым и предпосланным... Напротив, Драгомощенко настаивает на том, что «язык не может быть присвоен, поскольку он несвершаем» и, вызывая в памяти слова Рембо «Je suis un autre», добавляет афористическое: «поэзия – это всегда иное» [13].

Принимая за точку отсчёта признание поэта, предлагаем несколько вариантов прочтения стихотворения «Нумерология 3». Однако для начала согласимся с тем, что представленный материал – это данность, в которой каждый фрагмент обособлен один от другого, что подчёркнуто ещё и на визуальном уровне: вертикальные и горизонтальные линии ставят непроходимые

границы между знаками языка и цифрой. Причём, первичность невербальных элементов, которые и фактически, и логически предшествуют образованию вербальных, здесь столь же неявно просматривается, как это происходит и в условиях обыденного коммуникативного акта, осуществляемого, как правило, под знаком терраора кода. Не случайно поэтому, работая с креолизованным дискурсом, представленным на уровне письменной художественной речи, мы в состоянии опознать лишь то, что очевидно для всех: наличие горизонтальных и вертикальных линий, образующих ячейки, которые в одном случае заполнены словами, в другом, – цифрой, в-третьем, – отмечены пустотой (см. рис. 1)

птицы				всегда	
		продажа		кто	
		и			об этом
	здесь		стекло	3	
склон		как	в	над	да
		но это	не	где	

Рис. 1. А. Драгомощенко. «Нумерология 3»

Если ретроспективно взглянуть на появление белых текстов, пятен, пробелов, пустот в художественной коммуникации, нетрудно заметить их явную экспрессивно-эмоционально-оценочную семантику. Действительно, освоение предлагаемого в тексте А. Драгомощенко единства вербальной и визуальной информации сопровождается негативной эмоцией, вызванной когнитивным диссонансом, который обуславливается тем, что ситуация непонимания доминирует здесь над ситуацией понимания. При этом собственно визуальность, функционирующая обособленно от знаков языка, инициирует сбой автоматизма восприятия, что создаёт ощущение западни, из которой не выбраться. Безвыходность положения с неизбежностью провоцирует состояние дискомфорта. Последнее усугубляется ещё и тем, что, несмотря на лакуны, уподобляемый индивидуальной информационной системе креолизованный дискурс видится самодостаточным, являя собой готовый продукт (Ergon) некогда осуществлённой А. Драгомощенко деятельности (Energeia). Другими словами, будучи готовой формой, художественная речь со-

временного поэта-концептуалиста исключает, на первый взгляд, какое бы то ни было взаимодействие с читателем, выступающим в роли актора.

На фоне потенциативов *здесь, и, как, но это, стекло, в, не, всегда, кто, над, где, об этом*, только лексемы *птицы, склон, продажа, три* (тройка) видятся отмеченными оценочным знаком. Однако, тот факт, что наличие положительной эмотивной коннотации лексемы *птица*, равно как и отрицательный характер эмотивных значений лексем *продажа, три* (тройка), *склон* не способны устранить состояние дискомфорта, даёт основание утверждать правомерность следующей мысли. В контексте индивидуальной информационной системы актуальные эмотивы скорее способствуют познавательной активности вступающего во взаимодействие с креолизованным дискурсом актора, нежели смыслообразованию. Уход от однозначной оценки функционирующих на уровне значений актуальных эмотивов требует декодирования вербального знака с тем, чтобы восстановить многозначность слова, опознаваемую посредством эмотивной валентности.

Именно таким образом мы попытаемся трансформировать представленную посредством креолизованного дискурса индивидуальную информационную систему в систему концептуальную, восполнив данное – созданным, коммуникацию – смыслообразованием, дискретное – континуальным. Осуществляя мерную напряжённость между одним и другим, мы сумеем выйти из-под террора наличного «устройства», которое угнетает нас своей парциальностью, бессмысленностью. Делая ставку на язык как самостоятельно осуществляемую деятельность (мыследеятельность), мы, по сути, актуализируем противостоящую языковому рефлексу рефлексию и в полном соответствии с этимологией интересующей нас лексемы (от лат. reflexio – взгляд назад) ищем ответ на вопрос, что представляет собой визуальная конструкция как таковая. Другими словами, признавая первичность невербальных (в случае с изовербом Драгомощенко – визуальных) элементов системы, мы оказываемся поставленными перед необходимостью их кодирования.

Первый шаг на пути к смыслу позволяет предположить, что визуальная основа стихотворения являет собой некую таблицу, сумма горизонтальных и вертикальных линий которой (3+3) коррелирует с числом 3, находящимся в одной из ячеек. Поскольку отмеченное совпадение ставит *тройку* в положение сильной позиции текста (И. Арнольд), мы более пристально «вглядываемся» в интересующую нас лексему, обнаруживая как её положительную, так и отрицательную стороны. С этой точки зрения принципиальными для нас оказываются такие её интерпретации, как:

- посредственная отметка;
- Троица (Бог-отец, Бог-сын и Святой Дух);
- рождение, жизнь, смерть;
- прошлое, настоящее, будущее;
- вера, надежда, любовь;
- триединство чувства, ума и воли и т. п.

Определившись с возможными толкованиями доминирующего сигнала текста, приступаем к декодированию вписанных в ячейки языковых знаков, уходя от их парциальности. В первой ячейке первого столбца – лексема *птицы*, в пятой – лексема *склон*. Есть ли основание связывать между собой эти значения? Вероятно, есть. Птица ассоциируется с полётом, парением, с верхом, тогда как склон – со спуском, падением, с низом. Также птица – символ свободы. Обо-

значенные ассоциации приводят к необходимости корректировки визуального опыта, вследствие чего на смену таблице приходит клетка. То обстоятельство, что клетка не является препятствием на пути к свободе, опознаётся в следующих знаках: ячейка, в которой расположена лексема *птицы*, не имеет верхней границы, т.е. из клетки можно вылететь. При этом отсутствие границы слева не представляется важным. Как правило, левая сторона ассоциируется с движением назад, с возвращением к тому, что уже пройдено. Это своего рода «бег по кругу», на что, собственно, и указывает месторасположение лексемы *склон*: однажды упав, надо стремиться карабкаться вверх, поскольку, скатываясь всё ниже и ниже, мы, вопреки непрестанному движению, тем не менее, лишены положительной динамики, поскольку неизменным остаётся направление движения.

Вписанную между первой и пятой ячейками первого столбца лексему *здесь*, которая размещена в четвёртой ячейке столбца второго, мы связываем с выбором между верхом и низом, между светом и тьмой, между свободой и пленом. Имеется в виду такой выбор, который требует от нас принятия решения «здесь и сейчас». Расположенная в третьем столбце во второй ячейке лексема *продажа* заставляет вспомнить слова Бродского, который писал: «жизнь есть товар на вынос – торса, пениса, лба...». Негативная эмоция, возникающая при мысли о базарной сделке на фоне хлебниковских строк «Сегодня снова я пойду /Туда, на жизнь, на торг, на рынок /И войска песен поведу /с весёлым рынком в поединок», – делает обоснованной мысль о том, что сегодня купить можно всё, и *как* подчас удачна бывает сделка! Но это – стекло, то есть одна лишь видимость приобретения. Разве такая свобода – не безусловная иллюзия? Но тогда человек, так глупо заблуждающийся на свой счёт, становится наиболее удобным для манипуляций – вот оно, веселье рынка!

Подлинная свобода – на это указывает помещённый в пятую ячейку четвёртого столбца предлог *в* – внутри, а не во вне нас. Нам *не всегда* удаётся это безоговорочно принять. Однако тот, *кто*, опираясь на волю, сумеет удержать в равновесии ум и чувство, будет способным подняться *над* обстоятельствами, не предавая любви, не отрекаясь от веры и сохраняя надежду, *где* бы он ни оказался...

Несмотря на то, что в поисках смысла мы «проработали» практически каждое из значе-

ний, входящих в пространство креолизованного дискурса, вряд ли его смысловый потенциал может быть исчерпан. Думается, *об этом* «говорит» возможная корреляция птицы и человека. Соответственно, если даже лишённая свободы птица и в неволе продолжает оставаться птицей, то есть петь, то для человека сохранять своё человеческое достоинство в самых нечеловеческих условиях (например, в тюрьме/СИЗО¹) – вполне естественно. Другими словами, человек, если он действительно человек, а не двуногое говорящее животное, не имеет права на бесчеловечье ни при каких обстоятельствах. Да?!!

Проиллюстрировав, каким образом формируется концептуальная система языковой личности, целенаправленно закладывающей фундамент своей речевой собственности в опоре на невербальные (пересечение вертикальных и горизонтальных линий) и вербальные элементы, остановимся на иной интерпретации креолизованного дискурса. Специально оговорим, что в данном примере опыт перевыражения визуального в вербальное и вербального в невербальное предстаёт в свёрнутом виде:

Мы можем в небо воспарить, как птица,
а можем кануть в бездну – камнем вниз!
Здесь истины не изрекают, лица –
продажны, жизнь – причуда, фейк, каприз.
И как из тупика найти дорогу,
Когда сам путь – иллюзия, обман...
Лбом нам не прошибить стекла! В итоге
тот победит, кто знает, что лишь сам
себе поможет. О, мой бедный странник,
терпи, молись, работай, но не спи!
Всё лишь в тебе, ты – схимник, не изгнанник,
От мира суетного вглубь себя иди!

Ещё один вариант мыслеречевой деятельности, актуализируемой в процессе художественной коммуникации, предлагает Т.П. Рыльская [14]. По мнению исследователя, используемое в таблице число 3 – знак Троицы – прямо соотносится с лексемой *стекло* как тайной, таинством, совершением сакрального акта, что также отвечает характеристике лексемы *число* в чешском языке (согласно М.М. Маковскому, ей соответствуют понятия *колдовство*, *волшебство* [11, с. 389]). Помимо этого, число 3 связывают с трой-

кой, божественным Разумом, духом, порядком, гармонией, совершенством и небом [11, с. 390]. Упоминание о синонимичности понятий *число* и *гармония* позволяет поставить знак равенства между цифрой 3 и музыкальной сферой, что в ситуации с текстом Драгомощенко говорит о гармонии поэтического стиха в противоположность хаосу, который царит за пределами творчества поэта. При этом вписанная в поэтический текст цифра 3 служит, по мнению Т.П. Рыльской, указанием на необходимость «помнить три дела: молиться, терпеть и работать» [14]. Оппозицию между суетой и покоем, которые сопряжены соответственно с торгом и терпеливой молитвенной работой, задают слова *всегда*, *об этом* и *здесь*. Причём, выписанное в начале поэтического текста слово *склон* может рассматриваться аналогом тризны, завершающей путь каждого смертного, душа которого воспаряет в небо, подобно птице. «В целом, – делает вывод Т.П. Рыльская, – поэтическая графика Драгомощенко, представляющая собой очертания таблицы, столбцы которой сгруппированы по 6 (3+3), может рассматриваться как двойной тернер. Последний связывается авторами словаря символов с актом самопознания» [14].

Наконец, отдавая себе отчёт в том, что выступающая в качестве «белого пятна» пустота может быть своего рода провокацией, так называемым жестом поэта, приглашающим актёра к со-творчеству, предлагаем отличный от первоисточника вариант:

птицы свободны и потому
даже в клетке *всегда* о счастье поют,
им купля-продажа неведомы...
кто или, точнее, много ль среди нас найдут
слова, которыми людям бескрылым и слабым
сказать о главном, *об этом*:
жизнь – *здесь* и сейчас,
остальное – иллюзия или *стекло*,
пусть хоть *трижды* оно
пронизано светом...
склон неизбежен,
как остаться свободным в застенке и,
над собою поднявшись, сказать миру *да?*
сражаться отчаянно и непрестанно,
но это не *где*,
ибо если свобода, то она и везде, и всегда!

¹ Лексема тюрьма/СИЗО – очередная коррекция визуального опыта, вербализация которого начиналась с лексемы *таблица*, потом – *клетка*, теперь – *тюрьма*.

Завершая интерпретацию креолизованного дискурса, нельзя не признать: процесс создания концептуальной системы как осуществление мыслеречевой деятельности – это выход за пределы языка-кода, в котором контекст изначально уничтожается. Напротив, смыслообразование обеспечивает актору возможность найти в языке «... нечто такое, что дарит ... неповторимое ощущение открытия несбыточности и несовершенного в самых обыденных вещах и явлениях» [13]. Принципиальным в данном контексте оказывается следующий факт. Опыт смыслообразования осуществляется в опоре на эмотивную валентность, посредством которой актуальные эмотивы и потенциативы могут подвергаться переосмыслению, как, например, это происходит с лексемами *птицы*, *склон*, числом 3 и т. д.

При этом не что иное как потенциативы уводят индивидуума, с одной стороны, от автоматизма восприятия, с другой, – от спонтанности языка, что ставит эмотивность в положение культурной доминанты, реализуемой в пространстве постсимволической коммуникации. Знаменательно, что именно с последней связывал будущее глобализирующегося мира Дж. Ланье – автор термина «виртуальная реальность». Всё это обеспечивает речевому субъекту возможность «не пассивно откликаться на реальность, которая навязывает себя, а активно создавать и воссоздавать мир, в котором он действует» [9, с. 262].

Оптимальные условия для актуализации концептуальной системы как коррелята смыслообразования

Учитывая изоморфизм человека и текста культуры [5], опознаваемый на уровне их двойственной природы, нельзя не признать, что оптимальные условия для смыслообразующей деятельности (мыследеятельности) актора складываются в пространстве художественной коммуникации. Представленная точка зрения тем более правомерна, что преодоление собственной природы, то есть своего естества, делает человека существом искусственным. Потому ничто другое, как искусство обеспечивает возможность его зановорождения (М.К. Мамардашвили), выступая в качестве своего рода «тренажёра» для метафизических упражнений. Отдавая себе отчёт в том, что искусство бывает разным, подчеркнём важность одного момента.

В отличие от подлинного искусства, которое служит языковой личности в качестве некоего ценностного ориентира, воплотившего в себе единство материального (природного) и идеального (надприродного), симулякр, возникший в результате ловкой манипуляции с наличностью, если и способен потрясти воображение, то только игрой ума. Глубина и масштабность затрагиваемых вопросов, которые обретают статус вечных как на уровне искусства, так и на уровне жизни, обнаруживают себя исключительно в процессе смыслообразования как неделимой целостности ума (рациональное) и зауми (иррациональное).

Думается, именно то обстоятельство, что преодолевающая границы природы языковая личность с неизбежностью обнаруживает отмеченный всеобщей субъективностью нравственный разум, и обусловило возможность поставить знак равенства между лексемами Слово (Логос), Бог и Любовь. В данном контексте всякое подлинное произведение искусства являет собой образец подлинной, лишённой симулякров, жизнедеятельности сознания.

Завершая построение системы аргументации в отношении оптимальных условий для становления индивидуальной концептуальной системы или иначе – смыслообразования, обратимся к словам М.М. Бахтина, заимствованным из его работы «Искусство и ответственность». «Целое называется механическим, – пишет отечественный мыслитель, – если отдельные элементы его соединены только в пространстве и времени внешней связью, а не проникнуты внутренним единством смысла. Части такого целого хотя и лежат рядом и соприкасаются друг с другом, но в себе они чужды друг другу.

Три области человеческой культуры – наука, искусство и жизнь – обретают единство только в личности, которая приобщает их своему единству. Но связь эта может стать механической, внешней. Увы, чаще всего это так и бывает. Художник и человек наивно, чаще всего механически, соединены в одной личности: в творчестве человек уходит на время из «житейского волнения» как в другой мир «вдохновения, звуков сладких и молитв». Что же в результате? Искусство слишком дерзко-самоуверенно.., ведь ему же нечего отвечать за жизнь, которая, конечно, за таким искусством не угонится. Когда человек в искусстве, его нет в жизни, и обратно. Нет между ними единства и взаимопроникновения внутреннего в единстве личности... Поэт дол-

жен помнить, что в пошлой прозе жизни виновата его поэзия, а человек жизни пусть знает, что в бесплодности искусства виновата его нетребовательность и несерьёзность его жизненных вопросов» [2, с. 7]. Вне этой взаимной ответственности, за которой стоит готовность осуществить речевой поступок, признав свою вину за всё содеянное и не содеянное в равной степени перед собой и перед другими, человечество обречено на глобальный монолог как признак тотального вырождения.

Заключение

Подводя итоги работы, проделанной в ходе предпринятого нами исследования языка как системы, остановимся на наиболее значимых результатах:

1. Овладение коммуникативной функцией языка, реализуемой на уровне информационной системы как самоорганизующегося природного устройства, не обеспечивает коммуниканту статус речевого субъекта.

2. Фундамент речевой собственности языковой личности закладывается исключительно в процессе становления индивидуальной концептуальной системы.

3. В силу того, что способность говорить не влечёт за собой автоматический переход индивидуума за границы мира природы в пространство культуры как неотъемлемой составляющей мира социального, значение оказывается изоморфным биологическому измерению актора. Напротив, смысл, актуализируемый в процессе деятельности (мыследеятельности) по организации (преобразованию) данного в созданное, изо-

морфен его – актора – социальному измерению.

4. Основанием языка как продукта деятельности выступает индивидуальная информационная система (*данное*). В свою очередь, основанием языка как деятельности выступает концептуальная система (*созданное*).

5. Эмотивность являет собой базовый принцип как языка, реализуемого на уровне информационной системы, так и речи, формирование которой осуществляется в контексте концептуальной системы. При этом если актуальные эмотивы демонстрируют свою принадлежность первой системе, то потенциативы – второй. Процесс трансформации информационной системы в систему концептуальную проходит под знаком эмотивной валентности.

6. Оптимальные условия для смыслообразующей деятельности сознания складываются в пространстве художественной коммуникации. Помимо креолизованного дискурса здесь уместно назвать визуальные и аудиальные тексты культуры, в том числе тексты, основанные на взаимодействии двух или более видов искусства (балет, опера, кинематограф, анимация).

7. Осознание двойственного характера языка как актуального (коммуникация) и, одновременно, потенциального (смыслообразование) феномена с необходимостью требует перестройки всего отечественного образования, в первую очередь, коммуникативной лингвистики. Игнорируя выявленные между смыслом и значением отличия, профессиональные коммуникологи во многом повторяют ошибку софистов, способствуя девальвации языка, что в корне противоречит действительному положению дел, когда «В начале было Слово ...».

Список литературы

1. Августин А. О граде Божием / А. Августин. Мн.: Харвест, М.: АСТ, 2000. 1296 с.
2. Бахтин М.М. Искусство и ответственность // Работы 1920-х годов / Бахтин М.М. Киев: Next, 1994. С. 7–8.
3. Виндельбанд В. О Сократе // Лики культуры: Альманах / В.М. Виндельбанд; Юрист, 1995. С. 121–142.
4. Волкова П.С. Язык и речь в пространстве культуры: интерпретация и реинтерпретация // Вестник Волгоградского государственного университета. 2017. № 16 (4). С. 207–214. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2017.4.20>
5. Волкова П.С. Человек и текст: к вопросу об изоморфизме // Научный потенциал ВУЗа – производству и образованию: мат. I Международной научно-практической конференции 7, 8 декабря 2018 г. Армавир: АМХИ, 2019. С. 258–264.
6. Гиренок Ф.И. По ту сторону языка и инстинкта // Русская философия XXI века. Максимум / Ф.И. Гиренок. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2014. С. 5–78.
7. Демьянков В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания, 1994. № 4. С. 17–33.
8. Кибрик А.Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания / А.Е. Кибрик. М.: МГУ, 1992. 336 с.
9. Кудряшова Т.Б. Онтология языков познания / Т.Б. Кудряшова. Иваново: ОАО «Изд-во «Иваново», 2005. 314 с.
10. Леонтьев А.Н. Из дневниковых записей // Избранные психологические произведения: В 2-х т / Леонтьев А.Н. М.: Педагогика, 1983. Т. II. С. 239–246.

11. Маковский М.М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов / М.М. Маковский. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1996. 415 с.
12. Маров В.Н. Культурно-исторический памятник или настольная книга? // Аристотель. Риторика. Поэтика / Маров В.Н. М.: Лабиринт, 2000. С. 181–189.
13. Мемория. Аркадий Драгомощенко — ПОЛИТ.РУ. [Электронный ресурс]. – URL: polit.ru/Новости/2016/02/03/dragomoschenko (дата доступа 18.04.2020)
14. Рыльская Т.П. Мифологема смерти в пространстве визуальной культуры: Дис. канд. культурологии /Т.П. Рыльская. Краснодар: КГУКИ, 2010. 170 с.
15. Соммэр Д.С. Космическая валюта – наивысшее богатство / Д.С. Соммэр. М.: «Кодекс», 2014. 200 с.
16. Хомский Н. О природе и языке / Н. Хомский. М.: УРСС, 2010. 288 с.
17. Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций / В.И. Шаховский. М.: Гнозис, 2008. 416 с.
18. Шаховский В.И. Смысл как социо-психолингвистический феномен: методологический подход / В.И. Шаховский, П.С. Волкова //Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал: Тверская государственная сельскохозяйственная академия. 2019. № 58. С. 1–26. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.tverlingua.ru> (дата доступа 15.04.2020)
19. Щедровицкий Г.П. Системное движение и перспективы развития системно-структурной методологии // Избранные работы / Щедровицкий Г.П. М.: Шк.Полит.Культ., 1995. С. 57–87.
20. Chomsky N. Language and the cognitive science revolution(s). Text of lecture given at the Carleton University April 8. 2011/ N. Chomsky. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.chomsky.info/talrs/20110408.htm> (дата доступа 11.05.2020)

Сведения об авторах:

Шаховский Виктор Иванович – доктор филологических наук, заслуженный деятель науки РФ, профессор, главный научный сотрудник ФГБОУ ВО ВГСПУ (Россия, Волгоград). Сфера научных и профессиональных интересов: коммуникация эмоций, в том числе межкультурная; эмотивная лингвоэкология; переводоведение. E-mail: shakhovsky2007@yandex.ru

Волкова Полина Станиславовна – кандидат филологических наук, доктор философских наук, доктор искусствоведения, профессор 6 кафедры русского языка ФГКБОУ ВО КВВУ (Россия, Краснодар). Сфера научных интересов: язык как деятельность, филологическая герменевтика, интерпретация и реинтерпретация текстов культуры. E-mail: polina7-7@yandex.ru

LANGUAGE AS A SYSTEM: MEANING AND SENSE

V.I. Shakhovsky

Volograd State Social and Pedagogical University (VGSPU),
27, prospect imeni V.I. Lenina, Volgograd 400066, Russia

P.S. Volkova

Krasnodar Higher Military School. General of the Army S.M. Shtemenko (KVVU),
4, st. Krasin, Krasnodar 350063, Russia

Abstract: *The article examines the dual nature of language as a system: actual (individual information system) and potential (individual conceptual system). If from the standpoint of the information system the act of speaking performed by the individual is a linguistic reflex, then from the standpoint of the conceptual system, the thought-speech activity actualized by the linguistic personality appears as an experience of reflection.*

Using the example of creolized discourse, it is shown how operating with language at the level of an information system puts an individual in the position of a passive consumer of the existing meanings (given), which excludes the possibility of considering him from the position of a speech subject. The latter turns out to be achievable in the case when the conceptual system is actualized as a correlate of thought-

speech activity, the effectiveness of which is recognized at the level of meaning (created). It is substantiated that if a language as an information system can function without regard to the conceptual system, then the actualization of the language as a conceptual system is impossible without an information system, in the bosom of which it is hidden.

It is argued that, in contrast to meaning, which, being objective, is subject to arbitrary subjectivization in the process of use due to the emotive valence of a word, meaning appears as an intersubjective phenomenon. Moreover, if the actual emotives are directly related to the language as an information system, then the potentials demonstrate their belonging to the language as a conceptual system.

The article is addressed to philologists-communicologists, philosophers and culturologists who are interested in the issues of language as an activity, emotive linguistics, meaning formation.

Key Words: *dual nature of language, information and conceptual systems, meaning, meaning, emotiveness.*

References

1. Avgustin, A. O grade Bozhiem [About the city of God] / A. Avgustin. Mn.: Kharvest, Moscow: AST, 2000. 1296 s.
2. Bakhtin, M.M. Iskusstvo i otvetstvennost' [Art and responsibility] // Raboty 1920-kh godov / Bakhtin M.M. Kiyev: Next, 1994. S. 7–8.
3. Vindel'band, V. O Sokrate [About Socrates] // Liki kul'tury: Al'manakh / Vindel'band V. Moscow: Yurist, 1995. S. 121–142.
4. Volkova, P.S. Iazyk i rech' v prostranstve kul'tury: interpretatsiya reinterpretatsiya [Language and speech in the space of culture: interpretation and reinterpretation] // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. 2017. № 16 (4). S. 207–214. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2017.4.20>
5. Volkova, P.S. Chelovek i tekst: k voprosu ob izomorfizme [Man and text: on the issue of isomorphism] // Nauchny potentsial VUZa – proizvodstvu i obrazovaniyu: mat. I Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii 7–8 dekabria 2018 g. Armavir: AMKHI, 2019. S. 258–264.
6. Girenok, F.I. Po tu storonu iazyka i instinkta // Russkaia filosofia XXI veka. Maksimy [On the other side of language and instinct] / Girenok F.I. Moscow: Institut obshchegumanitarnykh issledovaniy, 2014. S. 5–78.
7. Dem'yanov, V.Z. Kognitivnaia lingvistika kak raznovidnost' interpretiruiushchego podkhoda [Cognitive linguistics as a kind of interpretive approach] // Voprosy iazykoznanii, 1994. № 4. S. 17–33.
8. Kibrik, A.E. Ocherki po obshchim i prikladnym voprosam iazykoznanii [Essays on General and Applied Questions of Linguistics] / A.E. Kibrik. Moscow: MGU, 1992. 336 s.
9. Kudriashova, T.B. Ontologiya iazykov poznaniia [Ontology of languages of knowledge] / T.B. Kudriashova. Ivanovo: OAO Izdvo «Ivanovo», 2005. 314 s.
10. Leont'yev, A.N. Iz dnevnikovykh zapisei [From diary entries] // Izbrannye psikhologicheskie proizvedeniia: V 2-kht / Leont'yev A.N. Moscow: Pedagogika, 1983. T. II. S. 239–246.
11. Makovskii, M.M. Sravnitel'ny slovar' mifologicheskoi simboliki v indoevropeyskikh iazykakh: Obraz mira i miry obrazov [Comparative Dictionary of Mythological Symbolism in Indo-European Languages: The Image of the World and the Worlds of Images] / M.M. Makovskii. Moscow: Gumanit. izd. tsentr VLADOS, 1996. 415 s.
12. Marov, V.N. Kul'turno-istoricheskii pamyatnik ili nastol'naiia kniga? [Cultural and historical monument or handbook?] // Aristotel' Ritorika. Poetika / Marov V.N. Moscow: Labirint, 2000. S. 181–189.
13. Memoriia. Arkadii Dragomoshchenko – POLIT.RU. [Memorial. Arkady Dragomoshchenko – POLIT.RU]. – polit.ru/Novosti/2016/02/03/dragomoschenko [Accessed 2020 April 4]
14. Ryl'skaia, T.P. Mifologema smerti v prostranstve vizual'noi kul'tury: Dis. kand. kul'turologii / T.P. Ryl'skaia. Krasnodar: KGUKI, 2010. 170 s.
15. Sommer, D.S. Kosmicheskaiia valiuta – naivyshee bogatstvo / D.S. Sommer. Moscow: «Kodeks», 2014. 200 s.
16. Khomskii, N. O prirode i iazyke [On nature and language] / N. Khomskii. Moscow: URSS, 2010. 288 s.
17. Shakhovskii, V.I. Lingvisticheskaiia teoriia emotsii [Linguistic theory of emotions] / V.I. Shakhovskii. Moscow: Gnozis, 2008. 416 s.
18. Shakhovskii, V.I. Smysl kak sotsio-psikholingvisticheskiy fenomen: metodologicheskii podkhod [Sense as a socio-psycholinguistic phenomenon: methodological approach] / V.I. Shakhovskii, P.S. Volkova // Mir lingvistiki i kommunikatsii: elektronnyi nauchnyi zhurnal: Tverskaia gosudarstvennaia sel'skokhoziaystvennaia akademiia. 2019. № 58. S. 1–26. – www.tverlingua.ru [Accessed 2020 April 15]
19. Shchedrovitskii, G.P. Sistemnoe dvizhenie i perspektivy razvitiia sistemno-strukturnoi metodologii [System movement and prospects for the development of a system-structural methodology] // Izbrannye raboty / Shchedrovitskii G.P. Moscow: Shk. Polit.Kul't., 1995. S. 57–87.
20. Chomsky, N. Language and the cognitive science revolution(s). Text of lecture given at the Carleton University April 8. 2011 / N. Chomsky. – www.chomsky.info/talrs/20110408.htm [Accessed 2020 May 15]

About the authors:

Shakhovsky Viktor I. – Doctor of Philology, Honored Scientist of the Russian Federation, Professor, Chief Researcher of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education VGSPU (Russia, Volgograd). Sphere of scientific and professional interests: communication of emotions, including intercultural; emotive linguoecology; translation studies. E-mail: shakhovsky2007@yandex.ru

Volkova Polina St. – Candidate of philological sciences, Doctor of philosophical sciences, Doctor of art history, professor of the 6th department of the Russian language of the Federal State Educational Institution of Higher Education of the Higher Military School of Higher Education (Russia, Krasnodar). Research interests: language as an activity, philological hermeneutics, interpretation and reinterpretation of cultural texts. E-mail: polina7-7@yandex.ru

* * *

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ В ОБЪЕКТИВЕ ФРАЗЕОЛОГИИ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ МЕДИАТЕКСТОВ)

Т. П. Филичкина

Академия Федеральной службы охраны Российской Федерации,
302034, г. Орёл, ул. Приборостроительная, 35.

Статья посвящена вопросу использования фразеологических единиц для представления образа России в англоязычном медийном дискурсе. Определить значение фразеологизма можно с помощью метода дискурсивного анализа. Дискурс-анализ медиатекста учитывает экстралингвистические, лингвистические и когнитивные факторы. Экстралингвистические факторы – это международная обстановка и положение внутри страны, идеология общества, политическая ориентация издания. Лингвистический анализ включает исследование семантики фразеологизма и его коннотативного (оценочного) потенциала. Когнитивный анализ представляет коммуникативную стратегию автора, его намерение создать положительное или отрицательное мнение о происходящих событиях. Коннотативное значение семантики идиомы может быть определено с использованием лингво-когнитивного анализа с учётом экстралингвистических факторов. Семантика фразеологизмов включает субъективные модальности (аксиологическую, эмотивную, деонтическую), которые представляют различные виды оценки событий реального мира. Модальность устанавливается с помощью когнитивно-модальных операторов, определяющих различные оценки в семантике идиом: рациональную, эмоциональную, деонтическую (соответствие нормам). В нашем исследовании проведён лингво-когнитивный анализ семантической структуры фразеологических единиц с позиций дискурсивного подхода, который позволяет выявить коннотативный потенциал фразеологизмов, используемых для создания образа России в современных англоязычных СМИ различной идеологической направленности.

Ключевые слова: фразеологизм, медиатекст, семантика, модальность, дискурсивный анализ, лингво-когнитивный анализ, коннотативное значение.

Введение

Современный человек существует в мире информации. Средства массовой информации определяют наши взгляды, влияют на наше поведение в обществе и наш образ мысли. Медийное пространство сейчас является ареной экономической и политической борьбы, местом, где сталкиваются идеи и концепции, идёт информационное противоборство. «СМИ выступают и как инструмент власти, и как орудие осуществления информационного диктата, и как способ когнитивной обработки социума и

индивида с целью формирования особой картины мира» [2, с. 15].

Информация в медиатекстах представлена в виде презентаций «отражение», «реконструкция», «миф» [7, с. 260]. «Отражение» – это наиболее объективное предъявление реальности, в котором нет оценок и комментариев. В «реконструкции» события интерпретируются и оцениваются с учётом идеологической направленности издания и взглядов автора. В презентации «миф» образы событий и их участников не соответствуют реальной действительности. Задача «мифа» – эмоционально воздействовать

на читателя для достижения определённых политических целей.

С помощью языковых средств на страницах СМИ интерпретируется и оценивается реальная действительность, формируется общественное мнение. Фразеологическим единицам отводится особое место в медийном дискурсе. В семантической структуре фразеологизмов содержатся различные виды оценок, создающих у читателя определённое восприятие событий, персоналий и стран в целом.

Исследование медийного текста предполагает учёт экстралингвистических факторов, к которым следует отнести фоновые знания о текущих и предшествующих событиях, экономическую и политическую обстановку в стране и мире, информацию о культуре и идеологии общества и государства, взгляды редакции и автора медиатекста.

Медиадискурс как новую лингвистическую реалию можно исследовать с разных точек зрения. В статье предлагается определить оценочные компоненты в семантической структуре фразеологических единиц, которые характеризуют действия России и создают образ страны в англоязычных средствах массовой информации.

Целью статьи является исследование коннотативного потенциала фразеологических единиц, используемых для описания современной России в англоязычных медийных текстах.

В соответствии с поставленной целью в статье решаются следующие задачи:

- изложить основные положения метода дискурсивного анализа для исследования семантики фразеологизмов;
- представить алгоритм лингво-когнитивного анализа семантики фразеологических единиц для определения коннотативного потенциала с позиций субъективных модальностей;
- продемонстрировать оценочность фразеологизмов, создающих образ современной России в медийном дискурсе.

Материалом для исследования послужили тексты современных англоязычных СМИ различной идеологической направленности, в которых были выбраны фразеологические единицы и прецедентные высказывания, относящиеся к широкому кругу фразеологии.

Описание методики исследования

Основными функциями медийных текстов являются информирование и воздействие на

слушателя или читателя. Поэтому на страницах СМИ применяются все средства языка, обладающие экспрессивностью и оценочностью. Фразеологические единицы широко используются в англоязычном медийном дискурсе, поскольку в большинстве своём они являются оценочно и эмоционально маркированными.

Оценка непосредственно связана с модальностью. Область лингвистической модальности представлена объективной и субъективной модальностью. Объективная модальность отражает отношение высказывания к действительности, а субъективная модальность – это отношение к содержанию высказывания, то есть оценка сообщаемого. Ассоциативность образа фразеологизма, как правило, является основой субъективных оценок.

Для анализа коннотативного, или оценочного, потенциала фразеологических единиц интерес представляет сфера субъективной модальности, к которой относится аксиологическая, эмотивная и деонтическая модальность. Определение коннотативного значения фразеологической единицы следует провести, используя лингво-когнитивный анализ семантики идиомы, который включает анализ субъективных модальностей.

Аксиологическая модальность представляет рациональную оценку события реального мира, которая устанавливается с помощью когнитивно-модальных операторов «хорошо», «нейтрально», «плохо» [6].

Эмоциональная оценка действительности или персонажа связана с эмотивной модальностью. По мнению В. Н. Телия [5, с. 232], эмотивная коннотация, или эмотивность, является результатом интерпретации образа, лежащего в основе значения. Образность идиом включает в себя ассоциации и установки, связанные с культурой сообщества. Соответствие этим установкам вызывает одобрение, восхищение, а несоответствие представляется в виде неодобрения, пренебрежения, порицания. Эмоциональная оценка обращена к чувствам читателя и представлена в виде переживаний (когнитивно-модальные операторы «испытай осуждение, неодобрение, порицание, одобрение, восхищение, отсутствие эмоций»).

Деонтическая модальность связана с социальным поведением людей и также является оценкой, которая предписывает, что «разрешено», что «должно» и что «запрещено». Деонтические нормы включают моральные, правовые,

этические нормы, необходимые для функционирования общества [6, с. 112]. В.И. Карасик считает, что «нормы поведения обобщают и регулируют множество конкретных ситуаций общения и поэтому относятся к особо важным знаниям» [1, с. 25]. Эти знания закрепляются в семантике лексических и фразеологических единиц.

Следует отметить, что положительные и отрицательные полюсы различных модальностей чаще всего совпадают. То, что «хорошо», вызывает положительные эмоции (одобрение, восхищение) и соответствует принятым нормам. Отрицательные действия не соответствуют нормам и осуждаются в социуме [6].

Модальность фразеологизмов устанавливается в ходе применения метода дискурсивного анализа медиатекста, который учитывает экстралингвистические, лингвистические и когнитивные факторы при анализе семантики фразеологических единиц.

Экстралингвистические факторы включают политическую ситуацию и происходящие события в стране, идеологию государства и издания. Эти факторы оказывают влияние на коннотативное значение фразеологизма в медиатексте, которое может не совпадать со словарным значением.

Лингвистический анализ предполагает исследование семантики фразеологических единиц и их коннотативного потенциала в медийном тексте. Когнитивный анализ непосредственно связан с лингвистическим анализом и определяет коммуникативную стратегию автора текста, направленную на создание позитивного или негативного отношения к описываемым событиям.

Для проведения нашего исследования были выбраны несколько примеров использования фразеологизмов в англоязычной прессе, представляющих различные типы презентаций событий: «отражение», «реконструкцию», «миф». Как правило, на страницах англоязычной прессы встречаются презентации «реконструкция» и «миф», то есть интерпретированное или даже искажённое описание России.

В англоязычных СМИ широко освещается конфликт в Сирии. В информационно-аналитических статьях часто используются фразеологические единицы для характеристики действий России в арабской стране. В статье новостного сайта NBCNews.com *Abu Bakr al-Baghdadi's death doesn't erase Trump's foreign policy failures (or Russia's wins)* [9] Россия представлена как основной участник событий.

But with the U.S. mostly out of the picture in Syria, Russia becomes the main power broker. Putin is the man to see, and the one whose favor Turkey, Iran, Assad and the Kurds will all seek.

A power broker – влиятельная фигура, влиятельная сила (человек, группа, государство, способные оказывать воздействие на ситуацию в бизнесе, политике) [3].

Россия вернулась на Ближний Восток в качестве ведущего игрока, оказывает военную поддержку законно избранному президенту Сирии и сирийской армии. С мнением России считаются страны Ближнего Востока: Иран, Турция, Сирия, Саудовская Аравия. Поддержка воздушно-космических сил России позволила Сирии сохранить свою независимость, способствовала почти полному разгрому террористических группировок на территории страны. После решения американского президента о выводе своего военного контингента из Сирии, российские войска стали основной иностранной силой, ведущей борьбу с террористами вместе с сирийской армией.

Фразеологизм *a power broker* характеризует роль нашей страны в сирийском конфликте. В семантике данной ФЕ содержится положительная рациональная оценка позиции России, одобрение её действий. Помощь дружественной стране соответствует нормам международного права. Субъективные модальности в данном фразеологизме находятся на положительном полюсе.

Образно характеризуется влияние России на Ближнем Востоке в статье информационного агентства Euronews *Russia-brokered deal in Syria: Why Putin holds the key to the conflict* [12].

«Putin emerges as the one who calls the shots in Syria,» Heiko Wimmen, Project Director for Syria at the International Crisis Group, told Euronews.

«It's become clear that Russia is central to the military equation, simply because of the amount of commitment that they decided to undertake – of money, material and men. They've put a lot in this basket.»

To hold the key – держать под контролем; иметь полную власть [4].

To call the shots – командовать, распоряжаться, заправлять, верховодить, принимать решения, играть первую скрипку, править бал [4].

To put a lot in the basket – это трансформированный фразеологизм, образованный для данного контекста из ФЕ *to put all one's eggs in one basket*, то есть «рисковать всем, поставить всё на карту» [3].

Лингво-когнитивный анализ семантики фразеологизмов *to hold the key* и *to call the shots* позволяет определить оценочные компоненты в семантической структуре ФЕ. С точки зрения аксиологической модальности способность контролировать ситуацию и принимать решения в сложной обстановке оценивается положительно (рациональная оценка «хорошо»), вызывает одобрение (эмоциональная оценка) и соответствует нормам.

Интерпретация семантики фразеологизма *to put a lot in the basket* показывает негативное отношение к действиям России в сирийском конфликте. Рациональная оценка находится на отрицательном полюсе, поскольку «плохо» много ставить на карту, рисковать. Риск оправдан в определённой ситуации, но слишком многим рисковать неразумно, это осуждается (эмотивная модальность) и не отвечает нормам общества (деонтическая модальность).

В статье приводятся слова Хайко Виммена, специалиста по Ближнему Востоку Института международных отношений и безопасности в Берлине, который считает, что Россия «заправляет», «правит бал» в Сирии, отдаёт приказы, принимает стратегические решения. Наша страна взяла на себя большие обязательства по оказанию финансовой, материальной и военной помощи. Россия многим рискует в этом конфликте, «много поставила на карту»: свои ресурсы и свою политическую репутацию как мировой державы.

Безусловно, многим западным странам не нравятся успехи России на Ближнем Востоке, но, тем не менее, они не могут не признать рост влияния нашей страны в современной глобальной политике. Автор в статье хочет создать мнение, что, несмотря на успехи России в Сирии, ей не стоило так рисковать, нести большие расходы, поскольку результат ещё не гарантирован.

Много внимания на страницах СМИ уделяется отношениям России и Запада. Британская газета *The Guardian* широко использует фразеологические единицы в своих текстах. В редакционной статье *The Guardian view on Russia: neither a partner nor an enemy* [14] используется ряд фразеологизмов для характеристики России и её взаимодействия с западным миром.

If Vladimir Putin's narrative is to make Russia great again, there is by now little doubt he will resort to a wide spectrum of actions, both hard and soft power, to attain that goal.

Today the west and Russia find themselves talking past each other on almost all issues.

NATO's new deployments in the Baltic region and Poland are a reaction to, and not the cause of, Russia's military adventurism in its neighbourhood. The best way to discourage more Russian revisionism is to make clear that red lines will be defended.

Трансформированное прецедентное высказывание *to make Russia great again* (сделать Россию снова великой) восходит к лозунгу «*Make America Great Again!*» («Сделаем Америку снова великой!», «Вернём Америке былое величие!»), который использовал Дональд Трамп в своей президентской кампании 2016 года [4].

Выражение *Make America Great Again!* имеет положительную коннотацию, то есть «хорошо» стремиться к величию своей страны (аксиологическая модальность), это одобряется в обществе (эмотивная модальность) и соответствует нормам любого социума (деонтическая модальность). Но в данном контексте во фразеологизме *to make Russia great again* отрицательно оценивается стремление России защищать свои границы и свои интересы, не одобряется желание восстановить статус великой державы. Запад старается всеми силами не допустить возрождения нашей страны: санкциями, информационной войной и различными провокациями.

To talk past each other – говорить на разных языках; не слышать друг друга; говорить о разных вещах; говорить, не слыша друг друга [4].

В этом фразеологизме субъективные модальности находятся на отрицательном полюсе. «Плохо» не находить общего языка в общении между странами (рациональная оценка), осуждается отсутствие понимания в политической области (эмоциональная оценка), необходимо устанавливать сотрудничество (деонтические нормы).

Red lines – границы дозволенного; границы допустимого; опасная черта; черта, которую нельзя переходить [4].

В данном контексте идиома «красная линия» содержит отрицательную коннотацию, поскольку переходить границы допустимых действий не следует, это осуждается и отрицательно оценивается. Следует отметить, что в настоящее время вектор британской политики направлен на создание отрицательного образа России в обществе, обвиняя её в «агрессивных» намерениях и несуществующих «преступлениях».

Идея статьи заключается в том, что президент Владимир Путин стремится воплотить в жизнь идею о величии России, используя для этого все возможные средства. Западные страны, по

словам газеты, вынуждены отвечать на предполагаемые российские «угрозы» и обещают предпринять действия, если наша страна «перейдёт границы дозволенного».

Лингво-когнитивный анализ ФЕ показал, что в этой статье Россия представлена как «амбициозная» страна, имеющая «агрессивные» планы, и с которой трудно вести диалог. Используя фразеологизмы, автор стремится создать отрицательный образ страны у читателя, оправдать действия Запада, стремящегося изолировать Россию. Но имплицитно в статье содержится положительная оценка решительности России в международной политике, информация о необходимости налаживать контакты.

В статье информационного агентства Euronews *Moscow pressuring us to merge with Russia, claims Belarus president* [10] представлены отношения России и Белоруссии. При интерпретации оценочных компонентов семантики фразеологических единиц медиатекста необходимо принять во внимание, что оценка агентства Euronews содержит идеологическую направленность, в статье ощущается антироссийский подтекст.

But fast forward more than 20 years and the landscape has changed. The integration may still use the language of «common» policies and a «shared» currency, but Vladimir Putin's Russia is a very different animal to Yeltsin's.

Фразеологическая единица *a different animal* означает «другая история; другое дело; другой человек; нечто совсем другое» [4].

В конце прошлого века Россия и Беларусь подписали соглашение о создании союзного государства, которое предполагало экономическую и политическую интеграцию двух стран, но так и не было реализовано. Белоруссия получала экономические преференции: льготные кредиты и дешёвые энергоресурсы. В тот период Россия не настаивала на углублении интеграции. Но сейчас наша страна стала другой (*a different animal*), она стала проводить прагматичную международную политику, отстаивать национальные интересы и отказывается безвозмездно субсидировать белорусскую экономику.

Эта идиома в данном контексте несёт положительную рациональную и эмотивную оценку. Россия изменилась, стала сильнее. Аксиологическая и эмотивная модальности находятся на положительном полюсе. Поступательное развитие страны соответствует нормам, принятым в любом обществе.

Президент Беларуси не стремится создавать союзное государство, не готов проводить экономические и политические реформы, которые угрожают стабильности его режима. Несмотря на это, Россия заинтересована в стабильности соседнего государства, хотя некоторые западные политологи не согласны, что Россия является хозяином положения (*holds the cards*) в отношениях с Минском.

But not everyone agrees that Putin's Russia holds the cards when it comes to relations with its neighbour... «Russia needs Belarus in many more ways ... especially in times of international sanctions. Russia values a stable Belarus more than anything, especially now.»

Словарь Мультитран определяет фразеологизм *to hold the cards* как «являться хозяином положения, иметь все преимущества, находиться в выигрышном положении, иметь все карты в руках» [4].

Однако последние события показывают, что Россия находится в более выигрышном положении, поскольку отсутствие реформ в Белоруссии препятствует её сближению с Западом, а экономика очень сильно зависит от России.

Лингво-когнитивный анализ семантики данного фразеологизма показывает, что, несомненно, для страны «хорошо» являться хозяином положения (рациональная оценка), это вызывает чувство «одобрения» (эмоциональная оценка) и считается нормой для России как великой державы, даже если такая ситуация не нравится некоторым представителям западных стран.

Безусловно, в России, как и в любой другой стране, есть проблемы, которые требуют решения. По мнению международной деловой газеты *Financial Times*, специализирующейся на публикации и анализе новостей из мира финансов и бизнеса, серьёзной проблемой нашей страны является зависимость от энергоресурсов. Санкции, введённые Соединёнными Штатами и странами Евросоюза, запрещают предоставление кредитов и продажу технологий России. Это препятствует развитию энергетического сектора и экономики России в целом.

В статье *Russia makes its oil reserves work harder as output declines* [11] характеризуется налоговая система России, бюджет которой сильно зависит от налоговых поступлений из нефтяного сектора экономики. Высокие налоги на добычу энергоресурсов составляют существенную часть налоговой базы.

Taxes remain the elephant in the room in Russia, which has some of the heaviest and most complex oil tax burdens in the world.

Идиома *the elephant in the room* означает «острая, тщательно избегаемая проблема; проблема, о которой все знают, но предпочитают игнорировать; головная боль» [4].

В результате лингво-когнитивного анализа семантики этого фразеологизма, следует отметить, что оценки находятся на отрицательном полюсе. «Плохо», когда бюджет государства во многом зависит от доходов нефтяных компаний (аксиологическая модальность). Сложная и обременительная налоговая система вызывает осуждение (эмотивная модальность). Это проблема, которую нужно решать, а не скрывать. Такая зависимость мешает поступательному развитию страны и не соответствует нормам и законам экономики (деонтическая модальность).

В статье RT, российского международного информационного канала, *'It takes two to tango': Kremlin on strained US-Russia relations* [8] излагается точка зрения руководства нашей страны на отношения России и США.

Russian President Vladimir Putin has continuously expressed Moscow's readiness to build mutually beneficial relations with the West, based on trust and respect ... However, this approach hasn't been met with similar eagerness from the US ... «Washington's position towards our country can cause nothing but regret ... It takes two to tango.»

Значение этой идиомы состоит в том, что «для исполнения танго нужны два партнёра; без взаимности ничего не получится; желание должно быть обоюдным; необходимо согласие обеих сторон; ответственность несут оба» [4].

В данном контексте во фразеологизме *It takes two to tango* субъективные модальности представлены оценками, находящимися на отрицательном полюсе. В международной политике нельзя в одиночку осуществлять взаимодействие, необходимо учитывать интересы партнёров. Россия готова выстраивать отношения с Соединёнными Штатами на взаимовыгодной основе, но для сотрудничества требуются шаги навстречу, нужна взаимность, которой нет в реальности.

Несмотря на стремление изолировать Россию, у нас много союзников и партнёров. Страна занимает активную позицию в ООН, поддерживает отношения со многими странами мира и открыта для диалога с западным миром.

В статье агентства Euronews *Russia-China relations* [13] характеризуются отношения России и Китая как единомышленников по многим международным проблемам.

Russia and China have shown they're perfectly on the same wavelength on the international scene. They have twice blocked UN Security Council resolutions which would have condemned Damascus and called for the removal of the Syrian leader.

To be on the same wavelength – быть на одной волне, понимать друг друга, одинаково смотреть на вещи, найти общий язык [4].

В семантике этого фразеологизма присутствует положительная рациональная и эмоциональная оценка. Взаимопонимание в отношениях между странами соответствует нормам международного права. По многим вопросам в международной политике Россия и Китай выступают единым фронтом, что не всегда одобряется западными странами.

Заключение

В статье представлено описание применения метода дискурсивного анализа для исследования когнитивного потенциала фразеологизмов, используемых для характеристики России на страницах англоязычной прессы различной идеологической направленности.

Образность фразеологических единиц создаёт определённое восприятие нашей страны в сознании читателей. В рамках дискурсивного подхода проведён лингво-когнитивный анализ семантики ряда фразеологических единиц, оценивающих роль России в международной политике с использованием когнитивно-модальных операторов модальной логики. В результате этого анализа сделаны выводы о стремлении англоязычных СМИ создать определённый образ России в современном медийном пространстве. Проведённое исследование позволяет утверждать, что большинство фразеологизмов, характеризующих Россию, содержат положительные оценки в своей семантической структуре, несмотря на то, что исследуемые медиатексты представляют собой не объективное «отражение» действительности, а «реконструкцию» или «миф».

В исследуемых материалах Россия представлена страной, влияние которой на международные события постоянно усиливается. Многие международные конфликты нельзя решить без участия России. Наша страна стала проводить

эффективную и прагматичную внешнюю политику, отстаивать свои интересы на международной арене. Западные страны вводят санкции, пытаются изолировать Россию и дискредитировать её действия в международном информационном пространстве. В нашей стране ещё недостаточно развиты все секторы экономики, бюджет зависит от энергоресурсов. Но у России есть надёжные союзники, она открыта для диалога и с её позицией приходится считаться в глобальной политике. Заканчивается эпоха однополярного мира, падает политическое влияние Запада, на сцену выходят другие игроки, в числе которых Россия.

Полученные результаты представляют интерес для определения роли нашей страны в совре-

менном мире, отношения к России, а также для оценки объективности характеристик различными информационными изданиями. Многие авторы пытаются создать отрицательный образ России в медийном пространстве. Но критика со стороны оппонентов часто означает, что страна движется в правильном направлении.

Применение метода дискурсивного анализа представляется перспективным при выявлении коннотативного потенциала фразеологических единиц для определения тональности медийных текстов, для образной характеристики и оценки событий, стран и персоналий в материалах СМИ.

Список литературы

1. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Москва: Гнозис, 2004. 390 с.
2. Кузьмина Н.А. Современный медиатекст. Учебное пособие. М.: 2014. 416с.
3. Словарь АБВУ Lingvo x5. Электронный словарь
4. Словарь Мультитран. Электронный словарь. URL: <https://yandex.ru/search/?text=multitrans.ru&lr=10> (дата доступа 4.02.2019).
5. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996. 284с.
6. Филичкина Т.П. Деонтические нормы в семантике фразеологических единиц русского и английского языков (на материале глагольных фразеологизмов, содержащих наименования головных уборов). Диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.19. Орёл. 2006. 222 с.
7. Филичкина Т.П. Идеологическая модальность фразеологизмов в англоязычном политическом дискурсе. Вестник Брянского государственного университета. №2 (32) 2017: исторические науки и археология/ литературоведение/ языкознание/ педагогические науки. Брянск: РИО БГУ, 2017. С. 260-264.
8. 'It takes two to tango': Kremlin on strained US-Russia relations. URL: <https://www.rt.com/news/414566-us-russia-major-disappointment/> (дата доступа 4.02.2020)
9. Abu Bakr al-Baghdadi's death doesn't erase Trump's foreign policy failures (or Russia's wins). URL: <https://www.nbcnews.com/think/opinion/abu-bakr-al-baghdadi-s-death-doesn-t-erase-trump-ncna1071536> (дата доступа 1.11.2019)
10. Moscow pressuring us to merge with Russia, claims Belarus president. URL: <https://www.euronews.com/2020/01/25/moscow-pressuring-us-to-merge-with-russia-claims-belarus-president> (дата доступа 3.02.2020)
11. Russia makes its oil reserves work harder as output declines. URL: <https://www.ft.com/content/6225ff10-ee9d-11e9-a55a-30afa498db1b> (дата доступа 3.02.2020)
12. Russia-brokered deal in Syria: Why Putin holds the key to the conflict. URL: <https://www.euronews.com/2019/10/23/russia-brokered-deal-in-syria-why-putin-holds-the-key-to-the-conflict> (дата доступа 8.02.2020)
13. Russia-China relations. URL: <https://www.euronews.com/2012/06/05/russia-china-relations> (дата доступа 3.02.2020)
14. The Guardian view on Russia: neither a partner nor an enemy. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2016/nov/01/the-guardian-view-on-russia-neither-a-partner-nor-an-enemy> (дата доступа 21.01.2020)

Сведения об авторе:

Филичкина Татьяна Петровна – кандидат филологических наук, сотрудник Академии ФСО России (г. Орёл). Сфера научных интересов: фразеология, медийный дискурс, межкультурная коммуникация. E-Mail: filitchkina_orel@mail.ru

MODERN RUSSIA IN FOCUS OF PHRASEOLOGY (BASED ON THE MATERIAL OF ENGLISH LANGUAGE MEDIATEXTS)

T.P. Filichkina

Academy of the Federal Guard Service of the Russian Federation,
35, Priborostroitel'naya St, 302024, Russia

Abstract: *The article focuses on the usage of idioms for characterizing the image of Russia in the English language media discourse. To understand the meaning of the phraseological unit one should apply the method of discourse analysis. The discourse analysis of the mediatext takes into account extra-linguistic, linguistic and cognitive factors. Extra-linguistic factors include political situation, current events, and ideology of a state and media outlet. Linguistic analysis provides for the investigation of the semantics of the idiom and its connotative potential. Cognitive analysis shows the intentions of the author to create either positive or negative opinion of events described. Connotative meaning is determined by means of linguo-cognitive analysis considering extra-linguistic factors. The semantics of the idiom contains subjective modalities (axiological, emotive and deontic) representing different assessments of the reality. Modality can be identified with cognitive-modal operators specifying different types of evaluation: rational, emotional, normative. The analysis of the semantic structure of phraseological units is conducted in our research. It is aimed at characterizing the role of Russia in the global world by means of idioms. The discourse approach enables to determine the connotative potential of phraseological units and to describe the image of our country in the English language mass media.*

Key Words: *idiom, mediatext, semantics, modality, discourse, linguo-cognitive analysis, connotative meaning.*

References

1. Karasik V.I. Iazykovoi krug: lichnost', kontsepty, diskurs [Language circle: personality, concepts, discourse]. Moskva: Gnozis, 2004, 390 s.
2. Kuz'mina N.A. Sovremennyy mediatekst. Uchebnoe posobie [Modern mediatext]. M.: 2014. 416 s.
3. Slovar' ABBYY Lingvo x5. Elektronnyi slovar' [ABBYY Lingvo x5. Electronic Dictionary].
4. Slovar' Mu'titran. Elektronny resurs [Multitran dictionary. Electronic Resource]. URL: <https://yandex.ru/search/?text=multitran.ru&lr=10> (accessed 10 February 2020).
5. Teliia V.N. Russkaia frazeologiya. Semanticheskii, pragmaticheskii i lingvokul'turologicheskii aspekty [Russian Phraseology. Semantic, pragmatic, linguistic and cultural aspects]. Moscow, Iazyki russkoi kul'tury, 1996, 284 s.
6. Filichkina T.P. Deonticheskie normy v semantike frazeologicheskikh edinit russkogo i angliiskogo iazykov (na materiale glagol'nykh frazeologizmov, sodержashchih naimenovaniia golovnykh uborov). Dissertatsiaa ...kandidata filologicheskikh nauk: 10.02.19 [Deontic norms in the semantics of Russian and English phraseological units (based on the material of verbal idioms with names of headgears)]. Orel. 2006, 222 s.
7. Filichkina T.P. Ideologicheskaya modal'nost' frazeologizmov v angloiazychnom politicheskom diskurse [Ideological modality of idioms in the English language political discourse]. Vestnik Brianskogo gosudarstvennogo universiteta. №2 (32) 2017: istoricheskie nauki i arheologiya/ literaturovedenie/ iazykoznanie/ pedagogicheskie nauki. Briansk: RIO BGU, 2017. S. 260-264.
8. 'It takes two to tango': Kremlin on strained US-Russia relations, www.rt.com/news/414566-us-russia-major-disappointment/ (accessed 4 February 2020)
9. Abu Bakr al-Baghdadi's death doesn't erase Trump's foreign policy failures (or Russia's wins), www.nbcnews.com/think/opinion/abu-bakr-al-baghdadi-s-death-doesn-t-erase-trump-ncna1071536 (accessed 1 November 2019)
10. Moscow pressuring us to merge with Russia, claims Belarus president, www.euronews.com/2020/01/25/moscow-pressuring-us-to-merge-with-russia-claims-belarus-president (accessed 3 February 2020)
11. Russia makes its oil reserves work harder as output declines, www.ft.com/content/6225ff10-ee9d-11e9-a55a-30afa498db1b (accessed 3 February 2020)
12. Russia-brokered deal in Syria: Why Putin holds the key to the conflict, www.euronews.com/2019/10/23/russia-brokered-deal-in-syria-why-putin-holds-the-key-to-the-conflict (accessed 8 February 2020)
13. Russia-China relations, www.euronews.com/2012/06/05/russia-china-relations (accessed 3 February 2020)

14. The Guardian view on Russia: neither a partner nor an enemy, www.theguardian.com/commentisfree/2016/nov/01/the-guardian-view-on-russia-neither-a-partner-nor-an-enemy (accessed 21 January 2020)

About the author:

Filichkina Tanyana Petrovna holds a degree of Candidate of Philology (PhD) and works as a staffer at FSO Academy (Orel, Russia). Spheres of research and professional interest: phraseology, media discourse, cross-cultural communication. E-Mail: filitchkina_orel@mail.ru

* * *

ГЕНДЕРНАЯ ПОЛИТКОРРЕКТНОСТЬ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПУБЛИЧНЫХ ВЫСТУПЛЕНИЙ ПОЛИТИЧЕСКИХ ДЕЯТЕЛЕЙ)

М.А. Чигашева

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

Проблематика гендерного равноправия исследуется в настоящее время на материале разных языков и с различных позиций, наиболее интенсивно с точки зрения языковой политики. В этом случае речь идёт о выборе в устной или письменной речи языковых средств, позволяющих однозначно отражать упоминание пола (gender) и социальную роль названного лица. Словообразовательные возможности немецкого языка, в частности суффиксация и субстантивация, представляют собой значительный потенциал для создания гендерно-корректных лексических единиц. Основная задача исследования заключалась в выявлении лексических способов выражения политкорректности в речи представителей различных политических партий ФРГ (ХДС, ХСС, СДПГ, СвДП, «Зелёные», «Левые», Альтернатива для Германии) в тесной взаимосвязи с внеязыковыми факторами. В процессе исследования использовались метод сплошной выборки, семантический, контекстуальный, статистический анализ, позволившие выделить единицы, обладающие гендерной маркированностью. На основании семантических признаков выявленные лексемы были классифицированы на четыре группы: феминитивы, гендерно-нейтральные, гендерно-асимметричные и гендерно-симметричные единицы. Проведённый анализ свидетельствует об изменениях немецкого языка в сторону гендерного равноправия. Основной тенденцией этого процесса является феминизация, признаки которой обнаруживаются прежде всего в языке женщин-политиков, что отражает также национально-культурную специфику современного немецкого языка.

Ключевые слова: немецкий язык, гендер, гендерная маркированность, политический дискурс, феминитивы, национально-культурная специфика.

1. Введение

Язык является неотъемлемой характеристикой человеческого общества. Он выступает не только как средство коммуникации, но и как часть культуры, тесно связанная с историей развития общества. В то же время язык представляет собой уникальный социальный продукт, в котором отражена вся совокупность представлений того или иного социума об окружающем мире. И именно в языке фиксируются все изменения, вызванные происходящими в обществе трансформациями. По этой при-

чине исследования языка как лингвистического феномена всегда остаются актуальны.

В последние три десятилетия в центре внимания оказалась социолингвистическая проблематика в тесной взаимосвязи с политическим аспектом. Речь идёт об отражении в языке равноправия мужчин и женщин, о так называемой гендерной языковой политике. Обозначение «гендер» (gender), заимствованное из английского языка и получившее в европейских языках широкое распространение как научный термин во второй половине прошлого века, относится, прежде всего, к социальной сфере жизни обще-

ства и отражается в распределении социальных ролей и качеств, традиционно приписываемых мужчинам или женщинам. С лингвистической точки зрения речь идёт о выборе и употреблении языковых средств, не ущемляющих права тех или иных лиц. Такой подход получил обозначение «политическая корректность» и активно исследуется на материале различных языков и направлений [см., например 1; 2; 4]. Существует также мнение, что политическая корректность напрямую связана с вопросами морали, имеет чёткое моральное обоснование [9, с. 21-30].

2. Гендер и подходы к его изучению

Понятие «гендер» можно рассматривать с разных позиций: с точки зрения биологии (предполагает разделение живых существ по биологическим признакам на мужской и женский пол), социологии (изучает распределение социальных ролей индивидуумов в обществе или в отдельной группе) и лингвистики (анализирует отражение в языке и биологических, и социальных признаков на грамматическом и семантическом уровнях). Языковые признаки гендерной политкорректности обнаруживаются прежде всего в ономастическом пространстве и связаны с назывной функцией. Так, в немецком языке одной из важнейших характеристик существительного является категория грамматического рода: *m = Maskulinum* (м.р.), *f = Femininum* (ж.р.) и *n = Neutrum* (ср.р.). Наличие артикля (*der, die, das*) указывает на соответствующий грамматический род существительного и позволяет классифицировать его по формальным признакам. При этом во множественном числе эти различия оказываются несущественными, все существительные имеют в этом случае единый артикль мн.ч. *die*. По утверждению немецких лингвистов, отнесение существительного к тому или иному роду является произвольным и представляет собой исключительно внутриязыковое явление, не связанное с содержательным компонентом [5, с. 17].

На уровне семантики речь идёт не о формальной принадлежности к тому или иному классу, а о смысловой составляющей. В случае с обозначением лиц значение имеют признаки «женский» (феминность) или «мужской» (маскулинность). В немецком языке семантический компонент часто совпадает с грамматической характеристикой и биологическим полом: *der Mann, der Onkel* (семантический признак и биологический пол «мужской», грамматическая

категория м.р.), *die Frau, die Schwester* (семантический признак и биологический пол «женский», грамматическая категория ж.р.). В то же время есть и исключения: *das Mädchen* (семантический признак и биологический пол «женский» грамматически выражены при помощи ср.р.), *das Männchen* (семантический признак и биологический пол «мужской» выражаются грамматически при помощи ср.р.). Кроме того, в словарном составе немецкого языка обнаруживаются гендерно-нейтральные лексические единицы. Обладая грамматической категорией рода, они могут обозначать лица как женского, так и мужского пола: *die Person, der Mensch, der Fan, das Mitglied, das Kind*. Такие единицы содержат меньше дифференцирующих признаков, не предоставляют уточняющей информации и могут рассматриваться как гиперонимы по отношению к единицам с явно выраженной дифференцирующей семой.

По нашему мнению, в любом языке можно выделить гендерно-нейтральные и гендерно-маркированные лексические единицы. К первой группе относятся слова с обобщающим значением, ко второй – единицы, содержащие в своей семантической структуре компонент феминности или маскулинности. Стоит отметить, что наглядным примером такой классификации могут быть термины родства – слова индогерманского происхождения, относящиеся к самому древнему слою лексики европейских языков. В них, с нашей точки зрения, на семантическом и грамматическом уровнях были заложены гендерные различия. Проиллюстрируем данное утверждение примерами из немецкого языка. К гендерно-нейтральным единицам с обобщающим значением можно отнести следующие термины: *die Eltern, die Großeltern, die Geschwister, das Kind, das Enkelkind*. Гендерно-маркированными единицами с уточняющим значением являются: *die Mitter, die Oma, die Tochter, die Schwester* (семантический признак «женский» совпадает с биологическим полом и выражается грамматической категорией ж.р.); *der Vater, der Opa, der Sohn, der Bruder* (семантический признак «мужской» совпадает с биологическим полом и выражается грамматической категорией м.р.).

3. Способы гендерной маркированности в немецком языке

С точки зрения лингвистики основным приёмом языковой реализации гендера явля-

ется гендерная маркированность. По мнению А.В. Кириллиной, она подразумевает наличие признаков, «позволяющих идентифицировать языковую единицу как относящуюся к тому или иному полу» [3, с. 226]. Эти признаки могут явно (эксплицитно) или неявно (имплицитно) указывать на наличие у языковой единицы гендерной семантики (маскулинности или феминности). Словообразовательные возможности немецкого языка позволяют без ущерба для языковой системы отражать гендерную маркированность. Речь идёт, прежде всего, о грамматических маркерах, выражаемых двумя основными способами: суффиксацией и субстантивацией. Поскольку гендерные отношения связаны с социальной сферой, где мужчины и женщины выполняют определённые функции, то логичнее всего обнаружить такие наименования в профессиональной сфере деятельности. Исторически, и даже очень долгое время, в этой сфере были задействованы исключительно мужчины. Это привело к достаточно развитой системе наименования профессий, выраженных существительными мужского рода. Большинство из них были образованы от глаголов, описывающих основную вид деятельности, при помощи суффикса *-er* (*backen – der Bäcker; handeln – der Händler*). Активно использовались полусуффикс *-mann* (*der Kaufmann, der Seemann, der Feuerwehrmann, der Hausmann*) и заимствованные суффиксы (*der Polizist, der Diplomat*). Для обозначения этнической, географической или религиозной принадлежности также прибегали к суффиксальному способу: *der Brite, der Schwede, der Franzose, der Russe, der Pole, der Engländer, der Spanier, der Italiener, der Amerikaner, der Afrikaner, der Orthodoxer*. Впоследствии, благодаря именно суффиксальному способу, для наименования женщин в таких случаях в немецком языке появились феминитивы: *die Bäckerin, die Händlerin, die Polizistin, die Diplomatin, die Britin, die Schwedin, die Amerikanerin, die Kauffrau, die Feuerwehrfrau, die Hausfrau, die Orthodoxe*. В этих и подобных им единицам явно выражен гендерный компонент.

Известный немецкий лингвист Т. Шиппан отмечает, что процессы феминизации затронули в немецком языке также сферу обозначения титулов, учёной степени и должности. Наряду с нейтральными формами *Frau Professor X., Frau Direktor X.* употребительными, даже в официальном стиле, стали феминитивы *Frau Professorin X., Frau Direktorin X.* Наибольшая активность при этом наблюдается в так называемых

«старых» федеральных землях, в отличие от территории бывшей ГДР или других стран немецкоязычного региона, например, Австрии и Швейцарии [7, с. 191]. Той же точки зрения придерживаются и другие немецкие учёные, указывая на параллельное употребление в некоторых случаях гендерно-асимметричной формы и феминитива, например, *Frau Professor X.* (в устной речи) и *Frau Professorin X.* (в письменной речи) [5, с. 37]. Следует обратить внимание ещё на один интересный факт: в немецком дискурсивном пространстве принято переносить обозначение титула на супругу его обладателя (*Frau Professor X.*). Употребление же феминитива позволяет внести уточнение: обращение *Frau Professorin X.* однозначно относится к женщине, обладающей этим титулом благодаря своим личным заслугам и достижениям, а не супружескому статусу.

Способ субстантивации, в отличие от суффиксации, не столь однозначен. С одной стороны, он отражает гендерную маркированность, с другой, нивелирует её. В первом случае речь идёт об употреблении субстантивированных прилагательных и причастий в единственном числе, где гендерность выражена при помощи грамматической категории рода и соответствует биологическому полу (*der/die Beauftragte, der/die Angestellte, der/die Vorsitzende, der/die Liberale*), во втором – о формах множественного числа, где лексические единицы имеют обобщающее значение и в равной степени именуют и мужчин, и женщин (*die Beauftragten, die Angestellten, die Vorsitzenden, die Liberalen*). На этом основании субстантивированные прилагательные и причастия в форме единственного числа можно считать гендерно-маркированными единицами, а в форме множественного числа – гендерно-нейтральными.

4. Экстралингвистический фон и методика исследования

Интересно проследить, каким образом на лексическом уровне отражается политическая корректность в публичных выступлениях официальных лиц, в частности, представителей различных политических партий Германии, какие формы (гендерно-нейтральные или гендерно-маркированные) они используют и почему. Для лингвистического анализа были выбраны материалы публичных выступлений представителей так называемых традиционных партий

(*Volksparteien, etablierte Parteien*) Германии: ХДС, ХСС, СДПГ, СвДП, а также партий «Зелёные», «Левые» и «Альтернатива для Германии». Все выступления находятся в открытом доступе и размещены на платформе youtube.com. Речь идёт о выступлениях 2019 года в рамках специфического для Германии мероприятия под названием *Politischer Aschermittwoch*, ставшего традиционным событием внутриполитической жизни страны. В последний день карнавала (*Karneval, Fasching*) накануне Великого поста политические партии проводят собрания, где в кругу единомышленников и однопартийцев их лидеры оценивают (как правило, критически) деятельность своих соперников и расставляют акценты собственного политического курса.

Выбор 2019 года был неслучаен и связан с тремя важными экстралингвистическими факторами. Во-первых, подобное мероприятие (*Politischer Aschermittwoch*), известное в российском дискурсе как «политическая пепельная среда», отмечало столетний юбилей. Справедливости ради стоит отметить, что собрания партий проводились не в сотый раз, хотя, действительно, первое такое мероприятие состоялось в Баварии, в местечке Фильсхофен (Vilshofen) в 1919 году. И до сих пор Бавария остаётся исторически излюбленным местом для собраний большинства партий в рамках *Politischer Aschermittwoch*. Исключением является ХДС, который с конца 1990-х гг. проводит такие встречи в городе Деммин, в земле Мекленбург-Передняя Померания. Во-вторых, 2019 год был связан со вторым юбилеем: ровно сто лет назад женщины в Германии получили право принимать участие в выборах наравне с мужчинами. Несомненно, это имеет важное значение как для политической жизни страны, так и для феминистского движения, главной движущей силы в поддержку гендерных тенденций, в том числе в языке. И в третьих, в 2019 году Европейскому Союзу, и ФРГ как члену данного сообщества, предстояло выбрать важный законодательный орган – Европарламент, что и определяло риторику большинства выступлений. Стоит также отметить, что в последнее время роль женщин в политике в такой некогда консервативной стране как Германия значительно возросла, всё больше женщин стремятся заявить о себе и придать этой традиционно мужской сфере деятельности «женское лицо», привнося туда и свою женскую логику, и свою риторику. Свидетельствуют об этом и данные

Федерального статистического ведомства ФРГ (Statistisches Bundesamt): по состоянию на 31 декабря 2018 года доля женщин в различных политических партиях составила от 17,1 % (АдГ) до 40,5 % (партия «Зелёные»). Достаточно высокие показатели также у «Левых» (36,4 %) и социал-демократов (32,6 %) [8].

В рамках данного исследования были прослушаны выступления Аннегрет Крамп-Карренбауер (ХДС; 81 мин.), Маркуса Зёдера (ХСС; 71 мин.), Катарины Барли (СДПГ; 25 мин.), Роберта Хабека («Зелёные»; 25 мин.), Аннелены Баербок («Зелёные»; 44 мин.), Йорга Мойтена (АдГ; 35 мин.), Николы Бер (СвДП; 30 мин.) и Жанин Висслер («Левые»; 18 мин.). Методом сплошной выборки были определены и проанализированы гендерно-маркированные лексические единицы. Они были поделены на четыре группы: феминитивы, гендерно-нейтральные, гендерно-асимметричные и гендерно-симметричные единицы. Напомним основные маркеры, по которым были классифицированы отобранные единицы. К феминитивам отнесены лексемы, содержащие указание, прежде всего грамматическое, при помощи артикля и суффикса, на лицо женского пола (*die Vorsitzende, die Sozialministerin, die Kanzlerin, die Beauftragte, die Schwedin, die Lehrerinnen, die Frauen, die Europäerin, die Sozialdemokratin, die Karnevalistin* и др.). Гендерно-нейтральными признаны единицы, обладающие обобщающим значением (*die Kinder, die Menschen, die Leute, die Grünen, die Deutschen, die Mächtigen, die Angehörigen, die Granden, die Abgeordneten* и др.). Основанием для их выделения послужили словарные дефиниции, в частности, указание *die Person* или *jemand* [6]. Единицы, прежде всего существительные в форме множественного числа (*die Briten, die Europäer, die Chinesen, die Mecklenburger, die Unternehmer, die Pendler, die Politiker, die Bürger, die Minister, die Lehrer, die Polizisten, die Steuerzahler* и др.), которые не указывают эксплицитно на лица женского пола, являются гендерно-асимметричными. Такие лексемы не содержат элемента политкорректности и могут быть восприняты как дискриминирующие женщин, тем более что в языке присутствуют соответствующие феминитивы. Гендерно-симметричные обозначения именуют в равной мере и мужчин, и женщин (*Bürgerinnen und Bürger, Chinesinnen und Chinesen, Schülerinnen und Schüler, Männer und Frauen, Wählerinnen und Wähler* и др.).

**5. Анализ употребления
гендерно-маркированных единиц
в выступлениях политических деятелей
Германии**

Результаты анализа языковых средств политкорректности в выступлениях представителей различных партий отражены на следующем рисунке.

Данные сведения можно использовать для характеристики выступлений с точки зрения политкорректности, так как на представленном рисунке наглядно видно, какие языковые средства используют политики в своих речах, выступая перед немецкоязычной публикой. Обращает на себя внимание тот факт, что М. Зёдер и Й. Мойтен чаще всего употребляли в своей речи гендерно-ассимметричные единицы (32 и 25 ЛЕ соответственно). Их выступления носили явно неполиткорректный характер. Возможно, что политики-мужчины таким образом имплицитно протестуют против феминистских тенденций в языке, особенно против неоправданного употребления гендерно-симметричных форм, что ведёт к усложнению языкового оформления речи. Тем не менее, на основании этих данных вряд ли стоит делать вывод о мужском шовинизме в языковой политике. Скорее всего, это объясняется личностными предпочтениями оратора и не связано с желанием принизить роль женщин. Так, например, М. Зёдер в то же время довольно часто обращался к гендерно-нейтральным единицам (13 ЛЕ), так же как и А. Баербок (15 ЛЕ). Широкое употребление феминитивов отличает выступления А. Баербок (10 ЛЕ), К. Барли, Й. Мойтена (по 9 ЛЕ) и Ж. Висслер (8 ЛЕ).

Меньше всего феминитивов встретилось в речи М. Зёдера (1 ЛЕ), это снова свидетельствует о неполиткорректном характере его выступления с языковой точки зрения.

Что касается гендерно-симметричных форм, то их чаще употребляли в своих речах женщины-политики. Лидерами являются А. Баербок (8 единиц с количеством употреблений 16), А. Крамп-Карренбауер (7 единиц с количеством употреблений 26), К. Барли (6 единиц с количеством употреблений 18). В выступлениях Ж. Висслер и Н. Бер было обнаружено по 3 гендерно-симметричных формы, но с разным количеством словоупотреблений: Ж. Висслер прибегала к ним чаще (14 раз) в отличие от Н. Бер (5 раз). Употребление гендерно-симметричных единиц считается самым корректным языковым вариантом, эксплицитно отражающим равноправное упоминание мужчин и женщин. При этом нельзя однозначно определить, в каком случае такие формы оправданы, а в каком нет. Складывается впечатление о произвольном характере их употребления. Так, например, в речи А. Крамп-Карренбауер встречается как гендерно-асимметричная форма *die Chinesen*, так и гендерно-симметричная *Chinesinnen und Chinesen*. Аналогичные примеры можно обнаружить в речи К. Барли (*die Pendlers u Pendlersinnen und Pendlers*) и в речи А. Баербок (*die Briten u Britinnen und Briten; die Europäer u Europäerinnen und Europäer*). Контекстуальный анализ не выявил системности или различий в их использовании.

Речи политиков-мужчин не отличаются разнообразием гендерно-симметричных единиц: у Р. Хабек и М. Зёдера их всего по три, у Й. Мойтена – две. Интересно отметить, что

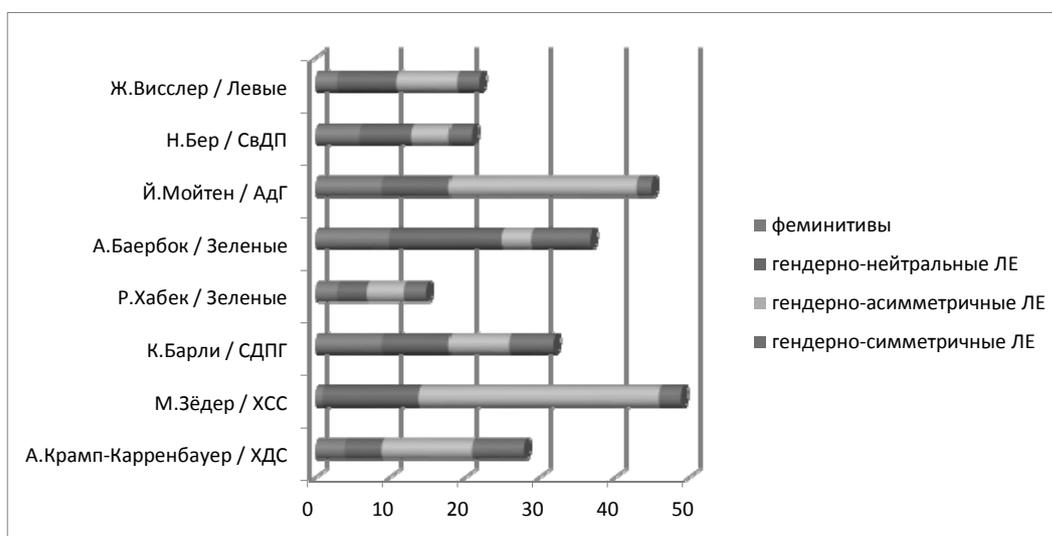


Рис. 1. Языковые средства политкорректности по количеству единиц

только М. Зёдер и Й. Мойтен употребили исторически политкорректное обращение *meine Damen und Herren*, в речах женщин-политиков эта форма не встретилась ни разу. Также подчеркнём, что за 71 минуту своего выступления 92 (!) раза М. Зёдер обратился к присутствующим неполиткорректной формой *liebe Freunde* и ни разу не употребил гендерно-симметричное обращение *Freundinnen und Freunde*. Речь политика от партии «Зелёные» Р. Хабекка отличалась также от всех других выступлений тем, что за 25 минут он ни разу не обратился к ау-

дитории. Его выступление, действительно, было обезличено.

В употреблении гендерно-симметричных единиц представителями различных партий отражается также политическая направленность. Так, К. Барли (СДПГ) и Ж. Висслер (Левые) апеллировали к аудитории с помощью словосочетаний *Sozialdemokratinnen und Sozialdemokraten*, *Genossinnen und Genossen*, что является исторически традиционной формой обращения в среде социал-демократов. Известно, что по своему политическому профилю эти партии близки друг другу.

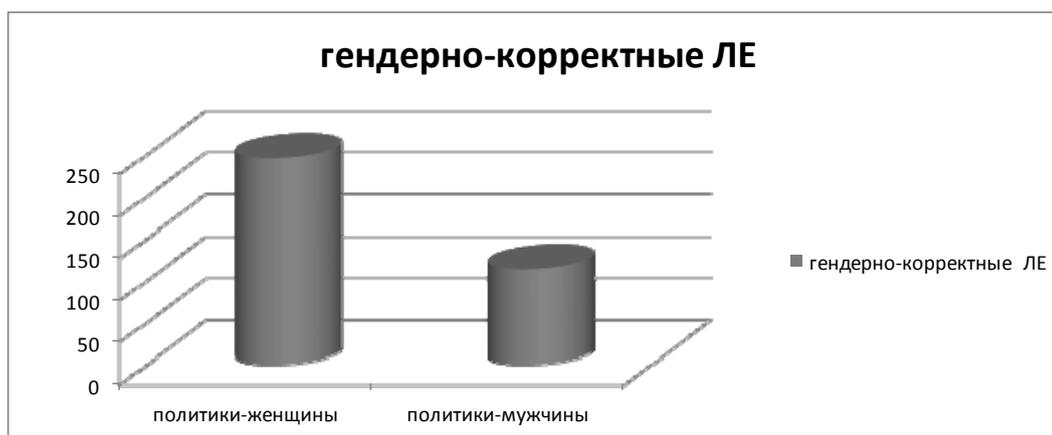


Рис. 2. Языковые средства политкорректности по гендерному признаку и количеству словоупотреблений

На рис. 2 представлены данные, отражающие количество словоупотреблений единиц с гендерным маркером. Сюда включены феминитивы, гендерно-нейтральные и гендерно-симметричные единицы. Конечно, на этом основании нельзя делать однозначный вывод о том, что речь женщин-политиков обладает большей степенью корректности (246 словоупотреблений против 114), тем более что выступлений политиков-женщин было проанализировано больше (пять, и три выступления политиков-мужчин). Однако считаем необходимым обратить внимание на этот факт. Учитывая, что борьбу за феминизацию языковой политики начали женщины, можно предположить, что именно женщины стремятся последовательно отстаивать свои права на политкорректное упоминание.

6. Выводы

Краткий анализ публичных выступлений политических деятелей Германии отражает актуальные изменения в немецком языке в сторону гендерного равноправия языковой политики в целом. Одной из основных тенденций совре-

менного этапа его развития является явно выраженной феминизация. Способствуют этому социальные факторы, которые нельзя игнорировать: усиление роли женщин в жизни общества, их активная вовлечённость в политическую жизнь страны. Можно с уверенностью утверждать, что многолетняя борьба женщин против дискриминации, в том числе и в языке, принесла свои плоды. И именно женщины чаще всего проявляют сегодня последовательность в соблюдении норм и правил политкорректности. Об этом свидетельствуют и результаты проведённого исследования. Самыми политкорректными оказались выступления женщин-политиков А. Баербок (Зелёные), Ж. Висслер (Левые) и А. Крамп-Карренбауер (ХДС). Речи К. Барли (СДПГ) и Й. Мойтена (АдГ) обладают приблизительно одинаковой степенью политкорректности. В меньшей степени отражают гендерную маркированность выступления М. Зёдера (ХСС), Н. Бер (СвДП) и Р. Хабекка (Зелёные). Максимально полно и эксплицитно гендерная направленность выражена в феминитивах, поскольку они грамматически точно указывают на биологический пол и обладают семантическим при-

знаком феминности. Контекстуальный анализ показывает, что во многих случаях даже опускается имя собственное, так как и без этого понятно, о ком идёт речь (*die Kanzlerin* = А. Меркель, *die Parteichefin* = А. Крамп-Карренбауер). Высокая степень политкорректности обнаруживается также в гендерно-симметричных лексических единицах (*Wählerinnen und Wähler, Genossinnen*

und Genossen, Polizistinnen und Polizisten). В этом случае права женщин не ущемляются ни с социальной, ни с языковой точки зрения. Напомним также, что явление политкорректности напрямую связано с национально-культурной спецификой и обязательно должно учитываться в процессе межкультурной коммуникации.

Список литературы

1. Зиновьева Е.С. Лингвистические средства дискурсивной репрезентации маскулинности и феминности // Филологические науки в МГИМО. 2019. Том 20. № 4. С. 30-39.
2. Игнатова Е.М. Гендерная деривация: женские варианты названий профессий глазами студентов МГИМО (экспериментальное исследование) // Филологические науки в МГИМО. 2019. Том 20. № 4. С. 40-49.
3. Кириллина А.В. Гендерные аспекты языка и коммуникации. Дисс. ... д-ра филол. наук. М., 2000. 369 с.
4. Петрова Е.И. Тенденции феминизации современного немецкого языка // Верхневолжский филологический вестник. 2019. № 3 (18). С. 134-139.
5. Diewald G., Steinhauer A. Richtig gendern. Berlin: Dudenverlag, 2017. 128 S.
6. Duden online. Wörterbuch. Bibliographisches Institut GmbH. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.duden.de/> [Дата обращения: 23.02.2020].
7. Schippan Th. Lexikologie der deutschen Gegenwartssprache. 2., unveränderte Auflage. Tübingen: Niemayer, 2002. 306 S.
8. Statistisches Bundesamt. Destatis. [Электронный ресурс]. URL: <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/192247/umfrage/frauenanteil-in-den-politischen-parteien/> [Дата обращения: 16.02.2020].
9. Stefanowitsch A. Eine Frage der Moral. Warum wir politisch korrekte Sprache brauchen. Berlin: Dudenverlag, 2018. 63 S.

Сведения об авторе:

Чигашева Марина Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой немецкого языка МГИМО МИД России. Сфера научных и профессиональных интересов: семантика, лексикология, межкультурная коммуникация, перевод, политический дискурс. E-mail: mchigasheva@mail.ru

GENDER POLITICAL CORRECTNESS IN GERMAN (ON THE MATERIAL OF POLITICAL LEADERS PUBLIC PERFORMANCES)

M.A. Chigasheva

Moscow State Institute of International Relations (University),
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *The issue of gender equality is currently being studied on the basis of different languages and from various positions, most intensively from the point of view of language policy. In this case, we are talking about the choice of language tools in oral or written speech that allow to unambiguously reflect gender and the social role of the named person. The word-building capabilities of the German language, in particular suffixation and substantiation, represent a significant potential for creating gender-correct lexical units. The main objective of the study was to identify lexical means of expressing political correctness in the speech of representatives of various political parties of Germany (Christian Democratic Union, Christian Social Union, Social Democratic Party of Germany, Free Democratic Party, Green Party, Left Party, Alternative for Germany) in close interconnection with extralinguistic factors. In the research process, the continuous sampling method, semantic, contextual, and statistical analysis were used, which made it pos-*

sible to identify units with a gender marking. Based on semantic attributes, the identified lexemes were classified into four groups: feminitives, gender-neutral, gender-asymmetric, and gender-symmetric units. The analysis shows the changes in the German language towards gender equality. The main tendency of this process is feminization, the signs of which are found primarily in the language of female politicians, which also reflects the national-cultural specificity of the modern German language.

Key Words: *German language, gender, gender marking, political discourse, feminitives, national and cultural specifics*

References

1. Zinovieva E.S. Lingvisticheskie sredstva diskursivnoi reprezentatsii maskulinnosti i feminnosti [Linguistic means of discursive representation of masculinity and femininity]. *Philology at MGIMO*. 2019. no. 20(4). S. 30-39. (In Russian).
2. Ignatova E.M. Gendernaia derivatsiia: zhenskie varianty nazvanii professii glazami studentov MGIMO (eksperimental'noe issledovanie) [Gender-based word derivation: feminine variations of occupation titles as seen by MGIMO students (experimental study)]. *Philology at MGIMO*. 2019. no. 20(4). S. 40-49. (In Russian).
3. Kirillina A.B. Gendernye aspekty iazyka i kommunikatsii [Gender aspects of language and communication]: Diss. ... d-ra philol. nauk. Moscow, 2000. 369 p.
4. Petrova E.I. Tendentsii feminizatsii sovremennogo nemetskogo iazyka [Trends of feminization in modern German] // *Verh-nevolzhski Philological Bulletin*. 2019. no. 3 (18). pp. 134-139. (In Russian).
5. Diewald G., Steinhauer A. *Richtig gendern*. Berlin: Dudenverlag, 2017. 128 p.
6. Duden online. Wörterbuch. Bibliographisches Institut GmbH, www.duden.de/ (Accessed 23 February 2020).
7. Schippan Th. *Lexikologie der deutschen Gegenwartssprache*. 2., unveränderte Auflage. Tübingen: Niemayer, 2002. 306 p.
8. Statistisches Bundesamt. Destatis, de.statista.com/statistik/daten/studie/192247/umfrage/frauenanteil-in-den-politischen-parteien/ (Accessed 16 February 2020).
9. Stefanowitsch A. *Eine Frage der Moral. Warum wir politisch korrekte Sprache brauchen*. Berlin: Dudenverlag, 2018. 63 p.

About the author:

Marina A. Chigasheva – PhD (Linguistics), Head of German Language Department of the MGIMO-University (Russia, Moscow). Research and professional interests: semantics, lexicology, intercultural communication, translation, political discourse. E-mail: mchigasheva@mail.ru

* * *

ПРОБЛЕМА ОБУЧЕНИЯ СОВРЕМЕННЫХ СТУДЕНТОВ РЕФЕРИРОВАНИЮ ИНОЯЗЫЧНОГО ТЕКСТА

Т.В. Леденева, Н.А. Зинкевич

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

В статье обобщаются результаты эмпирического исследования вузовской практики обучения реферированию иноязычных текстов и предлагается определённый алгоритм обучения реферированию с учётом особенностей современного поколения студентов. Реферирование рассматривается как интеллектуальный процесс, включающий в себя смысловую компрессию оригинального текста и создание его краткой, но семантически адекватной версии. В фокусе внимания данной статьи – формирование умений и навыков творческого репродуктивно-продуктивного преобразования информации, полученной из письменного источника. Таким образом, процесс обучения реферированию является как средством совершенствования изучаемого языка, так и эффективным способом формирования когнитивно-коммуникативных компетенций и универсальных метапредметных навыков. Вместе с тем реферат представляет собой и контрольно-измерительный инструмент для оценки степени сформированности вышеупомянутых навыков и умений. В статье анализируются особенности восприятия информации современными студентами, обусловленные так называемым «клиповым мышлением». Предлагаются эффективные способы мотивации «экранного поколения» вдумчиво и тщательно работать с линейным печатным текстом. Подробно анализируются основные стадии процесса реферирования и даются методические рекомендации по обучению современных студентов «чтению для реферирования», навыкам смыслового свёртывания и компрессии текста, развитию способности к обобщению, перифразу, абстрагированию от конкретной вербальной формы выражения, построению визуальной схемы и созданию итогового реферата.

Ключевые слова: реферирование, клиповое мышление, мотивация, виды чтения, компрессия текста, обобщение, перифраз, визуальная схема логических связей текста, критерии оценивания реферата.

Обучение навыкам реферирования традиционно является неотъемлемой частью процесса преподавания иностранного языка в вузе. Этому вопросу посвящены многочисленные диссертации [1; 2; 10], научные статьи [6; 8; 9] и методические пособия отечественных [4] и зарубежных [12; 13; 14; 15] исследователей. Можно было бы утверждать, что классические основы обучения данным навыкам реферирования давно разработаны и проверены на практике. Однако в условиях установки системы образования на развивающее обучение и формирование не жёсткой матрицы заученных

знаний, а гибких компетенций, а также внедрения в учебный процесс цифровых технологий открываются новые возможности и возникают новые проблемы.

В центре внимания данной статьи оказывается процесс формирования и диагностики умений творческого репродуктивно-продуктивного перекодирования информации, полученной из печатного источника. Под реферированием (*summarizing*) понимается интеллектуальный процесс, включающий в себя целый ряд последовательных мыслительных и языковых операций, направленных на полное, точное и глубоко-

кое понимание прочитанного текста, смысловую компрессию оригинального текста и создание его краткой, но семантически адекватной версии. Реферат (*summary*), рассматривается нами не только как конечный продукт, но и как контрольно-измерительный инструмент для оценки степени сформированности вышеуказанных умений.

Цель данной статьи – обобщить результаты эмпирического исследования практики обучения студентов реферированию иноязычных текстов и предложить вниманию преподавателей-практиков и молодых исследователей определённый алгоритм обучения реферированию современного поколения студентов.

Сегодняшние студенты не относятся к категории *homo legens* (человек читающий), психологи справедливо называют их *экранным поколением* (*screen-agers*). В восприятии большинства представителей этого поколения статичный линейный чёрно-белый текст на бумаге значительно проигрывает красочным и динамичным аудио-визуальным медиа текстам. По утверждению Клауса Шваба, популярного автора книг о четвёртой технологической революции, Интернет «стал совершенно новой экосистемой создания ценностей» [11, с. 35], претендующей на роль основного источника информации во всех областях знания и деятельности.

Следует ли в таком случае уделять сегодня столько времени обучению студентов реферированию или целесообразнее сконцентрироваться на обучении иным формам работы с иноязычной информацией?

Для ответа на этот вопрос мы провели своё исследование. В основе его лежит эмпирическое наблюдение за формированием у студентов старших курсов бакалавриата и магистратуры факультета МБДА МГИМО навыков работы с текстом по социально-культурной и экономической тематике. Анализ сформированности последних проводился на основе результатов устного экзаменационного задания по реферативному изложению прочитанного текста объёмом в 3000-4000 печатных знаков.

На первом этапе мы сузили общий вопрос до более частного: насколько целесообразно сегодня реферативное изложение прочитанного текста в виде экзаменационного контрольно-измерительного инструмента? Для ответа на этот вопрос мы сравнили результаты оценок 65 студентов 3 курса по тесту IELTS (Advanced Level) и по письменному реферированию (оба аспекта

изучались параллельно). Оценки совпали лишь на 43% (15% – отлично и очень хорошо, 28% – очень посредственно и неудовлетворительно). В 47% случаев студенты гораздо лучше справились с тестом формата IELTS, международно признанным как объективный критерий оценивания уровня владения английским языком [17]. По нашему мнению, причина того, что задание на реферирование оказалось для испытуемых более сложным в сравнении с тестом IELTS, заключается в следующем: при выполнении теста IELTS от читателя не требуется полного и глубокого понимания контекста. Задания формата IELTS направлены на извлечение эксплицитной информации из текста *per se*. Реферирование же требует когнитивного умения синтезировать эксплицитно выраженную информацию с имплицитной, заключающейся в осмыслении не фактов, содержащихся в тексте, а их значения в контексте – не *что* сказано, а *почему* сказано.

Соглашаясь с тем, что высшая школа уже сейчас должна готовить студентов к работе с медиа текстами и цифровыми методами кодировки информации, мы считаем, что в условиях данного переходного периода полноценной альтернативы обучению реферированию пока не существует. Реферирование эффективно развивает и систематизирует ключевые навыки усвоения и обработки информации, необходимые специалисту.

Реферирование иноязычных статей способствует личностному росту, развивает концептуально-аналитическое мышление и учит концентрации внимания, обогащает лексику и совершенствует навыки устной и письменной речи. Умение сжато и адекватно передать значительный объём информации необходимо и при изучении профильных дисциплин, и в будущей профессиональной деятельности. Какие бы знания студент ни стремился усвоить, он должен уметь во всей полноте извлекать информацию из источника и фиксировать её для последующего применения, встраивая её в уже имеющуюся систему знаний. Для продуктивного использования усвоенной информации её необходимо уметь гибко трансформировать. Наконец, студент должен быть способен не только усваивать готовые знания, но и создавать на их основе собственный интеллектуальный продукт.

Когнитивный компонент реферирования состоит в том, что смысловая обработка текста развивает у студентов умение анализировать, синтезировать, обобщать и перекодировать ин-

формацию. Коммуникативный компонент заключается в том, что референт выступает в роли адресата информации, получаемой из первоисточника, и адресанта при создании вторичного текста. По меткому замечанию Р.П. Мильруда, процесс создания и восприятия смысла интерактивен, он «заключается в соединении и степени совпадения смысла, вкладываемого в текст, как автором, так и читателем» [5, с. 13].

Поскольку обучающий потенциал реферирования вполне соответствует требованиям современного высшего образования, задача состоит в том, чтобы реализовать его на практике с максимальной эффективностью.

Как мотивировать современного студента кропотливо работать со значимой информацией, неочевидной в «длинных и скучных текстах»? Одним из способов может быть объяснение, подкреплённое практическим результатом, что процесс обучения реферированию помогает человеку преодолеть недостатки так называемого «клипового мышления» (термин предложен Элвином Тоффлером) [3]. Человек, привыкший оперировать фрагментарными медиа текстами, часто представляющими собой разрозненные и бессистемные «клипы», способен удерживать внимание на текстовом сообщении в течение очень ограниченного времени. Некоторые студенты с трудом справляются с линейными текстами объёмом даже в 800-1000 печатных знаков.

Другим способом создания нужной мотивации является интеграция линейного печатного текста с цифровыми методами его обработки. Нельзя категорично запрещать использование вспомогательных онлайн-редакторов и мобильных приложений. Важно, чтобы студент правильно понимал цель и последствия их использования. Приведём конкретный пример. Отдельные студенты готовы прибегнуть к кратчайшему способу создания реферата, пропустив текст через компьютерную программу *SMMRY.com*. Лучший способ борьбы с подобной практикой – заранее предложить студентам критический разбор реферата, созданного компьютерной программой. Как правило, в таком реферате отсутствует адекватная формулировка главной мысли; компрессия содержания выполнена путём подбора ключевых слов не по смысловому принципу, а по статистическому преобладанию лексических единиц в тексте и формально заданным маркерам значимости. В программах последнего поколения автоматизи-

рованное реферирование поднимается на уровень качественного контент-анализа на основе логического манипулирования концептуальными шаблонами, имеющимися в базе данных. Однако качество таких рефератов по-прежнему остаётся низким в связи с тем, что при выделении смысловых блоков логические связи и отношения между ними не учитываются.

Обычно в процессе обучения реферированию выделяются следующие стадии: понимание смысла прочитанного текста; выделение в нём ключевой информации; обобщение, перифраз и фиксация этой информации; установление внутренних логических связей между всеми смысловыми блоками и, наконец, создание вторичного текста.

В нашей практике система дидактических заданий по формированию умения полно, точно и глубоко понять прочитанный текст представлена следующим образом:

(1) Определить, как соотносятся заголовок и подзаголовок статьи с темой, проблемой и главной мыслью статьи (*main idea, message*).

(2) Проанализировать каждый абзац.

а) Определить его тип: дедуктивный (*deductive paragraph*), индуктивный (*inductive paragraph*) или имплицитный (*implicit paragraph*). Последний наиболее сложен для реферирования, поскольку необходимо «прочитать» (*infer*) обобщающую мысль между строк.

б) В зависимости от типа абзаца определить положение главного обобщающего предложения (*topic sentence*) и объяснить его логическую связь с центральной идеей статьи. В случае с имплицитным абзацем самостоятельно сформулировать обобщающую мысль в одном предложении.

в) Обобщить в одном-двух предложениях остальную информацию, содержащуюся в абзаце, и связать её с главной идеей статьи.

(3) Сформулировать главную мысль статьи. Определённые трудности возникают в случае, если в исходном тексте основная мысль не выражена эксплицитно. На начальном этапе можно предложить студентам сделать выбор из нескольких готовых вариантов формулировок и обосновать его, затем дать собственный, лишённый субъективных комментариев.

(4) Зафиксировать основные положения, в которых главная мысль развивается.

(5) Установить логическую взаимосвязь каждого выделенного положения с главной мыслью.

(6) Установить логические взаимосвязи между всеми выделенными положениями и выстроить их в соответствии с выявленной логикой.

Для обучения компрессии содержания текста традиционно предлагается выделить в нём ключевые смысловые элементы и зафиксировать их в виде линейного плана-конспекта. Существенную помощь современным студентам в «очистке» ключевых тезисов от исходного вербального выражения может оказать перекодирование линейного текста в визуальную схему (*Mind Map*). Мы остановили свой выбор именно на этой форме абстрагирования, поскольку «экранный поколение» предпочитает и легче воспринимает информацию, представленную в виде картинок, символов и графических образов [9, с. 81]. Визуализация информации помогает современным студентам быстрее уловить общий смысл и сконцентрироваться, а готовая визуальная схема облегчает работу на последующем этапе перекодировки информации в текст реферата.

Следует уточнить, что введённая в обиход сорок лет тому назад британским психологом Тони Бьюзеном (*Tony Buzan*) визуально-когнитивная техника *mind-mapping* имеет более широкое и разностороннее применение в учебном процессе и профессиональной деятельности в целом, чем описываемый ниже приём. Как справедливо отметила в своей статье А.Н. Погребнова, «термин *Mind Map* часто вводит в заблуждение, так как не отражает всего многообразия заданий, подразумеваемых под ним» [7, с. 251].

В нашем случае задача создать *Mind Map* означает построение визуальной схемы выявленных логических связей между всеми основными смысловыми элементами текста. Визуально-иллюстративная функция в такой схеме остаётся вторичной, вспомогательной. Графический образ нужен для того, чтобы легче было удерживать в оперативной памяти все значимые компоненты. На первый же план выступает функция визуально-когнитивная, направленная на критическое осмысление каждого смыслового элемента для его последующего преобразования в новую вербальную форму реферативного текста.

Центральным элементом предлагаемой схемы является главная мысль/идея оригинального текста (самостоятельно сформулированная студентом в краткой форме), с которой стрелками связаны самые общие положения, в которых данная идея развивается и доказывается. При этом на визуальной схеме могут быть представ-

лены лишь ключевые слова или словосочетания (не полные предложения). Их взаимное расположение на схеме (либо нумерация) должны соответствовать логическим связям в контексте. Общие положения могут быть дополнены более частными элементами, связанными с ними стрелками другого цвета или толщины и расположенными ближе к периферии. Понятия, образующие единую смысловую группу (перечисление причин, следствий, признаков) должны располагаться на одном горизонтальном уровне.

На начальном этапе студенты сообща и вручную составляют визуальные схемы в аудитории под руководством преподавателя. В дальнейшем их можно предлагать в качестве домашнего задания с обсуждением и коллективным критическим разбором в классе. Как показывает опыт, для формирования практического навыка требуется создать самостоятельно не менее десятка подобных схем.

На следующем этапе студенты получают домашнее задание познакомиться с популярными онлайн редакторами и мобильными приложениями для построения *Mind Map*, такими как *Coggle*, *MindMeister*, *Mindomo*, *FreeMind*, *Xmind*, *iMindMap*. На аудиторном занятии студенты представляют свои скриншоты визуальных схем, и авторы лучших работ проводят мастер-класс по их созданию.

Главными критериями оценки такой визуальной схемы являются полнота отражения значимой информации и точность воссоздания логических связей между смысловыми кластерами. Ошибки же, допущенные в процессе построения визуальной схемы, наглядно демонстрируют типичные пробелы в работе над содержанием оригинала: пропуски информации, её искажения, неточности в выявлении логических связей или отсутствие связи с главной мыслью.

Mind map может выступать в роли конечного продукта реферирования. Международный научный журнал *Elsevier* практикует публикацию таких реферативных схем (*Graphical abstract*) [16] в качестве альтернативы традиционным рефератам научных статей по естественнонаучным дисциплинам. В нашей же практике создание *mind map* остаётся промежуточным этапом в создании вербального реферата. Во время экзамена студент предъявляет её экзаменаторам и имеет право воспользоваться ею при ответе.

При трансформации визуальной схемы в новый текст реферата информация, усвоенная из первичного текста, воссоздаётся в виде нового

речевого произведения, семантически адекватного оригинальному тексту, но обладающего собственной логико-композиционной структурой [12, с. 131].

В целом, композиция реферата отличается постоянством структуры, материал излагается от общего к частному и делится на абзацы, каждый из которых содержит одну опорную мысль, выраженную в обобщенном предложении. Реферат содержит краткое введение и заключение. Функция введения – представить реферируемый первоисточник, обозначить тему (в учебной ситуации она, как правило, совпадает с изучаемой тематикой) и сформулировать главную мысль оригинального текста. Заключение должно быть кратким и содержать выводы, логически связанные с главной мыслью, сформулированной во введении.

Студентам, привыкшим к простому пересказу иноязычного текста, сначала сложно даются основные способы смыслового свёртывания – перифраз (*paraphrasing*) и обобщение (*generalization*).

Перифраз – лексический, грамматический и синтаксический (*re-phrase the sentence, restate the idea, express it in another way*) – неотъемлемая часть обучения не только реферированию, но и устной, и письменной речи. Студент должен помнить, что при использовании «чужой» информации перифраз является одним из способов избежать плагиата, а вторичный текст должен быть точным, кратким и отвечающим требованиям академического стиля. В тексте реферата предпочтительнее использовать настоящее время, которое создаёт эффект объективности, и страдательный залог, благодаря которому на первом плане оказываются названия процессов, трендов, явлений. Компрессии служат и инфинитивные, причастные и герундиальные обороты.

В основе обобщения, замены частного общим, видового понятия – родовым, лежит умение увидеть и назвать единый признак, присущий целой группе явлений, на первый взгляд, разнородных. Сведение отдельных явлений к их сущности требует от студента наличия фоновых знаний и понимания предмета, о котором идёт речь. Типичная ошибка при обобщении – чрезмерная степень абстрагирования, когда теряется конкретика и происходит смысловое обезличивание информации первоисточника. В качестве предварительных упражнений на обобщение можно предложить обучаемым цепочку слов-

синонимов, попросить их объяснить различие смысловых оттенков между синонимами, а также заменить всю цепочку одним обобщающим понятием.

Важную роль для развития контрольно-коррекционного умения играет заключительный этап работы, на котором полученный результат соотносится с замыслом, а текст реферата совершенствуется.

Главными требованиями к качеству реферата следует считать

- нейтральность и объективность (*impartiality*), когда точка зрения автора оригинала не подменяется субъективной точкой зрения автора реферата;
- семантическую адекватность (*semantic adequacy*) с учётом выполнения коммуникативной задачи;
- полноту отражения содержания первоисточника (*completeness*);
- краткость и точность (*conciseness*), достигаемые за счёт использования средств смысловой компрессии;
- ясность (*readability*), логическую стройность и связность (*coherence and cohesion*);
- композиционную завершённость (*layout*);
- лексико-грамматическую грамотность (*accuracy*);
- единство стиля (*academic register*) и соответствие нормам английской устной и/или письменной академической речи.

Во время обучения реферированию весь предложенный в алгоритме набор операций осуществляется студентом сознательно и целенаправленно. Но конечная цель обучения – перевести их в статус подсознательных и автоматических навыков. Все этапы реферирования взаимосвязаны и взаимообусловлены, на каждом из них процесс понимания неразрывно связан с процессом смыслового анализа, необходимого для определения важности и приоритетности одних элементов информации относительно других, и смыслового синтеза – преобразования, свёртывания и компрессии. На всех стадиях необходимо воспринимать текст с учётом поставленной учебной задачи, находить и должным образом преобразовывать информацию, необходимую для её решения.

Данная статья является обобщением педагогического опыта преподавателей-практиков и итогом размышлений над тем, как сделать обучение реферированию иноязычных текстов более

современным и эффективным. Выявлены трудности, с которыми сталкивается студент на каждом этапе обучения. Предложены пути повышения внутренней мотивации студентов к чтению текстов на иностранном языке и их пониманию на глубинном уровне; рекомендован алгоритм развития навыков смыслового свёртывания и компрессии текста и формирования умения

абстрагироваться от конкретной вербальной формы выражения. Учитывая особенности «экранного поколения» студентов, предлагается обучение последних созданию визуальных схем логических связей текста как промежуточного звена между чтением и анализом текста и конечным продуктом – рефератом.

Список литературы

1. Бурлакова С.Л. Учебное реферирование как средство развития профессиональной письменной речи студентов. Дисс. канд.пед.наук. СПб, 1993.
2. Карпова И.В. Коммуникативно-когнитивный подход к обучению реферированию студентов на продвинутом уровне в неязыковом вузе. Дисс. канд.пед.наук. М., 2005.
3. Колобаев В.К., Воробьева К.В. Клиповое мышление и преподавание иностранных языков в неязыковом вузе: психолого-педагогический аспект // Международный научно-исследовательский журнал. 2019, № 9 (87).
4. Маркушевская, Л. П. Аннотирование и реферирование. Методические рекомендации для самостоятельной работы студентов. / Л.П. Маркушевская, Ю.А. Цапаева. СПб., 2008. [Электронный ресурс] — URL: <https://books.ifmo.ru/file/pdf/334.pdf> (Дата доступа 20.12.2019).
5. Мильруд Р.П. Теоретические и практические проблемы понимания коммуникативного смысла иноязычного текста /Р.П. Мильруд, А.А. Гончаров // Иностранные языки в школе. 2003, №1. С.12-18.
6. Нестерова Н. М. Реферирование как способ извлечения и представления основного содержания текста / Н.М. Нестерова, Н.А. Герте // Вестник Пермского университета. Сер. Российская и зарубежная филология. 2013, №4(24). С. 127-132.
7. Погребнова А.Н. К вопросу об актуальности метода когнитивной визуализации и его применении к решению различных учебных задач в контексте высшей школы // Педагогический журнал, 2017, № 7 (4А). С. 246-262).
8. Соловова Е.Н. Необходимость обучения студентов профильных языковых вузов/факультетов реферированию звучащих академических текстов / Е.Н. Соловова, И.А. Басова // Вестник Московского университета. Сер.19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2012, №2. С.19-30.
9. Сырина Т. А. Когнитивная визуализация: сущность понятия и его роль в обучении языку // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2016, №7 (172). С. 81-85.
10. Цибина О.И. Обучение реферированию и аннотированию иноязычной литературы в неязыковом вузе. Автореф. дисс. канд.пед.наук. М., 2000.
11. Шваб К. Технологии четвёртой промышленной революции [перевод с английского]. М.: Эксмо, 2018. 320 с.
12. Blake G. *The Elements of Technical Writing* /G. Blake, R.W. Bly N. Y.: Macmillan. 1993.
13. Borko H. *Abstracting concepts and methods* / H. Borko, Ch. Bernier – N.Y, 2007.
14. Collinson R.L. *Abstract and abstracting services*. Oxford, ABC Clio, 1971.
15. Finkelstein Leo Jr. *Pocket Book of Technical Writing for Engineers and Scientists*. London, McGraw Hill Education, 2007.
16. Graphical abstracts // Elsevier. [Электронный ресурс] – URL: <https://www.elsevier.com/authors/journal-authors/graphical-abstract> (Дата доступа 05.12.2019).
17. IELTS. [Электронный ресурс] – URL: <https://www.ielts.org/about-the-test-format> (Дата доступа 01.03.2020).

Сведения об авторах:

Леденева Татьяна Викторовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка №4 МГИМО (Россия, Москва). Сфера научных и профессиональных интересов: методика преподавания английского языка, литература США. E-mail: tvmelled@gmail.com

Зинкевич Нина Антоновна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка №4 МГИМО (Россия, Москва). Сфера научных и профессиональных интересов: методика английского языка, литература Великобритании. E-mail: nizi@mail.ru

THE PROBLEM OF TEACHING MODERN STUDENTS TO SUMMARIZE A FOREIGN TEXT

Zinkevich N.A., Ledeneva T.V.

Moscow State Institute of International Relations (University),
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *The paper sums up the results of empirical research in teaching foreign text summarizing to Russian university students and introduces an updated approach to teaching summarizing. Summarizing is interpreted as an intellectual process involving semantic compression of the original text and converting it into a concise summary. In this context a summary is viewed as a control measuring tool for assessing foreign language reading and speaking skills. The paper is focused on shaping skills of reproductive-productive transforming information retrieved from a printed text. Particular emphasis is placed on the analysis of the means of language teaching and the ways of developing universal cognitive-communicative competencies and a set of useful transferable skills. The paper introduces techniques to motivate screenagers to examine a printed foreign text and to hurdle the shortcomings of clip thinking and short attention span through teaching summarizing. The main stages of the summarizing process are analyzed. Detailed guidelines are provided for developing cognitive skills for profound text comprehension, and such means of semantic compression as generalization, paraphrasing, mind mapping, and producing a summary.*

Keywords: *summarizing, clip thinking, motivation, reading strategies, text compressing, generalization, paraphrase, mind-mapping, summary evaluating criteria.*

References

1. Burlakova, S.L. Uchebnoie referirovanie kak sredstvo razvitiia professional'noi pis'mennoi rechi studentov [Teaching summarizing as a means of developing students' professional writing skills]. PhD dissertation. SPb, 1993 (in Russian).
2. Karpova, I.V. Kommunikativno-kognitivnyi podkhod k obucheniu referirovaniu studentov [Communicative-cognitive approach to teaching summarizing to students]. PhD dissertation. M., 2005 (in Russian).
3. Kolobaev, V.K. et al. Klipovoe myshlenie i prepodavanie inostrannykh iazykov v neiazykovom vuze: psikhologo-pedagogichesky aspekt [Clip thinking and teaching foreign languages in non-linguistic higher education institutions: psychological and pedagogical aspects]. International Research Journal, 2019, no 9(87), part 2 (in Russian).
4. Markushevskaya, L. Annotirovanie i referirovanie [Abstracting and Summarizing] / L. Markushevskaya, U. Tsapayeva, books. ifmo.ru/file/pdf/334.pdf (Accessed 20 December 2019) (in Russian).
5. Milrood, R.P. Teoreticheskie i prakticheskie problemy ponimaniya kommunikativnogo smysla inoiazychnogo teksta. [Theoretical and practical problems of understanding communicative meaning of a foreign text] / R.P. Milrood., A.A. Goncharov – Foreign languages at school.2003, no 1, p.12-18 (in Russian).
6. Nesterova, N. M. Referirovanie I annotirovanie kak sposob izvlecheniia osnovnogo coderzhaniia teksta [Abstracting as a way to extract and present the main information of the text] / N.M. Nesterova, N.A. Gerte – Vestnik Permskogo Universiteta [Vestnik of Perm University] 2013, no 4(24), p. 127-132 (in Russian).
7. Pogrebnova, A.N. K voprosu ob aktual'nosti metoda kognitivnoi vizualizatsii i ego primenenii k resheniiu razlichnykh uchebnykh zadach v kontekste vysshei shkoly [The relevance of cognitive visualization and its application to the solution of various educational problems in the context of higher education]. Pedagogicheskii zhurnal [Pedagogical journal], 2017, 7 (4A), pp. 246-262.
8. Solovova, E.N. Neobkhodimost' obucheniia studentov profil'nykh iazykovykh vuzov/fakul'tetov referirovaniu zvuchashchikh akademicheskikh tekstov [On teaching summarizing of academic audio texts to students] / E.N. Solovova, I.A. Basova – Vestnik Moskovskogo universiteta [Bulletin of Moscow University], 2012, no. 2, pp.19-30 (in Russian).
9. Syrina, T.A. Kognitivnaia vizualizatsiia: sushchnost' poniatii i ego rol' v obuchenii iazyku [Cognitive visualization: the essence of the concept and its role in language teaching]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta [Bulletin of Tomsk state pedagogical university], 2016, no. 7 (172), pp. 81-85 (in Russian).
10. Tsybina, O. I. Obuchenie referirovaniu i annotirovaniu inoiazychnoi literatury v neiazykovom vuze [Teaching abstracting and summarizing in a non-linguistic college]. Extended abstract of PhD dissertation. M., 2000.
11. Schwab, K. *Shaping the Fourth Industrial Revolution* (in Russian). M., Eksmo, 2018. 320 p.
12. Blake, G. *The Elements of Technical Writing* /G. Blake, R.W. Bly – N. Y., Macmillan, 1993.

13. Borko H. *Abstracting concepts and methods* / H. Borko, Ch. Bernier – N.Y, 2007.
14. Collinson R.L. *Abstract and abstracting services*. Oxford, ABC Clio, 1971.
15. Finkelstein Leo Jr. *Pocket Book of Technical Writing for Engineers and Scientists*. London, McGraw Hill Education, 2007.
16. Graphical abstracts // Elsevier, www.elsevier.com/authors/journal-authors/graphical-abstract (Accessed 5 December 2019).
17. IELTS, www.ielts.org/about-the-test-format (Accessed 1 March 2020).

About the authors:

Tatiana Ledeneva – PhD, Associate Professor of English Language Department №4, MGIMO University (Moscow, Russia). Spheres of research and professional interest: ESP, American literature. E-mail: tvmelled@gmail.com

Nina Zinkevich – PhD, Associate Professor of English Language Department №4, MGIMO University (Moscow, Russia). Spheres of research and professional interest: ESP, English literature. E-mail: nizi@mail.ru

* * *

РОЛЬ И МЕСТО ИНТЕНЦИОНАЛЬНОСТИ КАК ОСНОВЫ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В РУСЛЕ ДИАЛОГА КУЛЬТУР

О.А. Масловец

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

В статье предпринимается попытка уточнить сущностные характеристики взаимосвязи интенциональности сознания, языка и культуры и на этой основе раскрыть особенности организации иноязычного образования.

Автор рассматривает интенциональность как феномен, определяющий и обеспечивающий содержание сознания, позволяющий совершить акт самоопределения и обретения субъектности. В деятельности сознания автором выделяются интенциональные потоки как относительно интендированных объектов, так и субъектов, что является предпосылкой к постижению другого Я, иной культурной данности, и одновременно условием для самопознания и более глубокого проникновения в свою собственную культуру.

Культура суть сложный семиотический текст, она контекст, в котором изучаемый язык как вторичная моделирующая система выступает средством, где различные феномены могут быть последовательно описаны и интерпретированы обучающимися.

Открытость субъекта миру, возвращаемая в ходе интенционального познания языка и культуры, позволяет проявиться его предельной уникальности, и в то же время предельной универсальности. Такое отношение актуализирует внутреннюю закономерность человеческих действий, возможность саморазвития и формирования системы отложенных действий, что позволяет человеку реализоваться, состояться, актуализирует интенциональное поле его возможностей.

Автор приходит к выводу, что образовательный процесс по языку должен носить интерпретативный, сигнификативный, семиотический характер, а учёт в процессе иноязычного образования интенциональной обусловленности всякого действия в том числе и речевого, обеспечит достижение согласованного сознания.

Ключевые слова: сознание, интенциональность, язык, культура, интенциональный акт, интерпретация, смылообразование, семиотический текст.

В наши дни обучение иностранному языку в контексте культуры всё активнее занимает лидирующие позиции, его теоретическое обоснование приводится в ряде культууроориентированных лингводидактических концепций. Общая тенденция, связанная с культуросообразным обучением языку, тем не менее, характеризуется высоким уровнем интерпретативности и многозначностью его понимания, а также недостаточностью теоретического обоснования глубинной связи языка и

культуры, что, в свою очередь, является одной из возможных причин реального положения дел в современной системе языкового образования. В качестве основных положений такого обучения выступают технологии, основывающиеся на простом сопоставлении и сравнении фактов культуры двух лингвосоциумов. Новый социально-политический контекст, глобальные вызовы, интенсивная информатизация общества требуют пересмотра сложившихся представлений и уточнения теоретических оснований об-

учения иностранному языку в культуре. Речь должна вестись об иноязычном образовании, в основе которого лежит антропоцентрическая парадигма в эпоху постнеклассического этапа развития общества и науки, при котором образовательное пространство рассматривается как культуросообразное пространство рождения новых смыслов. Основой выстраивания такого образовательного процесса становится интенциональность.

Понятие интенциональности, введённое впервые австрийским учёным Э. Гуссерлем и описанное им как феномен сознания, определяющий объект сознания, на сегодняшний день является объектом многочисленных исследований в области философии и психологии, в связи с чем в научной литературе сформировался терминоряд, включающий в себя следующие определения интенциональности: рефлексивный акт над потоком переживаний (Э. Гуссерль, 2005, 2009) [5; 6], феномен, определяющий сознание как таковое, поскольку сознание есть сознание о чём-то (Ж-Ф. Лиотар, 2001) [9, с. 18]; феномен, обеспечивающий содержание сознания (Д. Перлер, 2016) [12, с. 9]; свойство сознания, включающее две подструктуры: сознание (когитация) и его объект (когитум) (В.А. Канке, 2008) [7, с. 47]; рефлексивная позиция субъекта, позволяющая совершить акт самоопределения, выйти за рамки естественной установки и рассматривать эти рамки как объект своего действия (Г.П. Щедровицкий, 2004) [19, с. 60]; свойство сознания «конституировать предметы как смысловые единства, где реальные предметы есть единства смысла» (Д.А. Леонтьев, 2007) [8, с. 14]; определяющая сознание характеристика, способствующая тому, что сознание трансцендирует само себя, отсылает к самому себе (Ж-П. Сартр, 2015) [15, с. 21].

Всякий объект есть объект для сознания, интенциональность выступает связующим звеном между объектом окружающего мира и субъектом. Сами объекты окружающего мира в сознании субъекта в связи с его интенциональностью наделяются интенциональным внутренним существованием [12, с. 24].

Сознание, обнаруживая себя как структуру внутри мыслительной деятельности [10, с. 108], всегда «выносятся вовне» [19, с. 60]; его деятельность выступает как поле для проявления его интенциональности, а интенциональные акты выступают как формы этой деятельности. Основой теории интенциональности, таким образом,

становится идея о том, что именно в формах деятельности сознания предмет/объект проявляет свою сущность, истинность. Очевидность взаимосвязи объекта с деятельностью сознания посредством интенциональных актов позволяет признать тот факт, что смыслообразование суть процесс интенциональной направленности на этот объект, а благодаря интенциональности сознание выполняет смыслообразующую (сигнификативную) функцию.

Опыт интенциональности можно рассматривать и как опыт обретения индивидуализации или субъективности. Субъектность и субъективность являются двумя сторонами субъекта (Я), в одном случае рассматриваемого с позиции общества, а в другом с позиции индивида. Опыт интенциональности актуализирует, прежде всего, значимость и ценность субъекта (Я). Интерсубъективность субъекта, расколотого на множество Я, выступает как многообразие точек приложения сил, как проблема выбора, при этом каждый из образов Я является одновременно сферой притязаний многих индивидов [1, с. 145].

Человеку доступны интенциональные потоки не только относительно интендированных объектов окружающего мира, но и других субъектов.

При общении с Другим человек в своём сознании проецирует и сознание Другого с теми или иными его особенностями, его интенциональность проникает в интенциональность Другого и находит в ней те же явления, что были реализованы ранее в его собственном сознании и, наоборот, происходит так называемое отзеркаливание. В связи с этим при должной взаимной корректировке возможно достижение согласованного сознания относительно имплицитного объекта или субъекта. «Мышление получает нелегитимные полномочия к познанию всего сущего, и с энтузиазмом его интерпретирует, как ему «вздумается» [16, с. 48].

Смысл транслируется в пределах коммуникации субъектов, в связи с чем мы можем вслед за О.Д. Агаповым утверждать, что условия интенциональности всегда субъективны и рождаются в рамках идентификации субъектом своего существования в мире Других.

Интенциональный акт есть констатация факта появления субъекта, «который имеет намерение понять, постичь себя и, в связи с этим, максимально выразить своё переживание, своё существование, воплотить себя» [1, с. 138].

Таким образом, каждый акт взаимодействия субъектов есть интенциональный акт, где наряду с интенциями, возникающими в процессе коммуникации, поведение субъектов определяют ещё и «надситуативные» намерения, формирующиеся помимо конкретного акта взаимодействия и в связи с культурным уровнем, уровнем образования, системой ценностей, определёнными компетентностями [17, с. 194].

В связи с тем, что субъекты взаимодействия имеют разные возможности и потребности понимания и каждый из них имеет свою интересую субъектную позицию, диалог, реализуемый разнообразными интенциями, способностями понимания и интересующими позициями собеседников, не может быть задан однозначно и не всегда может иметь ожидаемый результат, это всегда интерпретативный акт.

Каким образом обозначенные идеи могут быть учтены в процессе обучения иностранному языку?

Иностранный язык – это особый предмет, особая дисциплина, ведущим компонентом которой являются «способы деятельности». Это значит, что этот предмет, с одной стороны, складывает определённый круг знаний (языковые, социокультурные), а с другой стороны, формирует умения в различных видах речевой деятельности, необходимые для выстраивания дальнейшего вектора межкультурного взаимодействия, в основе которого лежит диалог представителей разных лингвокультур (И.Л. Бим, Е.В. Бондаревская, Н.Д. Гальскова, Н.И. Гез, Е.Г. Тарева, А.В. Щепилова и др.).

В связи с этим обучение иностранному языку сегодня немислимо без сопряжения двух культур: родной для обучающихся и культуры страны изучаемого языка. Язык становится не целью, а средством формирования человека культуры, культура же, в нашем понимании (и оно созвучно с определением К-Х Пола) – это наследуемая система значений, передающих интересующую субъектность и систему жизненных установок одного лингвосоциума [13, с. 94]. Именно этой системой значений, характерной для другого лингвосоциума, и должен был овладеть обучающийся в процессе изучения иностранного языка – именно так считалось долгие годы. Однако проведённый анализ понятия и сущности интенциональности позволяет утверждать, что благодаря специфике человеческого сознания, наделённого интенциональностью, понимание другой системы значений невозможно без осоз-

нания своей собственной, поскольку это есть акт обнаружения своего Я, проявления субъектности.

Сложность и многомерность понятия «диалог культур» проявляется в неоднозначных трактовках образовательного процесса, выстроенного на его основе. Представители западной научной школы рассматривают его через призму идеологических убеждений универсализма, видя в нём средство сглаживания всех культурных различий. Следует заметить, что, если мы хотим вести диалог друг с другом, так сказать «расширить границы общечеловеческого разговора» [4, с. 21], то такой подход не представляется эффективным. С другой стороны, это невозможно, поскольку каждый отдельно взятый человек – это интересующая субъектность, это определённая система значений, «становящаяся в процессе бесконечного многообразия взаимосвязей между субъектом и обществом» [3, с. 370]. Каждый отдельно взятый лингвосоциум – это такая же интересующая субъектная общность, и попытки подвести различные системы значений или, другими словами, различные интересующие субъектности под один общий знаменатель, унифицировать их – означают лишить их той самой системы значений, которая складывалась, если мы говорим об отдельном человеке, годами и передавалась поколениями.

Взаимодействуя с Другим, находящимся вне и против нас, наши действительно переживаемые кругозоры не совпадают, мы всегда видим то, что другой не видит в себе. «Можно, приняв соответствующее положение, свести к минимуму это различие, но нужно слиться воедино, стать одним человеком, чтобы вовсе его уничтожить» [2, с. 104].

Сказанное позволяет сделать вывод о том, что различные технологии, имеющиеся на сегодняшний день в области обучения иностранному языку и направленные на подготовку к диалогу культур на основе унифицирования имеющихся культурных различий, более глубокое и детальное изучение культуры страны изучаемого языка без обращения к своей собственной и её интерпретации, неэффективны, поскольку противоречат самой природе человеческого сознания. Интенциональность нашего сознания или, скажем другими словами, его предметность в силу своей априорности обеспечивает и стимулирует субъект (Я) к постижению мира равно как через его объекты, так и через его субъекты (Другой). Процесс сознания двусторонен: направлен-

ность на другое Я заставляет глубже осознать своё Я и наоборот – более глубокое проникновение в себя и в свою собственную культуру иницирует критический анализ того важного, что есть вокруг нас и помимо нас; иными словами, для того, чтобы постичь свою культуру и себя, нам необходим опыт понимания другого.

В рамках семиотической концепции культуры и обучение языку приобретает новые характеристики. Культура суть сложный семиотический текст, она, согласно М. Веберу, есть «паутина смыслов» [4, с. 11].

Опредмечивая чужое, сознание встраивает его в собственный смысловой порядок. Процесс

осмысленния как культивирование границы между чужим и собственным делает, как отмечает Д. Разеев, доступным чужое в его чуждости» [14, с. 165]. Кажущаяся асимметричность, необратимость в отношениях между чужим и собственным, граница между чужим и собственным устраняется в ходе интенционального овладения иностранным языком.

Открытость субъекта миру, возвращаемая в ходе интенционального познания языка и культуры, позволяет проявиться его предельной уникальности и в то же время предельной универсальности. Это обеспечивается, согласно Н.Л. Худяковой, «родовой архетипической



Рис. 1. Структура типового урока учебника как разноуровневая интегративная поликодовая система

структурой осуществления деятельности способности духа, связывающей всё во всём и фиксирующей стремление человека к установлению культурно-опосредованной формы гармоничного отношения к действительности» [18, с. 269]. Оно привносит новое содержание в человеческую жизнь. Это «отношение, в котором субъекты, встречаясь, с их субъективной волей, желаниями, интенциями определяют появление, необходимость и устойчивость данного отношения» [11, с. 191].

Такое отношение актуализирует внутреннюю закономерность человеческих действий, возможность саморазвития и формирования системы отложенных действий, что позволяет человеку реализоваться, состояться (А.В. Нечаев) «статья» (Г.П. Щедровицкий) и актуализирует, таким образом, интенциональное поле возможностей. Иностранный язык призван обучить именно таким способам действий, которые позволят обучающимся не только подготовиться к общению с иной культурой, но и сквозь новую призму переосмыслить своё Я и родную культуру.

Важной задачей при соприкосновении с чужой культурой и Другим, как её представителем, является развитие понимания, что всякое действие (твое собственное и Другого) интенционально обусловлено и, тем самым, целенаправленно, что и Я, и Другой имеют ментальные состояния, обладают знаниями, основным назначением которых является идентификация себя как субъекта этого мира через идентификацию Другого. Таким образом, именно интенциональность инициирует использование языка в желании субъекта взаимодействовать с окружающим миром, и этот механизм должен найти отражение в учебном процессе. В связи с этим, процесс интенционального обучения иностранному языку можно назвать процессом развития осмысленной интенциональности; он происходит медленно, непрерывно протекая от одного ментального состояния к другому, всё более усложняясь, – от экспрессии собственных интенциональных состояний и их рефлексии к пониманию интенциональности Другого, её анализу и осознанию интенциональной основы организации мира.

Культура становится контекстом, в котором изучаемый язык как вторичная моделирующая система выступает средством, где различные феномены могут быть последовательно описаны и интерпретированы обучающимися. Именно так субъект познаёт, объясняет и пытается изменить мир вокруг себя. Язык – это средство превращения существа биологического в существо духовное, а коммуникативность в этом процессе следует рассматривать как технологию обучения языку через контекст культуры.

Одним из возможных путей реализации обозначенной задачи применимо к одному из основных средств организации учебного процесса – учебнику иностранного языка, является особая структура типового урока, который представляет собой разноуровневую интегративную поликодовую систему, управляющую процессом развития осмысленной интенциональности учащихся (см. Рис. 1).

Таким образом, обучающийся в процессе обучения языку, пропуская через себя а) интерсубъективную систему значений другого человека; б) систему значений иной культурной данности, обнаруживает себя как субъекта окружающей действительности, переосмысливает традиционную для себя систему значений, обнаруживает своё новое «Я», тем самым развивает в себе осмысленную интенциональность и формирует новую интерсубъективную систему значений. При таких условиях обучающего процесса культура становится тем контекстом, в котором обучающийся становится человеком духовным».

В связи с этим общий тезис состоит в допущении того, что именно интенциональность как феномен сознания субъекта обеспечивает и в то же время стимулирует постижение другого Я, иной культурной данности, иного лингвосоциума, что, в свою очередь, влияет на становление интерсубъективной системы значений субъекта обучения. Необходимость учёта этой доминанты в процессе обучения иностранному языку не вызывает сомнений и представляется сообразной самой природе порождения речи. Процесс обучения языку должен носить интерпретативный, сигнификативный и семиотический характер.

Список литературы

1. Агапов О.Д. Интерпретация как практика автопоэзиса человеческого бытия / О.Д. Агапов; Институт экономики, упр. и права (г. Казань). Казань: Познание, 2009. 247 с.

2. Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. М.: Искусство, 1986. 445 с.
3. Брушлинский А.В. Избранные психологические труды / А.В. Брушлинский. М.: Когито-центр, 2006. 623 с.
4. Гирц К. Г Интерпретация культур / К.Г. Гирц Пер. с англ. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. 560 с.
5. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Книга первая / Э. Гуссерль. М.: Академический проект, 2009. 489 с.
6. Гуссерль Э. Избранные работы / Э. Гуссерль. М.: «Территория будущего», 2005. 464 с.
7. Канке В.А. Основные философские направления и концепции науки / В. А. Канке. 3-е изд., перераб. и доп. Москва: Логос, 2008. 397 с.
8. Леонтьев Д.А. Психология смысла. Природа, строение и динамика смысловой реальности: учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению и специальностям психологии / Д. А. Леонтьев. 3-е изд., доп. Москва: Смысл, 2007. 510 с.
9. Лиотар Ж.-Ф. Феноменология / Ж.-Ф. Лиотар; перевод с французского и послесловие Б.Г. Соколова. Алетея, 2001. 160 с.
10. Литвинов, В.П. Введение в методологию / В. П. Литвинов. Москва: Директ-Медиа, 2014. 183 с.
11. Нечаев А.В. Онтология одиночества: рассуждения о природе человеческого одиночества / А.В. Нечаев; М-во образования и науки Рос. Федерации, Гос. образоват. учреждение высш. проф. образования «Самар. гос. ун-т». Самара : Самар. ун-т, 2004. 281 с.
12. Перлер Д. Теории интенциональности в Средние века / Д. Перлер; пер. с нем. Г. В. Вдовиной; Российская акад. нар. хоз-ва и гос. службы при Президенте Российской Федерации. Москва: Изд. дом Дело, 2016. 470 с.
13. Пол К-Х. Китайские и западные ценности: размышления о методологии межкультурного диалога / К.-Х. Пол // Век глобализации. 2012. №1. С. 94-103.
14. Разеев Д.Н. В сетях феноменологии / Д.Н. Разеев. Основные проблемы феноменологии / Э. Гуссерль; пер. с нем. А.А. Анишко. Санкт-Петербург : Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2004. 367 с.
15. Сартр Ж.-П. Трансценденция Эго. набросок феноменологического описания / Ж.-П. Сартр. Москва: ИОИ, 2015. 160 с.
16. Сокол В.Б. Интенциональный разум и музыкальное мышление / В.Б. Сокол. Диссертация на соискание учёной степени доктора философских наук 09.00.01 – Онтология и теория познания, 2015. 399 с.
17. Ушакова Т.Н. Рождение слова: Проблемы психологии речи и психолингвистики / Т.Н. Ушакова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011. 524 с.
18. Худякова Н. Л. Ценностный мир человека: возникновение и развитие / Н. Л. Худякова; Челябинский гос. ун-т, Ин-т психологии и педагогики. Челябинск : Околица, 2004. 399 с.
19. Щедровицкий Г.П. На Досках. Публичные лекции по философии Г.П. Щедровицкого / [ред. текста, авт. коммент. – В.Л. Данилова]. М.: [Изд-во Шк. Культур. политики], 2004. 195 с.

Сведения об авторе:

Масловец Ольга Александровна – кандидат педагогических наук, и.о. заведующего кафедрой китайского, вьетнамского, тайского и лаосского языков МГИМО МИД России. Сфера научных интересов: философия, лингвистика, лингводидактика. E-mail: maslovets10@mail.ru

THE ROLE AND PLACE OF INTENTIONALITY AS THE BASIS FOR TEACHING FOREIGN LANGUAGES IN LINE WITH THE DIALOGUE OF CULTURES

O.A. Maslovets

Moscow State Institute of International Relations (University),
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *The article represents an effort to specify the essential characteristics of the relationship between the intentionality of consciousness, language and culture, and on this basis to reveal the features of the process of foreign language teaching.*

The author considers intentionality as a phenomenon that defines and provides the content of consciousness, allowing one to commit an act of self-determination and gaining subjectivity. In the activity of

consciousness, the author distinguishes intentional flows of both relatively objects and subjects, which is a prerequisite for comprehending another I, a different cultural entity, and at the same time a condition for self-knowledge and deeper penetration into one's own culture.

Culture is a complex semiotic text, it is a context in which the language being studied as a secondary modeling system acts as a means where various phenomena can be sequentially described and interpreted by students.

The openness of the subject to the world, nurtured in the course of intentional teaching of language and culture, allows its utter uniqueness, and at the same time utmost universality, to manifest itself. Such an attitude actualizes the internal regularity of human actions, the possibility of self-development and the formation of a system of deferred actions, which allows a person to realize, take place, actualizes the intentional field of his capabilities.

The author comes to the conclusion that the process of foreign language teaching should be interpretative, significative, semiotic in nature. Taking into account during teaching a foreign language the intentional conditioning of any action, including speech, will ensure the achievement of a coordinated consciousness.

Key Words: *consciousness, intentionality, language, culture, intentional act, interpretation, washout, semiotic text.*

References

1. Agapov, O.D. Interpretatsiia kak praktika avtopoezisa chelovecheskogo bytiia [Interpretation as the practice of autopoiesis of human existence]/ O.D. Agapov; Institut ekonomiki, upr. i prava (g. Kazan'). Kazan': Poznaniye, 2009. 247 s.
2. Bakhtin, M.M. Estetika slovesnogo tvorchestva [Aesthetics of verbal creativity] / M.M. Bakhtin. M.: Iskusstvo, 1986. 445 s.
3. Brushlinskiy, A.V. Izbrannye psikhologicheskie trudy [Selected psychological works] / A.V. Brushlinskiy. M.: Kogito-tsentr, 2006. 623 s.
4. Girts, K. G Interpretatsiia kul'tur [Interpretation of cultures]/ K.G. Girts Per. s angl. M.: «Rossiyskaia politicheskaya entsiklopediia» (ROSSPEN), 2004. 560 s.
5. Husserl, E. Idei k chistoy fenomenologii i fenomenologicheskoy filosofii. Kniga pervaya [] / E. Husserl. M.: Akademicheskii proekt, 2009. 489 s.
6. Husserl, E. Izbrannye raboty [Ideas for pure phenomenology and phenomenological philosophy. Book one] / E. Husserl. M.: «Territoriia budushchego», 2005. 464 s.
7. Kanke, V.A. Osnovnye filosofskie napravleniia i kontseptsii nauki [Basic philosophical directions and concepts of science] / V. A. Kanke. 3-ye izd., pererab. i dop. Moskva: Logos, 2008. 397 s.
8. Leont'ev, D.A. Psikhologiya smysla. Priroda, stroenie i dinamika smyslovoy real'nosti: uchebnoe posobie dlia studentov vsshikh uchebnykh zavedeniy, obuchaiushchikhsia po napravleniiu i spetsial'nostiam psikhologii [The psychology of meaning. The nature, structure and dynamics of semantic reality: a textbook for students of higher educational institutions studying in the direction and specialties of psychology] / D. A. Leont'ev. 3-ye izd., dop. Moskva: Smysl, 2007. 510 s.
9. Liotard, J.-F. Fenomenologiya [Phenomenology]/ J.-F. Liotard; perevod s frantsuzskogo i poslesloviye B.G. Sokolova. Aleteyia, 2001. 160 s.
10. Litvinov, V.P. Vvedenie v metodologiiu [Introduction to methodology]/ V. P. Litvinov. Moskva: Direkt-Media, 2014. 183 s.
11. Nechaev, A.V. Ontologiya odinochestva: rassuzhdeniia o prirode chelovecheskogo odinochestva [Ontology of loneliness: reasoning about the nature of human loneliness]/ A.V. Nechaev; M-vo obrazovaniia i nauki Ros. Federatsii, Gos. obrazovat. uchrezhdenie vyssh. prof. obrazovaniia "Samar. gos. un-t". Samara : Samar. un-t, 2004. 281 s.
12. Perler, D. Teorii intentsional'nosti v Srednie veka [Theories of intentionality in the Middle Ages]/ D. Perler; per. s nem. G. V. Vdovinoi; Rossiyskaia akad. nar. khoz-va i gos. sluzhby pri Prezidente Rossiyskoy Federatsii. Moskva: Izd. dom Delo, 2016. 470 s.
13. Pol, K-KH Kitayskie i zapadnye tsennosti: razmyshleniia o metodologii mezhkul'turnogo dialoga [Chinese and Western Values: Reflections on the Methodology of Intercultural Dialogue] / K.-KH. Pol // Vek globalizatsii. 2012. №1. S. 94–103.
14. Razeev, D.N. V setiakh fenomenologii [In the networks of phenomenology]/ D.N. Razeev. Osnovnye problemy fenomenologii / E. Gusserl'; per. s nem. A. A. Anipko. Sankt-Peterburg : Izd-vo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 2004. 367 s.
15. Sartre, J.-P. Transsendentsiia Ego. Nabrosok fenomenologicheskogo opisaniia [Ego Transcendence. A sketch of a phenomenological description]/ J.-P. Sartre. Moskva: IOI, 2015. 160 s.
16. Sokol, V.B. Intentsional'ny razum i muzykal'noe myshlenie [Intentional mind and musical thinking]/ V.B. Sokol. Dissertatsiia na soiskanie uchenoy stepeni doktora filosofskikh nauk 09.00.01 – Ontologiya i teoriia poznaniia , 2015. 399 s.
17. Ushakova, T.N. Rozhdenie slova: Problemy psikhologii rechi i psikholingvistiki [The birth of the word: Problems of speech psychology and psycholinguistics]/ T.N. Ushakova. M.: Izd-vo «Institut psikhologii RAN», 2011. 524 s.
18. Khudiakova, N. L. Tsennostny mir cheloveka: vzniknovenie i razvitie [The value world of man: emergence and development]/ N. L. Khudiakova; Cheliabinskii gos. un-t, In-t psikhologii i pedagogiki. Chelyabinsk : Okolitsa, 2004. 399 s.
19. Shchedrovitskiy, G.P. Na Dorskakh. Publichnye lektsii po filosofii G.P. Shchedrovitskogo [On the Boards. Public lectures on philosophy by G.P. Shchedrovitskiy]/ [red. teksta, avt. komment. –V.L. Danilova]. M.: [Izd-vo Shk. Kul'tur. politiki], 2004. 195 s.

About the author:

Maslovets Olga Aleksandrovna – PhD in Pedagogy, acting Chief of the Department of Chinese, Vietnamese, Thai and Lao Languages, MGIMO-University (Moscow, Russia). Spheres of scientific interests: philosophy, linguistics, linguodidactics. E-mail: maslovets10@mail.ru

* * *

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ СО ЗНАЧЕНИЕМ «ГОСТЕПРИИМСТВО» В РУССКОМ И ПЕРСИДСКОМ ЯЗЫКАХ

Ахмади Мирейла, Бахарлу Хади, Хатами Шахрбану

Университет Тарбиат Модаррес,
14115-139, Иран, Тегеран, Ул. Джалал Ал-э Ахмад

Фразеологизмы как часть культурного наследия вмещают в себя опыт, мысли и традиции тысячелетий, передававшиеся от одного поколения другому в устной и письменной форме. Объемом данной исследовательской работы служат фразеологические единицы русского и персидского языков. Предмет настоящего исследования – фразеологические единицы, связанные с понятием гостеприимства в указанных языках. Анализ выполнен на основе корпуса, состоящего из 120 фразеологических единиц со значением «гостеприимство» в русском и персидском языках. Работа состоит из трёх основных частей. Первая часть посвящена анализу устойчивых словосочетаний со значением гостеприимства и ситуаций, в которых они используются. Во второй части работы анализу подвергаются пословицы и поговорки, которые используются в гостевой этикетной ситуации в русском и персидском языках, выявляются культурологические особенности гостеприимства и приёма гостей у русского и иранского народа. В последней части работы анализируется эквивалентность русских фразеологических единиц со значением гостеприимства и аналогичных единиц в персидском языке. Результаты анализа в основном свидетельствуют о схожести лингвокультурологических особенностей указанных фразеологических единиц в русском и персидском языках.

Ключевые слова: фразеология, культура, гостеприимство, русский язык, персидский язык.

Введение

Фразеология как раздел языкознания изучает «устойчивые образные сочетания слов с обобщённо-целостным значением в их современном состоянии и историческом развитии. Предметом изучения фразеологии могут быть фразеологические обороты, называемые ещё фразеологизмами, фразеологическими единицами и фраземами» [2, с. 14].

Для фразеологизмов, как и для любой другой языковой единицы, характерно наличие двух составляющих компонентов: план содержания и план выражения. При этом своеобразии фразеологизмов выражается в отсутствии тесной связи между планом содержания и планом вы-

ражения. В плане содержания фразеологизмов достаточно часто передаётся имплицитно выраженная экстралингвистическая информация без эксплицитной реализации в плане выражения. «Изучая фразеологизмы, можно познакомиться с национальной культурой, обычаями, образом фантазии и историей народа. Фразеологизмы дают возможность проникнуть в далёкое прошлое не только языка, но и истории и культуры его носителей; также такое изучение способствует более глубокому пониманию сложной и разнообразной природы устойчивых сочетаний слов. Отсюда ясно, что из всех уровней языковой структуры наиболее тесная и яркая связь языка и культуры проявляется на уровне фразеологии» [12, с. 69].

Целью данного исследования является выявление сходства и различия во фразеологизмах со значением гостеприимства в русском и персидском языках с лингвокультурологической точки зрения. Анализ проведён на основе корпуса, состоящего из 60 русских и 60 персидских фразеологических единиц, которые используются в гостевой этикетной ситуации. Русские фразеологические единицы в основном выписаны из следующих словарей: «Словарь русской фразеологии» [5], «Словарь русских пословиц и поговорок» [8], «Большой словарь русских поговорок» [11], «Словарь образных выражений русского языка» [13] и «Фразеологический словарь русского языка» [14]. Основными источниками, использованными при составлении персидской части корпуса, являются: «Словарь 20000 персидских пословиц и поговорок» [1], «История Бахманяра» [3], «Пословицы и поговорки [7], «Большой фразеологический словарь персидского языка» [9], «Персидские пословицы, поговорки и крылатые слова» [10].

Работа в основном сосредоточена на анализе плана содержания фразеологизмов, выявлении сходства и различия в концепте гостеприимства в русской и иранской культурах.

Первая и вторая части работы посвящены анализу устойчивых словосочетаний, пословиц и поговорок, а также анализу плана содержания фразеологизмов. В третьей части работы рассматривается эквивалентность фразеологизмов со значением «гостеприимство» в русском и персидском языках.

Актуальность темы заключается в том, что традиция гостеприимства издревле занимает важное место в русской и персидской культурах. В верованиях русского народа подразумевается, что гость послан Богом. Гость обладает рядом мистических способностей и поэтому он воспринимается как носитель судьбы, лицо, могущее повлиять на все сферы человеческой жизни [6, с. 20-22].

Традиция гостеприимства занимает значительное место и в богатой иранско-исламской культуре. Иранцы славятся своим гостеприимством, считая его одним из высших нравственных качеств каждого человека, семьи, деревни и города. Причём и с религиозной точки зрения гостеприимство считается обязательным и необходимым. Иранское гостеприимство – это прежде всего добро и взаимоуважение.

В нашей работе для анализа культурологических особенностей фразеологизмов в русском и

персидском языках фразеологические единицы были разделены на две группы: единицы вербального этикета, которые используются в определённых гостевых ситуациях (приглашение, приветствие, угощение и др.), и пословицы и поговорки. Первая группа охватывает устойчивые словосочетания со словом «гость». Анализ единиц вербального этикета в этой группе сосредоточен на ситуативных условиях, в которых используются анализируемые устойчивые словосочетания, такие как приглашение, приветствие, угощение.

Во вторую группу проанализированных фразеологизмов входят пословицы и поговорки. Анализ фразеологизмов этой группы нацелен на выявление культурологических особенностей двух народов.

Кроме сравнительного анализа фразеологизмов в конце работы сделан также сопоставительный анализ эквивалентности русских и персидских фразеологизмов со значением «гостеприимство». Если в двух предыдущих частях работы русский и персидский язык подвергались самостоятельному анализу, то в третьей части русский язык считается исходным языком.

I. Устойчивые словосочетания со значением «гостеприимство» в русском и персидском языках и ситуативные условия их использования

Анализ гостевых ситуативных условий, в которых используются устойчивые словосочетания в русском и персидском языках, показывает, что фразеологизмы этой категории в плане выражения в основном схожи.

Как показывают результаты анализа, 30% (18 фразеологизмов) от общего количества рассмотренных русских фразеологизмов составляют устойчивые словосочетания. Среди рассмотренных единиц самая частотная гостевая ситуация, в которой используются фразеологические единицы в русском языке, – это приём и угощение: «*хлеб да соль*»; «*потчевать можно, неволить грех*». Следующее место среди гостевых ситуаций занимает приглашение, отмеченное наличием разных стилистически маркированных фразеологизмов: «*милости просим (прошу)*» – книжно-литературное; «*милости прошу к нашему шалашу*» – иронически-шутливое; «*прошу к столу*» – нейтральное.

В персидском языке 23,33% от общего количества персидских фразеологизмов (14 единиц) относится к устойчивым словосочетаниям. В ос-

новном они используются в ситуации приглашения гостей (например: «رنجه كنيد قدم» (**дословный перевод: соизвольте прийти**)), и приветствия («خودتان است خانه» (**дословный перевод: здесь ваш собственный дом**. Ср. рус. «будьте как дома»..))

Устойчивые вербальные этикетки в обоих языках в основном используются в следующих ситуациях: приём гостей, приветствие, приглашение, прощание, угощение. Ситуации, характерные для персидского языка и отсутствующие

в русском языке, – это «вежливое согласие в ответ на приглашение», «благодарность за приглашение» и «разрешение прийти в гости к кому-либо», например: خدمت کسی رسیدن (**дословный перевод: придти к кому-л.**); مهمون نمی خوانین؟ (**дословный перевод: не хотите гостя?**).

Общие результаты вышеуказанного анализа основных гостевых ситуаций, в которых используются единицы вербального этикета, показаны в таблице 1.

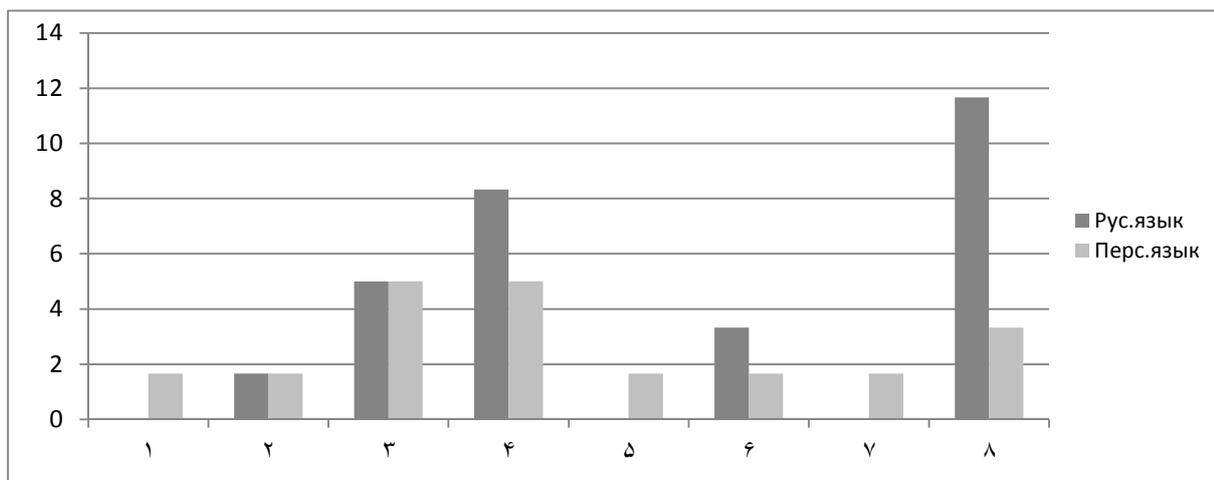
Таблица 1: Частотность основных ситуативных условий, в которых используются устойчивые словосочетания в русском и персидском языках

Ситуация	Рус.	Перс.	Рус.	Перс.	Русские примеры	Персидские примеры и дословный перевод
1. Вежливое согласие в ответ на приглашение	0	1	0	1.66%	–	خدمت کسی رسیدن (Приходить к кому-либо)
2. Приём гостей	1	1	1.66%	1.66%	Подносить (поднести) хлеб-соль	خوش آمدید صفا آوردید (Добро пожаловать, вы принесли с собой свежесть, ясность и чистоту)
3. Приветствие	3	3	5%	5%	Мое почтение	چشم ما روشن (Добро пожаловать, да будут ярки мои очи)
4. Приглашение (вежливое, шутовое)	5	3	8.33%	5%	Милости просим (прошу)	خانه خودتان است (здесь ваш собственный дом)
5. благодарность за приглашение	0	1	0	1.66%	–	خانه ات آباد (Пусть процветает твой дом)
6. Прощание	2	1	3.33%	1.66%	Просим прощенья за ваше угощенье	دست خدا همراهتان (Пусть рука Бога сопутствует тебе (вам) в пути)
7. Разрешение прийти в гости к кому-либо	0	1	0	1.66%	–	مهمون نمی خوانین؟ (Не хотите гостя?)
8. Приём и угощение	7	2	11.66%	3.33%	Хлеб-соль дать	نوش جان کردن (покушать)
Общее число	17	13	29.98%	21.57%	—	—

В диаграмме 1 показаны результаты сравнительного анализа основных гостевых ситуаций,

в которых используются единицы вербального этикета.

Диаграмма 1: Сравнение частотности ситуативных условий, в которых используются устойчивые словосочетания в русском и персидском языках



1) вежливое согласие в ответ на приглашение; 2) приём гостей; 3) приветствие; 4) приглашение (вежливое, шутовое); 5) благодарность за приглашение; 6) прощание; 7) разрешение прийти в гости к кому-либо; 8) приём и угощение.

II. Анализ лингвокультурологических особенностей пословиц и поговорок со значением «гостеприимство» в русском и персидском языках

Как уже было указано, пословицы и поговорки являются самыми яркими источниками выражения культурологических особенностей национального характера разных народов. Анализ имплицитно выраженных значений пословиц и поговорок позволяет выявить специфические черты, характерные для культуры русского и иранского народов. На этом основании для выявления места, которое занимает гостеприимство в культуре этих народов, были проанализированы 88 пословиц и поговорок со значением гостеприимства.

В целом, проведённый анализ свидетельствует о том, что фразеологизмы о гостеприимстве,

«خودش را با خودش می آورد و بالای صاحب خانه را با خودش می برد مهمان روزی» (дословный перевод: *гость приносит с собой дневное пропитание и уносит бедствие хозяина*)
 «مهمان تا سه روز عزیز است!» (дословный перевод: *гость дорог до трёх дней*).

Проведённый анализ свидетельствует о том, что основные значения, которые имплицитно выражаются пословицами и поговорками в гостевой ситуации в русском и персидском языках, в основном схожи. Эти значения заключаются в следующем: взаимное гостеприимство, искреннее и простое поведение в гостях, необходимость не засиживаться в гостях, необходимость быть благодарным хозяину за гостеприимство, необходимость оберегать гостя, оказание почёта гостю, святость и ценность гостя, скромное поведение в гостях и т.д.

Наряду со схожестью существуют и различия в содержании фразеологизмов о гостепри-

имстве. Прежде всего пословицы и поговорки, составляют 73, 33% от общего количества проанализированного корпуса.

Выбранные для анализа русские пословицы и поговорки выражают разные этикетные нормы в гостевой ситуации. Среди них самой высокой частотностью обладают следующие нормы: порицание того, кто идёт в гости без приглашения («к обеду (в церковь) ходят по звону, а к обеду (гости) по зову»), необходимость оказания почёта гостю (гостям) («у него для гостей душа без костей»).

В персидском языке самые важные нормы гостевой ситуации, имплицитно выраженные в пословицах и поговорках, заключаются в следующем: необходимость не засиживаться в гостях, святость и ценность гостя. Яркими примерами могут служить следующие единицы:

Например, в русском языке фразеологизмы со значением «желанный/нежеланный» гость, необходимости быть общительным и приветливым гостем, осуждение негостеприимности хозяина – не имеют соответствующих значений в персидском языке. Аналогично, в персидском языке такие значения, как неприемлемость навязчивого приглашения в гости, необходимость приветливости хозяина и желание ограничить количество гостей, в русском языке не имеют соответствующих значений. Результаты анализа показаны в таблице 2.

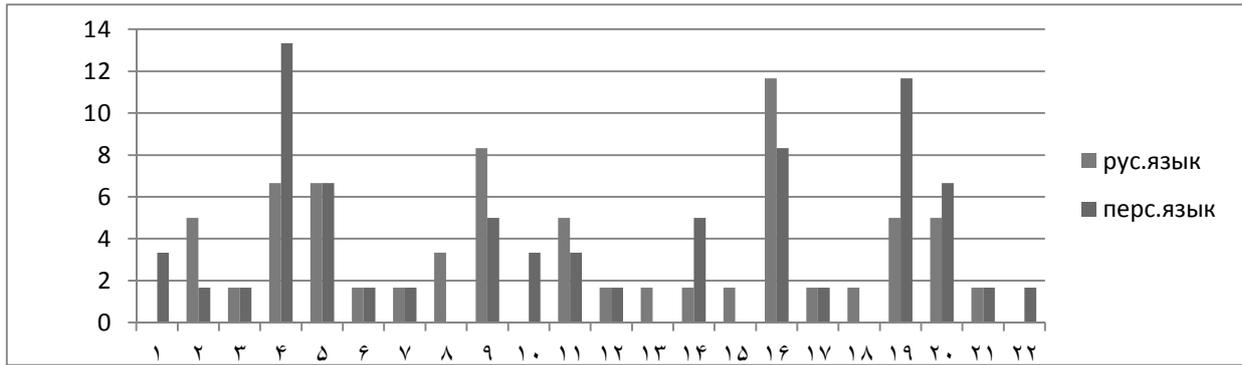
Таблица 2: Частотность основных значений русских и персидских пословиц и поговорок со значением «гостеприимство»

	Значение	Рус.	Перс.	Рус.	Перс.	Русские Примеры	Персидские примеры и дословный перевод
1.	желание ограничить количество гостей	0	2	0	3.33%	—	مهمان که یکی باشد، برایش گاو می کشند (Когда гость один, ему приносят в жертву корову)
2.	Искреннее и простое поведение в гостях	3	1	5%	1.66%	Что есть в печи, всё на стол мечи	مهمان هر که باشد در خانه هر چه باشد (неважно кто пришёл в гости, угости тем, что есть в доме)
3.	Необходимость знать меру в потреблении пищи	1	1	1.66%	1.66%	Хлеб мягкий, рот большой — знай, запиживай левшой	گاه از تو (خودت) نیست کاهدان که از توست (خودت است) (Солома не твоя, но сеновал твой)
4.	Необходимость не засиживаться в гостях	4	8	6.66%	13.33%	Хорош гость, коли редко ходит	بهترین مهمان کسی است که کم بیاید و زود برود (Лучший гость – это тот, кто редко ходит и рано уходит)

	Значение	Рус.	Перс.	Рус.	Перс.	Русские Примеры	Персидские примеры и дословный перевод
5.	Необходимость быть благодарным хозяину за гостеприимство	4	4	6.66%	6.66%	Помнить хлеб-соль	نان و نمک کسی را خوردن (Съесть чьи-либо хлеб и соль)
6.	Необходимость оберегать гостя	1	1	1.66%	1.66%	Гость (и) недолго (немного) гостит, да много видит	مهمان اگر کم در خانه بنشیند زیاد نگاه می کند (Если гость останется недолго, зато много увидит)
7.	Необходимость взаимного гостеприимства	1	1	1.66%	1.66%	В гости ходить – надо и к себе водить	مهمانی رفتن (ضيافت) پای پس هم دارد (Ходить в гости – значит приглашать к себе)
8.	Необходимость быть общительным и приветливым гостем	2	0	3.33%	0	Пошёл на обед, неси слово в привет	—
9.	Необходимость оказания почёта гостю	5	3	8.33%	5%	У него для гостей душа без костей	مهمان عزیزدار، وگر دشمنت بود (Уважай гостя, хотя он тебе враг)
10.	Необходимость быть радушным хозяином	0	2	0	3.33%	—	به روی واز کسی میرن نه در وازش (Приходят к открытому лицу, а не к открытой двери)
11.	Необходимость сердечного, ласкового отношения к гостям	3	2	5%	3.33%	Хоть не богат, а гостям рад	مهمان شادمان شو (Мы должны радоваться присутствию гостя)
12.	Неприемлемость быстрого согласия на приглашение	1	1	1.66%	1.66%	По первому зову в гости не ездят	با یک بفرما سر خر را کج نمی کنند (С первого приглашения не соглашаются идти в гости к кому-либо)
13.	Неприемлемость встречи нежеланного гостя	1	0	1.66%	0	Ломливый гость голодный уходит	—
14.	Осуждение жадности	1	3	1.66%	5%	Зазвал гостей, глотать костей	میهمانی می کند اما به آب (Приглашает в гости, но угощает водой)
15.	Осуждение негостеприимного хозяина	1	0	1.66%	0	Дома сидит, ни на кого не глядит	—
16.	Порицание гостя, идущего без приглашения	7	5	11.66%	8.33%	Незванный гость хуже татарина	مهمان ناخوانده عزت ندارد (К незваному гостю нет уважения)
17.	Приятное ощущение быть в гостях	1	1	1.66%	1.66%	Чужая изба засидчива	کنگر خوردن و لنگر انداختن (Съесть артишок и прийти в ярость)
18.	Радоваться встрече желанного гостя	1	0	1.66%	0%	Желанный гость зову не ждёт	—
19.	Святость и ценность гостя	3	7	5%	11.66%	Гость на порог, счастье в дом	مهمان ناخوانده هدیه خداست (Незванный гость – дар божий)
20.	Скромное поведение в гостях	3	4	5%	6.66%	В гостях воля хозяйская	مهمان بنده ی صاحب خانه است (Гость во всём подчиняется хозяину дома)
21.	Гость не должен быть завистливым	1	1	1.66%	1.66%	Гость гостю рознь, и иного хоть брось	مهمان، مهمان را نمی تواند ببیند، صاحب خانه هر دو را (Гость не может зрить гостя, а хозяин – обоих)
22.	Неприемлемость навязчивого приглашения в гости	0	1	0	1.66%	—	مهمانی به زور نمی شود، دوستی به چوب و کتک (Насильно не можешь пригласить кого-либо, так же, как не можешь заставить кого-либо дружить с тобой)
	Общее число	44	48	73.24%	79.91%	—	—

Частотность данных фразеологических единиц показана в диаграмме 2.

Диаграмма 2: Сравнение частотности значений русских и персидских пословиц и поговорок



1) желание ограничить количество гостей; 2) искреннее и простое поведение в гостях; 3) необходимость знать меру в потреблении пищи; 4) необходимость не засиживаться в гостях; 5) необходимость быть благодарным хозяину за гостеприимство; 6) необходимость оберегать гостя; 7) необходимость взаимного гостеприимства; 8) необходимость быть общительным и приветливым гостем; 9) необходимость оказания почёта гостю; 10) необходимость быть радушным хозяином; 11) необходимость сердечного, ласкового отношения к гостям; 12) неприемлемость быстрого согласия на приглашение; 13) неприемлемость встречи нежеланного гостя; 14) осуждение жадности; 15) осуждение негостеприимности хозяина; 16) порицание гостя, приходящего без приглашения; 17) приятное ощущение быть в гостях; 18) радоваться встрече желанного гостя; 19) святость и ценность гостя; 20) скромное поведение в гостях; 21) гость не должен быть завистливым; 22) неприемлемость навязчивого приглашения в гости.

В первых двух разделах работы фразеологизмы были проанализированы методом сравнительного анализа.

Следующий раздел работы посвящён сопоставительному анализу эквивалентности русских фразеологических единиц со значением гостеприимства в персидском языке.

III. Анализ эквивалентности русских фразеологизмов со значением «гостеприимство» в сопоставлении с персидским языком

Как известно, при сопоставительном изучении языков значительное место отводится вопросам межъязыковой эквивалентности. Под межъязыковыми эквивалентами понимаются «единицы разных языков, полностью или частично совпадающие по значению и способные в отдельных контекстах заменять друг друга» [4, с. 65].

По степени эквивалентности анализируемые нами фразеологизмы можно разделить на три основные группы:

1. **Полные эквиваленты**, подразумевающие фразеологизмы, полностью совпадающие по планам выражения и содержания.

- *Первый день гость что золото, второй что серебро, а третий что медь.*

• *مهمان روز اول ناز و نیاز، روز دوم نون و پیازه، روز سوم چوب درآزه*

(дословный перевод: первый день гость – нежность, второй – хлеб с луком, третий – длинная палка)

- *Гость (и) недолго (немного) гостит, да много видит*

• *مهمان اگر کم در خانه بنشینند زیاد نگاه می کند*

- *Хорош гость, коли редко ходит*

• *بهترین مهمان کسی است که کم بیاید و زود برود*

- *В гости ходить – надо и к себе водить.*

• *مهمانی رفتن (ضیافت) پای پس هم دارد*

2. **Частичные эквиваленты** включают фразеологизмы, совпадающие по плану содержания, но не по плану выражения. В качестве примера частичной эквивалентности можно указать на следующие фразеологизмы:

- *Зазвал гостей глотать костей.*

• *میهمانی می کند اما به آب*

(дословный перевод: приглашает в гости, но угощает водой)

Отличие заключается в том, что в русском языке жадный хозяин угощает гостей костями, а в персидском языке – водой.

- *Званный – гость, а незванный – пёс.*

• *مهمان ناخوانده عزت ندارد*

(дословный перевод: незванный гость – недостойный)

Здесь очень большая разница в стиле! Русский фразеологизм – вульгаризм, персидский – нейтральный стиль.

- *Помнить хлеб-соль.*

• نان و نمک کسی را خوردن

(дословный перевод: съесть чьи-либо хлеб и соль)

Данная пословица в русском языке отличается от персидской тем, что в русском языке используется глагол «помнить», а в персидском – «кушать».

- *Что есть в печи, всё на стол мечи*

• مهمان هر که باشد در خانه هر چه باشد

(дословный перевод: неважно кто пришёл в гости, угости тем, что есть в доме)

3. **Безэквивалентные фразеологизмы** представляют собой фразеологические единицы, не имеющие эквивалента в персидском языке, например: «дома сидит, ни на кого не глядит»; «желанный гость зову не ждёт»; «не вовремя (не в пору) гость хуже татарина».

Что касается эквивалентности русских и персидских фразеологических единиц, то из 120 рассмотренных примеров 70 единиц имеют эквиваленты в русском и персидском языках. Количество фразеологизмов с полным эквивалентом – 10, с частичным – 60. На основании анализа 50 фразеологических единиц относятся к группе безэквивалентных.

Заключение

Подытоживая проведённый сравнительно-сопоставительный анализ фразеологических единиц со значением гостеприимства в русском и персидском языках, основные результаты исследования можно суммировать следующим образом:

Из восьми ситуаций, в которых используются устойчивые словосочетания, или единиц вербальных этикетов о гостеприимстве, русский и персидский языки сходятся в пяти случаях. Ситуаций, характерных для персидского языка и отсутствующих в русском языке, – три.

Устойчивые словосочетания о гостеприимстве в русском языке используются чаще всего в ситуации «приём и угощение», а в персидском языке – это «приветствие» и «приглашение».

Фразеологизмы со значением «гостеприимство» как в русском, так и в персидском язы-

ках имеют сходные ситуации использования и имплицитно выраженные значения, такие как: угощение, необходимость быть радушным хозяином, необходимость оказания почёта гостю, порицание гостя, приходящего без приглашения.

Среди 22 имплицитно выраженных значений пословиц и поговорок 15 значений существуют и в русском и в персидском языке. Что касается количества значений русских и персидских фразеологических единиц, не соответствующих друг другу, в персидском языке их три, а в русском языке – четыре.

Гость в культуре обоих народов является дорогим человеком, которого надо уважать и угощать тем, что есть у хозяина.

Как в русском, так и в персидском языках имеются фразеологизмы, определяющие нормы поведения гостей в культуре русского и иранского народа. Гость должен быть скромным и соблюдать законы вежливости. В русском национальном сознании нежданного, незваного или неприглашённого гостя осуждают, считают нежеланным, неприятным. Негативное отношение к незваному, нежданному или неприглашённому гостю ярко отражается во фразеологизмах русского языка.

В персидском языке отношение к незваному гостю может быть и негативным, и позитивным: с одной стороны, неожиданному гостю, пришедшему без предупреждения, не следует ожидать хорошего приёма со стороны хозяина, а с другой стороны, незванный гость считается святым (другом бога), приносящим благо, и его следует уважать. На основе проанализированных фразеологических единиц можно сделать вывод, что «вежливость по отношению к гостям» в иранской культуре занимает особое место.

Хотя гость в иранской культуре всегда дорог, однако есть фразеологизмы, в которых содержится отрицательное отношение к тем гостям, которые надолго засиживаются. Среди персидских фразеологизмов, самой высокой частотностью обладает «необходимость не засиживаться в гостях». Это относится и к культуре русского народа.

Список литературы

1. Азими Садек. Словарь 20000 персидских пословиц и поговорок. Тегеран: Изд-во Университета Тегерана, 1382. 845с.
2. Алефиренко Н.Ф. Фразеология и паремиология: Учеб. Пособие. / Н.Ф. Алефиренко, Н.Н. Семенов. М.: Флинта: Наука, 2009. 334с.

3. Бахманяр Ахмад. История Бахманяр. Тегеран: Изд-во Университета Тегерана, 1382. 630 с.
4. Бережан С.Г. Семантическая эквивалентность лексических единиц. Кишинев: Изд-во Штиинцы, 1973. 372 с.
5. Брих А.К. и др. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник/ А.К. Брих, В.К. Мокиенко, Л.И. Степанова – СПб: Фолио-Пресс, 1998. 700 с.
6. Грамматика гостеприимства. /Отв. Ред. М.Н. Губогло. М.: ИЭА РАН, 2015. 388с.
7. Деххода Али Акбар. Пословицы и афоризмы. В 4 кн. 4-е изд. Тегеран: Изд-во Университета Амира Кабира, 1363. С. 1764-1765.
8. Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. М.: Русский язык, 1991. 544 с.
9. Золфагари Хасан. Большой фразеологический словарь персидского языка. Тегеран: Изд-во Элма, 1392. 1352 с.
10. Короглы Х. Персидские пословицы, поговорки и крылатые слова. М.: Наука, 1973. 615 с.
11. Мокиенко В.К. Большой словарь русских поговорок / В.К. Мокиенко, Т.Г. Никитина. М.: «Олма медиа групп», 2000. 784 с.
12. Рахимова А.Е. Проблемы национально-культурной специфики фразеологизмов // Вестник КНПУ.2010. № 1(31). С. 69-72.
13. Словарь образных выражений русского языка / Под. ред. В.Н. Телии. М.: «Отечество», 1995. 368 с.
14. Тихонов А.Н. Фразеологический словарь русского языка. М.: Русский язык медиа, 2007. 338 с.

Сведения об авторах:

Ахмади Мирейла – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, Университет «Тарбиат Модарес» (Тегеран, Иран). Сфера научных и профессиональных интересов: фразеологизмы, методика преподавания русского языка. E-mail: mireyla@modares.ac.ir

Бахарлу Хади – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка, Университет «Тарбиат Модарес» (Тегеран, Иран). Сфера научных и профессиональных интересов: терминология. E-mail: baharloo@modares.ac.ir

Хатами Шахрбану – магистр кафедры русского языка, Университет «Тарбиат Модарес» (Тегеран, Иран). E-mail: shabnam.hatami@modares.ac.ir

LINGUOCULTURAL ANALYSIS OF PHRASEOLOGICAL UNITS WITH THE MEANING «HOSPITALITY» IN THE RUSSIAN AND PERSIAN LANGUAGES

Mireyla Ahmadi, Hadi Baharloo, Shahrbanoo Hatami

Tarbiat Modarres University,
Tehran, Jalal Ale Ahmad, Nasr, P.O.Box: 14115-111

Abstract: *Phraseologisms as a part of cultural heritage contain the experiences, thoughts and traditions passed from one generation to another over millennia both orally and in writing. The object of this research work is a phraseological unit in the Russian and Persian languages. The subject of this study is a phraseological unit related to the concept of “hospitality” in these languages. The analysis is based on a corpus consisting of 120 phraseological units that carry meaning of the word “hospitality” in Russian and Persian. The work consists of three main parts: The first part is devoted to the analysis of stable phrases with the meaning of “hospitality” and the situations in which they are used. In the second part of the work, proverbs and sayings that are used in the guest label situation in the Russian and Persian languages are analyzed; cultural features of “hospitality” and reception of guests among the Russian and Iranian people are revealed. In the last part, the equivalence the Russian and Persian phraseological units with the meaning of “hospitality” is analyzed. The results of the analysis mainly demonstrate the similarity of linguistic and cultural features in the guest etiquette situation of the Russian and Iranian people.*

Key Words: *idioms, cultural, hospitality, Russian language, Persian language*

References

1. Azimi, Sadek. Slovar' 20000 persidskikh poslovits i pogovorok [Dictionary of 20,000 Persian proverbs, maxims and expressions]. Tegeran: Izd-vo Universiteta Tegerana. 1382. 845 p.
2. Alefirenko, N.F. Frazeologiya i paremiologiya [Phraseology and paremiology] / N.F. Alefirenko, N.N. Semenenko – Ucheb posobie. M.: Flinta: Nauka. 2009. 334 p.
3. Bahmaniar, Ahmad. Istoriia Bahmaniar [History of Bahmanyar]. Tegeran: Izd-vo «Universiteta Tegerana». 1382. 630 p.
4. Berezhan, S. G. Semanticheskaia ekvivalentnost leksicheskikh edinit [Semantic equivalence of lexical units]. Kishinev: Izd-vo Shtiintcy. 1973. 372 p.
5. Brikh, A.K. i Dr. Slovar russkoi frazeologii. Istoriko-etimologicheskii spravochnik [Dictionary of Russian phraseology. Historical and etymological reference]. SPB: Folio- Press. 1998. 700 p.
6. Grammatika gostepriimstva [Grammar of hospitality]. Otv. red. M.N. Guboglo. M.: IEA RAN. 2015. 388 p.
7. Dehkroda, Ali Akbar. Poslovitsy i aforizmy [Proverbs and aphorisms of Dehkroda]. V 4 kn.4-e izd. Tegeran: Izd-vo Universiteta Amira Kabira. 1363. p. 1764-1765.
8. Zhukov, V.P. Slovar russkikh poslovits i pogovorok [Dictionary of Russian Proverbs and sayings]. M.: Russkii iazyk. 1991. 544 p.
9. Zolfagari, Hasan. Bol'shoi frazeologicheskii slovar' persidskogo iazyka [Great phraseological dictionary of the Persian language]. Tegeran: Izd-vo Elma. 1392. 1352 p.
10. Korogly, H. Persidskie poslovitsy, pogovorki i krylatye slova [Persian Proverbs, sayings and winged words]. M.: Nauka. 1973. 615 p.
11. Mokienko, V.K. Bolshoi slovar russkikh pogovorok [Great dictionary of Russian sayings] / V.K. Mokienko, T.G. Nikitina T.G.: Olma media grupp. 2007. 784 p.
12. Rakhimova, A.E. Problemy natsionalno-kulturnoi spetsifiki frazeologizmov [Problems of national and cultural specificity of phraseological units]. Vestnik KNPU. 2010. vol. 1, no. 31, p. 69-72.
13. Slovar obraznykh vyrazhenii russkogo iazyka [Dictionary of figurative expressions of the Russian language] / Pod.red. V.N. Telii.M.: Otechestvo. 1995. 368 p.
14. Tikhonov, A.N. Frazeologicheskii slovar russkogo iazyka [Phraseological dictionary of the Russian language]. M.: Russkii iazyk media. 2007. 338 p.

About the authors:

Mireyla Ahmadi – Associate Professor, Department the Russian Language, School of Humanities, Tarbiat Modares University, Tehran, Iran. Spheres of research and professional interest: phraseologisms, TERL methodology. E-mail: Mireyla@modares.ac.ir

Hadi Baharloo – Assistant Professor, Department of Russian Language, School of Humanities, Tarbiat Modares University, Tehran, Iran. Spheres of research and professional interest: terminology. E-mail: Baharloo@modares.ac.ir

Shahrbanoo Hatami – MA, Student of Russian Language, School of Humanities, Tarbiat Modares University, Tehran, Iran. E-mail: Shabnam.hatami@modares.ac.ir

* * *

КЛИКБЕЙТ КАК ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО, ФРАНЦУЗСКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ)

В.А. Буряковская, О.А. Дмитриева

Волгоградский государственный социально-педагогический университет,
400066, Россия, г. Волгоград, пр. им. В.И. Ленина, 27

В статье рассматривается один из видов заголовков, распространённых в современном масс-медийном дискурсе, – кликбейт. Новым является то, что в качестве материала исследования были выбраны информационные материалы, представленные в сети Интернет на трёх языках – русском, английском и французском. Актуальность выбранной проблематики исследования определяется недостаточной изученностью такого феномена как кликбейт и его национально-культурной специфики в трёх анализируемых лингвокультурах. При анализе языкового материала применялись следующие методы: гипотетико-дедуктивный метод, метод сплошной выборки, метод стилистического и контекстуального анализа. Цель работы – выявить содержательные и стилистические характеристики кликбейта в русско-, англо- и франкоязычном информационном пространстве. Изначально англоязычная лексема «clickbait» была заимствована в русский и французский языки, получив, однако, во французском языке дополнительные собственно французские номинации. В русском языке данная лексема является практически ассимилированной языковой единицей. Авторы полагают, что кликбейт является разновидностью манипулятивного воздействия, оказываемого на воспринимающую массовую аудиторию, суть которого сводится к завлечению и удержанию внимания реципиента с помощью ложной или сомнительной информации. Для этого используются разнообразные языковые и аудиовизуальные средства, позволяющие отнести кликбейт-заголовки к креолизованному типу текста. Авторы считают, что в современном информационном пространстве кликбейт носит глобальный характер. Национально-культурная специфика кликбейта обусловлена национальной «повесткой дня». Статья адресуется филологам, психологам и социологам. Кроме того, результаты исследования могут быть полезны студентам, магистрантам и аспирантам гуманитарного профиля.

Ключевые слова: *кликбейт, заголовок, информационное пространство, виртуальная реальность, воздействие на массовое сознание, креолизованный текст, масс-медийный дискурс, воспринимающая аудитория.*

Очевидно, что сегодня человечество существует и активно коммуницирует в двух реальностях: виртуальной и актуальной. Обе реальности тесно связаны между собой, происходит их постоянное взаимодействие и взаимопроникновение, человек, вращаясь в повседневной жизни в информационном пространстве, черпает сведения из обеих ре-

альностей. Согласно И. Г. Ионину, соотношение виртуального и реального таково, что «практически все существующие системы знания, на первоначальных этапах своего существования представляющие собой виртуальные реальности, живут, воздействуя на актуальную, физическую реальность, воплощаясь в ней. Собственно говоря, реализация, инкорпорация (в подлин-

ном значении латинского слова) есть способ существования виртуальных систем» [3].

Автор полагает, что необходимы два фактора для создания виртуальной реальности: различие релевантности и референции, а также установление релевантности. Остановимся на этих факторах подробнее. «Установление релевантности есть произвольное объединение некоторых объектов (или некоторых атрибутов объекта) в целостную “среду”, называемую средой анализа виртуальной реальности (или виртуального объекта). Релевантность отнюдь не определяется реальными, актуальными связями объектов или их атрибутов. Виртуальная реальность не есть “отражение” актуальной реальности. Установление релевантности есть произвольный акт “творца” виртуальной реальности. Поэтому не актуальная реальность воздействует на виртуальную, а наоборот. Референция – это наличное реальное соотношение между виртуальной и актуальной реальностями. Это отношение постоянно изменяется под воздействием виртуальной реальности, то есть превращения её в реальность актуальную» [3].

С одной стороны, виртуальная реальность вторична. С другой стороны, информация, полученная из виртуальной реальности, имеет большой воздействующий потенциал на актуальную реальность. Соответственно, информационное поле виртуальной реальности в определённой мере определяет реальную жизнь человека, диктуя ему стереотипы, навязывая ценности и определённые паттерны поведения.

Определённую нишу в информационном поле виртуальной реальности занимает сегодня такой феномен, как кликбейт. Сущность кликбейта ёмко выражена цитатой Анны Руманоф, приведённой в статье профессионального рекрутера Николя Жакара: «Qu'est-ce que le Putaclic et est-ce une stratégie payante?»: on ne sait pas ce qu'on y cherche, mais on trouve tout ce qu'on ne cherche pas. / Интернет: мы не знаем, что ищем, но мы находим всё, что не ищем/ [10].

Как показал анализ, в русский и французский языки лексема «clickbait» была заимствована в том значении, которое присуще ей в английском языке:

Clickbait – something (such as a headline) designed to make readers want to click on a hyperlink especially when the link leads to content of dubious value or interest. / Кликбейт – это заголовок, сконструированный таким образом, что у читателей возникает желание перейти по

гиперссылке к информации, которая носит сомнительный характер / [11; 12].

В настоящее время помимо кальки «clickbait», во французском языке закрепились следующие единицы, номинирующие данное явление:

Piège-à-clics – Qualifie un article ou une vidéo dont le titre ou le résumé est exagéré délibérément afin d'attirer d'avantage de lecteurs ou de spectateurs. Titre aguicheur, racoleur destiné à provoquer un clic. / Относится к статье или видео, чьё название намеренно преувеличено, чтобы привлечь больше читателей или зрителей. Соблазнительный заголовок, рекламирование призвано спровоцировать щелчок/ [15; 17].

Заметим, что в 2020 году комиссией по вопросам обогащения французского языка был анонсирован «Словарь культуры», целью которого является определение различных терминов в сфере аудиовизуальной коммуникации, IT технологий, моды и др., а также перевод англицизов на французский язык. В число лексем вошло и существительное «clickbait» и его французский эквивалент «piège à clics», рекомендуемый к употреблению [7; 8].

Так, способ передачи на французский язык «кликбейта» получил активное обсуждение в социальных сетях. На вопрос “Est-ce qu'il y a une expression en français qui équivaut le mot 'clickbait'?” /Есть ли во французском языке выражение-эквивалент слову «кликбейт»?/ респонденты ответили следующим образом:

En cherchant sur internet, j'ai trouvé «piège à clic» / Изучая Интернет, я нашёл выражение «щелчок (клик мышкой) – ловушка» ;

On dit aussi «pute-à-clic» mais c'est très vulgaire / Говорят также «щелчок (клик) – проститутка», но это очень вульгарно /;

Il me semble donc que la traduction exacte de «clickbait» est «putaclic»... Ce mot est littéralement utilisé à la place de «clickbait» par les français et il est donc parfois utilisé comme un nom «Un putaclic» ou comme un adjectif («Les titres putaclic») / Мне кажется, что точный перевод слова кликбейт – «щелчок (клик) – проститутка»... Это слово буквально используется французами вместо «clickbait», иногда как существительное «путаклик» или как прилагательное («путаклик названия»)/.

Ce terme est beaucoup moins formel et certes encore un peu jeune, mais il reprend l'idée de clic et de racolage vulgaire tout en sous-entendant que le «journaliste» serait prêt à se prostituer pour des clics («pute à clic») / Этот термин является гораздо

менее формальным и, конечно, ещё довольно молодым, но содержит идею щелчков (кликков) и вульгарного ругательства, в то же время подразумевая, что «журналист» будет готов заниматься проституцией за щелчки (клики)/ [9].

Как видно из приведённых выше примеров, французская воспринимающая аудитория, по крайней мере некоторая её часть, склонна интерпретировать кликбейт как явление продажной журналистики. Респонденты отметили, что тексты, содержащие кликбейт, не отличаются качественным содержанием, оригинальностью, удобством для чтения, грамотностью. Все эти характеристики вторичны, на первом плане стоит стремление привлечь внимание и заставить читателя кликнуть на заголовок: – *Et tant pis pour la qualité du contenu, tant pis pour l'originalité, pour le confort du lecteur, pour l'orthographe... Dans le putaclic (on dit aussi plus poliment « piège-à-clic »), tout ceci est secondaire. / И чем хуже для качества контента, тем хуже для оригинальности, для удобства читателя, для орфографии... в кликбейте (также более вежливо говорят в «ловушке-клике») всё это второстепенно*/ [9].

Согласно русскоязычному Краткому словарю информационных технологий «кликбейт – уничижительный термин, описывающий веб-контент, целью которого является получение дохода от онлайн-рекламы, особенно в ущерб качеству или точности информации. В некоторых случаях получение дохода не является главной целью» [4].

В современных лингвистических исследованиях кликбейт понимается как «средство привлечения аудитории с помощью специфических заголовков, которые в определённых случаях сопровождаются графическими материалами, провоцирующими интернет-пользователей читать конкретный контент в расчете на свойственные человеческой натуре чувства любопытства, возмущения или недоумения» [2].

Как инструмент кликбейт появился в СМИ в XIX веке, когда впервые печатные издания стремились завоевать внимание читателей посредством интригующих заголовков. Основная функция кликбейта – привлечение внимания и побуждение пользователя Интернета перейти по ссылке, сделав клик [5].

Феномен кликбейта представляет интерес, во-первых, в связи с его лингвистической стороной – как и с помощью каких языковых средств конструируется кликбейт, какие стратегии при этом применяются, каков его эффект на вос-

принимающую аудиторию. Во-вторых, реакция аудитории на кликбейт позволяет установить ценностные приоритеты пользователей Сети, вскрывая таким образом аксиологическую составляющую этого лингвокультурного и социального феномена.

Кроме того, воздействующая сила кликбейта проявляется в том, что «в результате применения кликбейтов с использованием определённых дискурсивных практик в сознании читателя актуализируются ложные топосы событий, приводящие в конечном итоге к созданию ложной, фальсифицированной информации» [2].

Кликбейт стал неотъемлемой частью рекламного дискурса, эффективность которого оценивается, в том числе, по количеству кликов. Сайты, содержащие материал с кликбейтом, неинформативны, их единственная цель – генерировать максимально возможный трафик, чтобы получать доход от онлайн-рекламы. В этой связи нельзя не согласиться с З. Бауманом: «В современном перенасыщенном информацией мире внимание привлекают наиболее шокирующие сообщения, и получается своеобразный замкнутый круг: чтобы завладеть вниманием реципиента, каждый шок должен быть сильнее предыдущего» [1].

С прагматической точки зрения, как справедливо отмечает Н. Н. Вольская, сфера использования кликбейта ограничивается следующим кругом:

- 1) в интернет-маркетинге – увеличить количество посещений на целевом сайте;
- 2) в массмедиа – вызвать интерес к следующей за кликбейтом статье;
- 3) в интернет-рекламе – получить доход от рекламы;
- 4) в офлайн-рекламе – удержать внимание пользователя на рекламной информации [2].

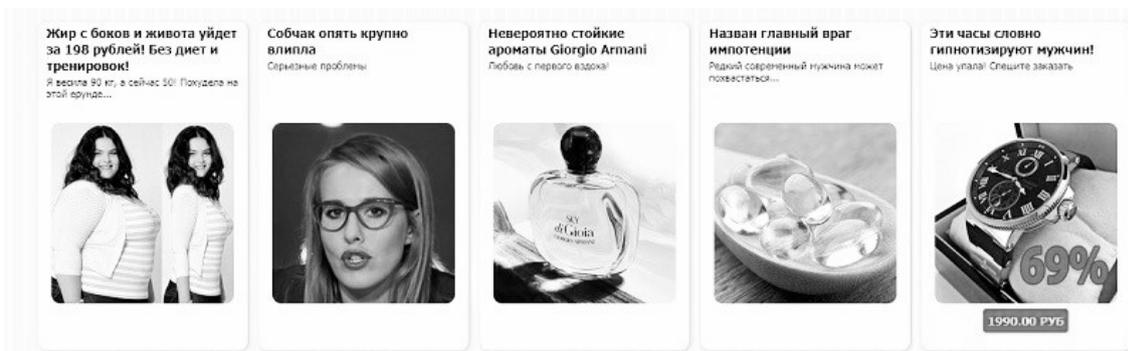
В современной жизни на фоне высокой конкуренции кликбейт становится главным инструментом для привлечения читателей. Беря своё начало в жёлтом или таблоидном журнализме, кликбейт стал одним из способов воздействия на массовое сознание в сфере политики.

Мы полагаем, что это может объясняться тем, что официальные СМИ принимают во внимание частотность и рекуррентность кликбейта, зрители привыкают к данным моделям и обращают на них внимание более активно.

В русскоязычном информационном пространстве определённую нишу занимают сайты с тизерной рекламой, которые могут быть охарактеризованы как кликбейт-сайты. Владель-

цы такого рода веб-ресурсов размещают любой оплаченный контент. Провокационные тизеры присутствуют на новостных сайтах и в онлайн-кинотеатрах. Воздействующий эффект от клик-

бейта в тизерах усиливается за счёт картинок. В качестве изображений используют фотографии знаменитостей и звёзд в совокупности с рекламируемыми товарами:



Что касается англоязычного материала, то он представлен кликбейт-сайтами, которые являются типичным хранилищем контента, принадлежащего массовой культуре. Так, например, англоязычные сайты *Upworthy* и *BuzzFeed* были созданы именно для оказания влияния на аудиторию в вопросах политики, бизнеса и окружающей среды, однако они изобилуют жёлтым контентом разной тематики, носящей в основном утилитарный или скандальный характер. Данный контент разделён на рубрики (*Quizzes, Best of the Decade, Shopping, News, TV & Movies, Trending, Newsletters, Best of the Week*), хотя и не выходит за рамки трёх ключевых топосов: знаменитости, шопинг, развлечения. Политика преподносится на этих сайтах точно так же, как и новости о голливудских звёздах. «Подкрепляется» данная информация постами из соцсетей:

Selena Gomez Said She Doesn't «Stand For Women Tearing Women Down» After Hailey Bieber Denied Shaming Her. / Селена Гомес сказала, что она не поддерживает женщин, которые унижают других женщин; после того, как Хейли Бибер стала отрицать, что язвила в её адрес);

Trump Said He's Building A Wall In Colorado, And No One Knows What He's Talking About. / Трамп сказал, что строит стену в Колорадо, но никто не знает, о чём он говорит. /

Среди франкоязычных сайтов, связанных со сферой политики, выделяются *des sites complotistes* – сайты заговоров, например: *Conspiracy Watch, Cadoit savoir.fr, Onsait ce qu'on veut qu'on sache.com*, которые были закрыты в 2018 году.

Кроме того, Джоном Факра были созданы специальные сайты – *Reveoulezvous.fr, Quelmonde.fr, Unmonde2fou, Tu sais quoi* и т.д.), которые также закрыты в настоящий момент. Другая часть

сайтов Дж. Факра активно продвигает ложную медицинскую информацию (*Alter santé, Le Mag Santé, A ta bonne santé, Osons rêver d'un monde meilleur, Santenatureinnovation, Sante-nutrition* или *Topsante*). Эти сайты не модерируются медицинскими работниками и не могут рассматриваться как достоверный источник медицинской информации [13].

В глобальности кликбейта можно убедиться, если обратиться к видеохостингу *YouTube*. В нём часто встречаются провокационные заголовки к видео, чтобы привлечь максимальное количество пользователей и получить большое число просмотров.

Анализ материала исследования показал, что среди содержательных характеристик кликбейта выделяются следующие: неинформативность, дезинформация, фальсификация, ведущие к манипулятивному эффекту, например:

Огурцы уже не те...

Они отобрали у деда квартиру...

Lail est 15 fois plus puissant que les antibiotiques / чеснок в 15 раз сильнее антибиотиков /;

Female doctors share bikini pics... / Женщины-врачи делятся своими фото в купальниках.../.

Что касается лексических особенностей, то выделим следующее: использование указательных местоимений (*этот, эта, эти*) – это делается намеренно, чтобы создавалось ощущение диалога с реципиентом; обращение к читателю на “ты” также является частотным приёмом; включение в заголовок фразеологизмов, крылатых фраз или выражений из разговорной речи:

Узнай, как заработать 5 000 Р за день!; Ты этого никогда не видел!

Cet enfant est un vrai prodige. Découvrez ce qu'il a fait ... / Этот ребёнок – настоящий вундеркинд. Узнай, что он сделал.../;

These mayors are leading the way ... / Эти мэры идут в направлении к .../

Стилистические характеристики кликбейта включают в себя следующее: немотивированное использование многоточий, вопросительных и восклицательных знаков, эллипсиса, капитализации, риторических вопросов и языковой игры, эпитетов, гиперболлизации:

ШОК! В теле женщины обнаружили это!

Не упусти шанс получить выгоду миллион рублей...

Une mère est capable de tout faire pour ses petits... Cette vidéo étonnante d'une chienne de rue le prouve! / Мать способна сделать всё для своих малышей... это трогательное видео уличной собаки доказывает это! /;

Посмотри, ужас, что он сделал...

Le Top 10 des plus... Le 3e est incroyable ! / Топ самых... Третий невероятный! /;

«The Kissing Booth 3» Was Just Announced And After That Shocking Cliffhanger, I'm So Relieved. OH MY GOD!!!! / Выход «The Kissing Booth 3» был только что объявлен, и после такого шокирующего события я испытываю облегчение. О, Господи!!!! /;

Antoni Porowski Posted A Photo Of His New Haircut And He's Officially The Sexiest Man Alive / Антонио Поровски разместил своё фото с новой стрижкой, и теперь он официально является самым сексуальным мужчиной из всех живущих /.

Отличительной чертой англоязычных кликбейт-заголовков является использование развёрнутого синтаксиса – многочисленны сложные длинные предложения, часто не оформленные пунктуационно. Большую распространённость получили заголовки, в которых обязательно используются числительные:

Just 29 Random Products We Really Love / 29 вещей, собранных наугад, которые мы любим! /;

21 Things That Are Totally Legal Even Though They Seem Questionable

/ 21 поступок, который абсолютно законен, несмотря на то, что кажется сомнительным);

17 Unbelievable Photos of Things That Fit So Perfectly It Hurts

/ 17 невероятных фото одежды, которая смотрится так идеально, что просто поражает / [6; 16].

Таким образом, для кликбейта характерны креолизованность и рекуррентность. С одной

стороны, текст подкрепляется соответствующей картинкой или видеорядом, а с другой стороны – необходимы частотность появления и повторяемость.

Русско-, англо- и франкоязычные примеры кликбейт-заголовков убедительно демонстрируют распространённость и универсальность кликбейта в данных лингвокультурах.

В русскоязычном информационном пространстве не существует специальных кликбейт-сайтов, как в англо- и франкоязычном информационном пространстве, однако множество интернет-изданий содержат кликбейт-заголовки.

Определённая этнокультурная особенность выявлена во французском языке, носители которого активно используют франкоязычные единицы, отражающие оценку кликбейта в современном массовом сознании и в какой-то степени языковую политику во Франции.

Универсальные черты кликбейта наблюдаются во всех рассмотренных лингвокультурах: с позиции оформления текста – кликбейт представляет собой креолизованный текст. При этом изображение усиливает степень манипулятивного воздействия заголовка на реципиента. Чаще всего, изображение фасцинирует, то есть прочитанный заголовок, подкреплённый ярким, кричащим изображением, потрясает реципиента, вызывает гамму эмоций – от гнева, отвращения, страха до любопытства и восторга. Непосредственно вербальный компонент, представленный текстом, усиленный картинкой или видео, обладает большим прагматическим потенциалом.

Кликбейт как феномен носит сегодня глобальный характер. При создании кликбейта применяются языковые средства, нацеленные на привлечение внимания воспринимающей аудитории любым способом, независимо от того, на каком языке она говорит. При этом идёт апелляция к базовым человеческим эмоциям, поскольку содержание заголовка носит двусмысленный, скандальный или неопределённый характер. Русско-, англо- и франкоязычная аудитория подвергается манипулятивному воздействию, которое отличается лишь содержанием национальной «повестки дня».

Список литературы

1. Бауман З. От паломника к туристу. / З. Бауман. Социологический журнал. 1995. № 4. С. 133–154. [Электронный ресурс] – URL: <http://jour.isras.ru/index.php/socjour/article/viewFile/218/219> (Дата доступа: 19 октября 2019 г.)
2. Вольская Н.Н. Кликбейт как средство создания ложной информации в интернет-коммуникации / Н.Н. Вольская. Медиаскоп. 2018. Вып. 2. [Электронный ресурс] – URL: <http://www.mediascope.ru/2450> (Дата доступа: 11 ноября 2019 г.)
3. Ионин Л. Г. Социология культуры: учеб. пособие для вузов. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2004. 427 с. / Л. Г. Ионин [Электронный ресурс] – URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/Ionin/_09_1.php (Дата доступа: 21 сентября 2019 г.)
4. Краткий словарь информационных технологий. [Электронный ресурс] – URL: <https://ht-lab.ru/knowledge/dictionaries/kratkiy-slovar-it/4445/> (Дата доступа: 7 ноября 2019 г.)
5. Николаева А.В. Кликбейт в СМИ / А.В. Николаева. Русская речь. 2018. № 3. С. 43-47.
6. Buzzfeed. [Электронный ресурс] – URL: <https://www.buzzfeed.com/> (Дата доступа: 17 ноября 2019 г.)
7. Ficca S. De nouveaux «équivalents français» pour réduire les anglicismes [Электронный ресурс] – URL: <https://www.presse-citron.net/ne-dites-plus-spoil-clickbait-ou-podcast-mais-divulgacher-piege-a-clic-et-audio-a-la-demande/> (Дата доступа: 10 января 2020 г.)
8. Ficca S. Ne dites plus «spoils», «clickbait» ou «podcast», mais «divulgâcher», «piège à clic» et «audio à la demande» [Электронный ресурс] – URL: <https://www.presse-citron.net/ne-dites-plus-spoil-clickbait-ou-podcast-mais-divulgacher-piege-a-clic-et-audio-a-la-demande/> (Дата доступа: 10 января 2020 г.)
9. Forum. [Электронный ресурс] – URL: <https://forum.wordreference.com/threads/clickbait.3277213/> (Дата доступа: 10 января 2020 г.)
10. Jacquard N. Qu'est-ce que le Putaclic et est-ce une stratégie payante? [Электронный ресурс] – URL: <https://www.journalducsm.com/putaclic/> (Дата доступа: 10 января 2020 г.)
11. Merriam-Webster Dictionary. [Электронный ресурс] – URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/clickbait> (Дата доступа: 20 января 2020 г.)
12. O'Donovan C. What is clickbait? Nieman Foundation for Journalism. Niewman labs [Электронный ресурс] – URL: <https://www.niemanlab.org/2014/08/what-is-clickbait/> (Дата доступа: 20 января 2020 г.)
13. Observatoire du journalisme // Air du temps, sites anti-complotistes et sites anti-fakenews // [Электронный ресурс] – URL: <https://www.ojim.fr/air-du-temps-sites-anti-complotistes-et-sites-anti-fakenews/> (Дата доступа: 20 января 2020 г.)
14. Sénécat A. «Ça doit se savoir», «Alter Santé», «Libre Info»: un seul homme derrière un réseau de désinformation [Электронный ресурс] – URL: https://www.lemonde.fr/les-decodeurs/article/2018/11/13/ca-doit-se-savoir-alter-sante-libre-info-un-seul-homme-derriere-un-reseau-de-desinformation_5382951_4355770.html (Дата доступа: 20 января 2020 г.)
15. Stackexchange. [Электронный ресурс] – URL: <https://french.stackexchange.com/questions/19022/un-titre-clickbait-lemploi-en-adjectif> (Дата доступа: 13 февраля 2020 г.)
16. Upworthy. [Электронный ресурс] – URL: <https://www.upworthy.com/> (Дата доступа: 11 марта 2020 г.)
17. Wiktionary. [Электронный ресурс] – URL: https://fr.wiktionary.org/wiki/ri%C3%A8ge_%C3%A0_clics (Дата доступа: 20 января 2020 г.)

Сведения об авторах:

Буряковская Валерия Анатольевна – доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой английской филологии ВГСПУ (Россия, г. Волгоград). Сфера научных и профессиональных интересов: сравнительные исследования, массовая коммуникация, теория дискурса, межкультурная коммуникация.
E-mail: vburyakovskaya@yandex.ru

Дмитриева Ольга Александровна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка как иностранного ВГСПУ (Россия, г. Волгоград). Сфера научных и профессиональных интересов: теория лингвокультурных типажей, лингвокультурология, межкультурная коммуникация, сравнительные исследования. E-mail: dmoa@yandex.ru

CLICKBAIT AS A LINGUISTIC AND CULTURAL PHENOMENON (BASED ON THE MATERIAL OF THE RUSSIAN, FRENCH AND ENGLISH LANGUAGES)

Valeria A. Buriakovskaia, Olga A. Dmitrieva

Volgograd State Socio-Pedagogical University,
Lenin Ave, 27, Volgograd, 400066, Russia

Abstract: *The article considers a type of headlines – clickbait – that is common in modern mass media discourse. The novelty of the research is in the object of research and the material represented in three languages – Russian, English and French. Clickbait as a phenomenon has not been investigated before, neither has its national and cultural specificity in the three analyzed linguistic cultures; this fact determines the relevance of the study. The analysis of the language material was based on hypothetical-deductive method, continuous sampling method, and method of stylistic and contextual analysis. The purpose of this work is to identify the content and stylistic characteristics of clickbait in the Russian -, English- and French-speaking information space. Initially, the English-language lexeme “clickbait” was borrowed into Russian and also French, where it received additional nominations. In the Russian language this word is almost assimilated as a language unit. The authors believe that clickbait is a type of a manipulative influence exerted on perceiving mass audience, the essence of which is to attract and retain the recipient’s attention using false or dubious information. To this end, a variety of language and audio-visual tools are used that allow assigning clickbait to a creolized text type. The authors believe that clickbait is a global phenomenon in modern information space, which national and cultural specificity is determined by a national “agenda”. The article is addressed to philologists, psychologists and sociologists. The research results can as well be useful for undergraduate and postgraduate students specializing in the Humanities.*

Key Words: *clickbait, headline, information space, virtual reality, impact on mass consciousness, creolized text, mass media discourse, perceiving audience.*

References

1. Bauman Z. Ot palomnika k turistu. [From pilgrim to tourist] / Z. Bauman. Sotsiologicheskii zhurnal. 1995. №4. P. 133–154, jour.isras.ru/index.php/socjour/article/viewFile/218/219 (accessed 19 October 2019)
2. Vol’skaia N.N. Klikbeit kak sredstvo sozdaniia lozhnoi informatsii v internet-kommunikatsii [Clickbait as a Means of Creating False Information in Internet Communication] / N.N. Vol’skaia. Mediaskop. 2018. Vyp. 2, www.mediascope.ru/2450 (accessed 11 November 2019)
3. Ionin L. G. Sotsiologiya kul’tury: ucheb. posobie dlia vuzov. [Sociology of Culture: Manual for Universities] / L. G. Ionin. 4-e izd., pererab. i dop. M.: Izd. dom GU VShIe, 2004. 427 p., www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/Ionin/_09_1.php (accessed 21 September 2019)
4. Kratkii slovar’ informatsionnykh tehnologii [Brief Dictionary of Information Technologies], ht-lab.ru/knowledge/dictionaries/kratkii-slovar-it/4445/ (accessed 7 November 2019)
5. Nikolaeva A.V. Klikbeit v SMI [Clickbait in the Media] / A.V. Nikolaeva. Russkaia rech’. 2018. № 3. P. 43-47.
6. BuzzFeed, www.buzzfeed.com/ (accessed 17 November 2019)
7. Ficca S. De nouveaux «équivalents français» pour réduire les anglicismes, www.presse-citron.net/ne-dites-plus-spoil-clickbait-ou-podcast-mais-divulgacher-piege-a-clic-et-audio-a-la-demande/ (accessed 10 January 2020)
8. Ficca S. Ne dites plus «spoil», «clickbait» ou «podcast», mais «divulgâcher», «piège à clic» et «audio à la demande», www.presse-citron.net/ne-dites-plus-spoil-clickbait-ou-podcast-mais-divulgacher-piege-a-clic-et-audio-a-la-demande/ (accessed 10 January 2020)
9. Forum, forum.wordreference.com/threads/clickbait.3277213/ (accessed 10 January 2020)
10. Jacquard N. Qu’est-ce que le Putaclic et est-ce une stratégie payante? www.journalduc.com/putaclic/ (accessed 10 January 2020)
11. Merriam-Webster Dictionary, www.merriam-webster.com/dictionary/clickbait (accessed 20 January 2020)

12. O'Donovan C. What is clickbait? // Nieman Foundation for Journalism. Nieman labs, www.niemanlab.org/2014/08/what-is-clickbait/ (accessed 20 January 2020)
13. Observatoire du journalisme // Air du temps, sites anti-complotistes et sites anti-fakenews, www.ojim.fr/air-du-temps-sites-anti-complotistes-et-sites-anti-fakenews/ (accessed 20 January 2020)
14. Sénécat A. «Ça doit se savoir», «Alter Santé», «Libre Info» : un seul homme derrière un réseau de désinformation, www.le-monde.fr/les-decodeurs/article/2018/11/13/ca-doit-se-savoir-alter-sante-libre-info-un-seul-homme-derriere-un-reseau-de-desinformation_5382951_4355770.html (accessed 20 January 2020)
15. Stackexchange, french.stackexchange.com/questions/19022/un-titre-clickbait-lemploi-en-adjectif (accessed 13 February 2020)
16. Upworthy, www.upworthy.com/ (accessed 11 March 2020)
17. Wiktionary, fr.wiktionary.org/wiki/pi%C3%A8ge_%C3%A0_clicks (accessed 20 January 2020)

About the authors:

Valeria A. Buriakovskaia – Doctor of Philology, Associate Professor, Head of Chair of English Philology, VSSPU (Volgograd, Russia). Spheres of research and professional interest: comparative studies, mass communication, discourse theory, intercultural communication. E-mail: vburyakovskaya@yandex.ru

Olga A. Dmitrieva – Doctor of Philology, Associate Professor, Head of Chair of Russian as a Foreign Language, VSSPU (Volgograd, Russia). Spheres of research and professional interest: theory of linguistic and cultural types, comparative studies, intercultural communication. E-mail: dmoa@yandex.ru

* * *

КОНЦЕПТ «КОРОВА» («БЫК») КАК АРХЕТИП В ДРЕВНИХ ПИСЬМЕННЫХ ТЕКСТАХ

А.Г. Гамбарова

Азербайджанский университет языков
AZ 1014 Баку, Азербайджан, ул. Рашида Бейбутова, 134

XXI век характеризуется как век глобализации и интеграции культур, что, безусловно, накладывает свой отпечаток на развитие когнитивной лингвистики. Когнитивное языкознание позволяет выявить и проследить закономерные основы возникновения и развития человеческого языка как общекультурного феномена жизнедеятельности человечества, а также его особенности в рамках национальной культуры, что в век высоких технологий содействует толерантности, религиозной терпимости и взаимоуважению народов. В статье проведён анализ мифологических и религиозных текстов разных народов и конфессий с целью выявления одного из архетипов К. Юнга. Речь идёт о коллективном бессознательном моделирующей функции определённых слов. Три столетия назад Р. Декарт назвал такого рода архетипы «алфавитом человеческих мыслей». В конце 1650-х годов это выражение находим у математика Блеза Паскаля, а в конце XVII века – в работах Г. Лейбница. Декарт, Паскаль, К. Юнг и некоторые другие известные учёные одними из первых в лингвистике и истории философских учений указали на важность изучения символических примитивов мысли в языковой культуре, которые, по их мнению, являются частью общей языковой картины мира. Одновременно проведён анализ, подтверждающий одно из основных положений современной когнитивной лингвистики о взаимовлиянии языка и культуры, о своеобразности языковой картины мира, положение, выдвинутое в средние века Э.Б. де Кондильяком, впоследствии провозглашённое В. Фон Гумбольдом и способствовавшее появлению теории лингвистической относительности Сепира-Уорфа.

В поле исследовательского зрения – сравнение и сопоставление лексем «бык» и «корова» в русском языке и хинди, и группе индонезийских языков. Исследование опирается на системный анализ известного антрополога К. Леви-Строса и на метод аналогии, широко применяемый лингвистами, культурологами, антропологами.

Ключевые слова: *концепт, интеграция культур, когнитивная лингвистика, мифологические тексты, взаимовлияние языка и культуры.*

Вопрос семантических примитивов языка своими корнями уходит в историческое прошлое и поэтому необходимо исследовать культурные пласты разных народов, мифологию в первую очередь, чтобы воссоздать полную картину «универсальных атомов смысла». По мнению известных современных мифологов С. и В. Веташ [5], именно когнитивная лингвистика рассматривает язык как средство познания мира. Следовательно, когнитивный анализ может помочь выявить ход мыслей человека в процессе эволюции, сравнивая соотношение

между субъективным восприятием мира человеком и объективным миром.

В статье «Семантика, культура и познание» А. Вежбицкая говорит об универсальных «элементарных человеческих архетипах», существующих в человеческом языке [4, с. 190]. А. Вежбицкая предоставляет список слов, «полученных путём эмпирического анализа отдельных семантических областей ряда европейских языков» [6, с. 190]. Если первично список включал четырнадцать единиц, то последующие исследования привели к его изменению и сокращению.

Автор отмечает, что впоследствии область её исследований расширяется, изменяется первоначальный ряд семантических примитивов, так как к анализу добавляются и эксплицитно выявленные единицы, полученные при сравнении «понятий, лексикализованных во всех языках мира» [4, с. 191].

Подход А. Вежбицкой, безусловно, плодотворен и актуален, он базируется на идеях Г. Лейбница, Р. Декарта, Б. Паскаля о наличии «алфавита человеческих мыслей», то есть элементарных смыслов или семантических примитивов, и нацелен на поиск лексических универсалий языка человеческого в целом. Вежбицкая справедливо утверждает, что решение данной проблемы, а именно проблемы «установления окончательного набора универсальных атомов смысла», является чрезвычайно актуальной и неотложной задачей лингвистической семантики, решение которой будет иметь очень важные последствия не только для лингвистики, но и для теории познания и культурной антропологии» [4, с. 193]. Однако, на наш взгляд, исследования, проводимые в области выявления универсальных атомов смысла человеческого языка, должны быть намного глубже, то есть проводиться на уровне двух срезов: синхронического и диахронического. Причём с учётом уже накопленного богатого антропологического опыта в такого рода исследованиях следует активнее привлекать мифологический материал, религиозные тексты различных народов и т.д. На наш взгляд, более точно высказывается по данному поводу К. Леви-Строс: «... диахроническое исследование должно объяснить синхронические явления», которые можно наблюдать во многих языках [8, с. 20].

Хотя в настоящей статье функционирование концепта «корова» («бык») мы рассмотрим в пределах группы индоевропейских языков, всё же считаем целесообразным дать небольшое пояснение. Во-первых, необходимо иметь в виду, что в индоевропейистике изначально существовал такой праязык, который не был засвидетельствован в письменности. По предположению В.Н. Топорова, с течением времени он (но всё же в пределах древнего периода) «постепенно начал распадаться на отдельные индоевропейские языки. Причём некоторые из них, хотя по географическому ареалу иногда и далеко отстояли друг от друга, в структурном отношении оказались близкими» [11, с. 209-210].

Во-вторых, наше обобщение вызвано необходимостью локализации объекта исследования. В

действительности, между «мёртвым» санскритом (древнеиндийский язык) и некоторыми современными европейскими языками имеется определённое сходство. На этот аспект обратил особое внимание лингвист Ф. Бопп. Сравнивая древние и новые языки, он, в частности, обнаружил сходство во флексиях, фонетических элементах и синтаксических особенностях отдельных слов [14]. Так учёный пришёл к заключению о сходстве и некоторых лексических значений указанных им лексем. Таким образом, обобщение в лингвистическом отношении носит условный характер.

Более чёткий и конкретный характер оно приобретает в тех случаях, когда сравниваются и сопоставляются слова двух или нескольких философских систем. В них, в группе индоевропейских языков, очень сильно влияние религиозных воззрений. Правильно подчёркивал видный исследователь индоевропейских языков М.М. Маковский, что философско-религиозные воззрения древних приобретали существенное ритуальное действие, которое, в свою очередь, оказывало заметное влияние и на развитие языков, так как тесно было связано с религиозной символикой» [9, с. 84-85].

Не становится исключением и концепт «корова» («бык»), приобретающий в индоевропейских языках древнего периода не только религиозно-символический, но и архетипический характер. Интересно, что В.И. Абаев, автор одной из объёмных монографий, среди большого количества имеющихся зоонимов выделял именно концепт «корова». Возможно, преувеличивая, он тем не менее писал: «Из каждого слова, которое мы употребляем, глядят на нас не сорок веков, а по меньшей мере сорок тысячелетий. И если бы не привычность и обыденность повседневной речевой практики, какое-нибудь слово «корова» должно было бы в большей степени приводить нас в священный трепет своей подавляющей древностью, чем все египетские пирамиды» [1, с. 14]. Несмотря на гиперболизацию сопоставления, суть данного зоонима схвачена, на наш взгляд, верно.

Симптоматично, что определённые слова, выражения или термины, включая избранные нами зоологизмы, уже принимают различные значения. К примеру, лингвисты нередко сталкиваются с тем фактом, что названия животных, равно как и слова из других сфер употребления, в переводе на другие индоевропейские языки отличаются от наименований на родном языке.

Схематично обобщая, можно отметить искажения, отступления, смысловые несоответствия и т.д. Если же конкретизировать, то в процессе перевода некоторых зоонимов на русский язык они употребляются как ФЕ или же принимают диаметрально противоположные значения. В том и другом случаях перевод далеко не всегда, к сожалению, оказывается корректным.

Подтвердим отмеченное примерами. Так, общеизвестно, что хинди входит в обширную группу индоевропейских языков. В ней мы и можем обнаружить религиозные воззрения, направленные на охрану и отчасти неприкосновенность священных животных (корову – в первую очередь), которые в зависимости от семантической значимости разделены на две группы. Первая группа носит название «astika», что в переводе с санскрита означает «есть»; «существует», вторая группа называется «nastika», что в переводе с того же языка означает «утверждающие» либо, напротив, «отрицающие».

Функционирование в древних индоевропейских языках полярных смыслов в наименованиях животных, «коровы» («быка») в том числе, имеет своё объяснение. Существо дела заключается в том, что индоевропейские корни с течением определённого времени видоизменялись. Точнее, изменениям подвергались некоторые их элементы (форманты). Тем не менее, некоторые лингвисты склонны были видеть в этих изменениях вообще совершенно разные корни. А это неверно. Модификация форм, как правило, не означает потери семантики. Но всё-таки реконструируется мотивированность лексического значения слов, например, возможны процессы пересечения или же контаминация корней, связанные как с естественным процессом развития самого языка, так и с географическими факторами, изменениями в истории, культуре народа, религии, этнографии и т.д.

На подобные корневые изменения указывает, к примеру, упомянутый В.Н. Топоров. В ряду приведённых им семасиологических параллелей есть и интересующие нас зоонимы. Так, от индоевропейского корня *-ker-* образуется русск. «кустарник». Однако от того же корня и «корова» и «лань». Эти животные – травоядные. Отсюда, по Топорову, литературное *Serti*, что означает «кормление, или питание коров».

Этот же учёный в своей «Этимологии» добавляет существенную деталь, имеющую религиозное значение. Так, корова или бык, а также ягнята, бараны, овцы, свиньи являются жерт-

венными животными. В индоевропейских языках они олицетворяют «пиры, празднества, еду, удовольствие» [12, с. 140]. (Нас смущает только тот факт, что в этот ряд Топоров включает и собаку, которая, как известно, во многих странах жертвенным животным не является). Более того, корова и бык приобретают архетипическое значение в древних родо-племенных отношениях, так как перед этими животными преклонялись, их почитали, приносили в дар богам. В свою очередь колдовство над коровой превращалось в ритуальное действие.

Что же касается корневых изменений, то М.М. Маковский чаще рассматривает детёнышей коровы и быка – телёнка. Умерщвления животной плоти соотносится с индоевропейским корнем – *ter*, что в русском языке означает «резать». А рождение телёнка на свет, соответственно, противоположно его убийству, смерти. Поэтому в названной монографии он приводит ещё и такое соответствие: средне-нидерландское «*telen*» – рожать, производить на свет. В индоевропейских языках, где телёнок и корова – священные животные, они связаны с образом света и горения. Поэтому от нидерландского (или общеевропейского) корня «*telen*» возникает эллиптическая форма «*tal*» – «гореть», «сиять», а также «вскармливать», «кормить», «оплодотворять», но не «резать», «убивать», «уничтожать». К тому же «телёнок» или «корова», как и ягнёнок в древних индоевропейских языках, ещё и почитались как «жертва» – «*yagas*».

Отношение к определённым словам, фактам, явлениям определяется в зависимости от религиозного верования мусульманских обществ. В нашем случае особое отношение к корове исконно существует в Индии. Эта лексема, согласно индийским верованиям, относится к первой группе («astika»). «*Eka gaau*» – корова. Действительно, и по сегодняшний день стада коров бродят в почёте и уважении по улицам городов одной из самых древних цивилизаций – индийской. В Индии, имеющей близкие к зороастризму культурные традиции, она – священное животное, воплощение божественного духа, и в большинстве штатов забой коровы, дающей молоко, считается преступлением.

Показательно в лингво-культурологическом плане, что в Индонезии лексема «корова» («*Ika gacow*»; «*sukur gari*») отдалена от верований зороастризма. Поэтому соответственно и имеет несколько иной смысл. Но следует заметить: такое сравнение некорректно в языковом отно-

шении, поскольку языки двух названных стран принадлежат к разным языковым группам и по этой причине генетически несравнимы.

Следовательно, в нашем случае следует говорить лишь о религиозно-философских воззрениях, относящихся ко второй группе («*nastika*») В чём же лингвистическая разница? Она не принципиальная в буквальном смысле, но всё же в лингвистическом отношении ощутимая. То есть в Хинди «*Ek gaau*» ассоциируется не столько со словом «священная», сколько с выражением «неприкосновенное животное». Это слово имеет сакральный смысл и тесно связано с мироощущением народа в целом. Эта лексема в широком смысле употребляется в значениях «принятие» и «бытие», а в узко религиозном – «правовверный» или «неправовверный». «Правовверными» в Индии считаются те, кто принимает за основу своих воззрений Веды, а «неправовверными» – их не принимающие. Эта информация интересует нас по той причине, что переводчику «*Ek gaau*» с хинди на русский непременно приходится считаться с религиозным подтекстом. А именно: к какой системе относится лексема «корова» – к джайнизму, буддизму, тантризму, шактизму, реалистическому либо пантеистическому мировоззрению автора, включающего её в текст. Ведь в зависимости от перечисленных систем необходимо выбрать верный эквивалент на русском языке. С одной стороны, делается упор на неприкосновенности этого животного вообще, с другой, внимание сосредоточено только на его священнодействии. Между этими понятиями есть определённая разница.

Халафская культура, предшествующая культуре древнего Шумера, возникла, по предположению исследователей, в VII тысячелетии на севере Месопотамии. «Эта культура характеризуется особым почитанием быка» [2, с. 47]. А. Белов проводит параллель между словом «гамеш», переводимом с курдского языка как «буйвол», и последующим появлением «самого популярного героя Шумера – Гильгамеша» и приходит к выводу, что образ Гильгамеша универсален и древнее истории Шумера, так как «найлены фрагменты сказания о герое на хеттском и хурритском языках, а также на аккадском и древнем языке Палестины» [2, с. 47]. А в курдской культуре непосредственно был широко распространён «культ быка Га» [2, с. 47].

Все мифологи единодушны в том, что невозможно анализировать мифы без знакомства с наследием древней Месопотамии, колыбели

многих цивилизаций и культур. Конечно, на первом месте стоит миф Энума Элиш о творении и эпос, посвящённый шумерскому герою Гильгамешу. Из мифа о творении узнаём, что союз бога неба Ана и земли богини Ки рождает бога воздуха Энлиля. Энлиль создаёт мотыгу для людей. Бог мудрости Энки также занят созидательной деятельностью, поскольку «вместе с Энлилем по всей стране он умножил изобилие [6, с. 20].

Энки продолжает созидание – он строит хлева и овчарни, покровительство над которыми поручается богу-пастуху Думузи. Сочетание «священная борозда» говорит о том огромном значении, которое древние придавали процессу засеивания полей и быку, которого «направляет» сам бог.

В древние времена вновь упоминается о быках встречается в эпосе о Гильгамеше. Богиня Иштар очарована красотой Гильгамеша, но он не разделяет её чувств. Оскорблённая богиня просит богиню Ану создать Небесного Быка и отомстить за неё. «Быка отправляют на землю и он совершает опустошительный набег на Урук, но в конце концов Гильгамеш и Энкиду убивают его» [6, с. 43].

Далее, в тот же древнейший период в египетской культуре бык/корова имели особый смысл. В эпоху Нового царства бог Амон, имеющий огромное значение, был «быком для своего города» [2, с. 27]. Культ быка был популярен в Египте вплоть до прихода римлян, о чём свидетельствует храм быку Апису, построенный Птолемеем V. Апис имел 29 отличий, «которые были известны жрецам» [2, с. 71], в силу которых он становился священным. Апис «являлся объектом поклонения в Мемфисе как инкарнация Осириса и вторая жизнь Пта» [2, с. 72]. Но Апис был не единственным – были «бык Гелиополя Мневис и бык Бахис, и бык Какама, которые, несомненно, также обладали особыми отметинами» [2, с. 72]. К примеру, «Быку Мневису, по-египетски Немуру, поклонялись в Гелиополе, как «живущему богу солнца» и повторению жизни Ра и Осириса [2, с. 76]. Безусловно, каждый бык был для своего города воплощением той или другой ипостаси божества и являлся объектом поклонения. Для египтян бык олицетворял силу и мужественность, а корова – плодovitость.

Особняком стоит вопрос об использовании данных лексем в языках древнегерманских племён. В качестве сравнения следует указать на руническое письмо как одно из самых крупных

культурных достижений. На заре переселения народов этому письму приписывались мистические свойства. Неслучайно, что первые два знака этого письма «Fehu» – «скот, имущество» и «Uruz» – «зубр». Как видим, ещё в более ранние времена, точнее, в руническом письме, уже указаны «дикие собратья коровы», причём о них было сказано первым порядком. Естественно, такой выбор был неслучайным, а продиктован апостериорно, то есть в иерархии жизненно важных элементов для выживания и деятельности древние германцы определили каждому элементу окружающей действительности свою «заслуженную» и выявленную опытом нишу.

Необходимо подчеркнуть, что «корова» и «бык», употребляющиеся как метафоры, считаются в русском языке одними из самых распространённых и экспрессивных. Однако сфера употребления дефиниций у «коровы» заметно шире и частота больше. Причём, форма женского рода в соперничество с «быком» входить не может. В Толковом словаре Ушакова она употребляется в четырёх значениях, среди которых первое – «самка крупного рогатого скота», которое может определить как основное номинативное. Последующие – «дойная корова», «молочная корова» и «бодливая корова» могут быть квалифицированы как номинативно-производные. Они носят гиперономический характер по отношению к основному номинативному. «Бодливая корова» снабжена пометой «просторечное» – так говорят о драчуне. Наконец, в словаре даётся вульгарно-просторечное выражение – когда говорят о неуклюжей и толстой женщине: «Корова этакая!».

О последнем значении нам хотелось бы сказать особо. Оно восходит ещё к Библии, и в его основе лежит стандартная ситуация: полнота женщины непосредственно ассоциировалась с этим словом. Однако в мифологии лексема носила сакрально-божественный характер. Чтобы в этом убедиться, целесообразно, на наш взгляд, обратиться к некоторым произведениям величайших древнегреческих драматургов. Так, в облике коровы выступает любовница Зевса – превращённая девушка по прозвищу Ио (Эсхил «Прометей прикованный»). Но уже в некоторых комедиях Аристофана «корова» употреблялась исключительно в бытовом значении. Возможно, здесь определённую роль сыграли законы жанра. Трагедии, как известно, писались «высоким слогом» и употреблять данную лексему в уничижительном значении считалось некорректным, если не безнравственным. Комедии же создава-

лись «низким языком». Поэтому в творчестве Аристофана актёры нередко надевали маски коровы, тем самым демонстрируя полноту женщин, что вызывало у зрителей улыбку. Таким образом, на протяжении нескольких веков сохранялся образ, безусловно, полезного для человека, но беззащитного животного. Большие размеры коровы дисгармонировали с зоологическим видом – не хищник, а травоядное животное.

Как отмечалось выше, сфера употреблений лексемы «бык» уже. В Толковом словаре Ушакова в качестве основного номинативного значения приведено «самец коровы». Среди номинативно-производных находим выражения «племенной бык» и «олений бык». Далее, выражение «Устой моста» Ушаковым приведено с пометой техническое. А с пометой разговорное – «Упёрся, как бык».

Во фразеологической парадигме реализуются коннотации шутовости, иронии, пренебрежительности. Ушаков указывает на два фразеологизма. С лексемой «корова» – «Словно корова языком слизала» (говорящий не обнаруживает вещи на привычных местах). С лексемой «бык» – «Брать быка за рога» – то есть уверенно братья за какое-либо конкретное дело, мероприятие.

Несколько беднее сфера употребления настоящих лексем в «Словаре молодёжного сленга». В частности, в нём «корова» вообще не обозначена. Однако семантические множители лексемы «бык» получают здесь своё дальнейшее развитие. А именно, «бык» – это «Волевой человек, по виду которого можно определить, может ли он постоять за себя». Или: «Применяется непосредственно к человеку, который не живёт по понятиям». И в качестве примера Словарь приводит такие выражения: «Ты чё дерзишь?» «Ты чё бычишь?».

Из отмеченного в словарях русского языка становится ясным, что архетип «корова» и «бык» как архетипы актуализируют ассоциации с тем или иным человеком, а также предметом нематериального мира в зависимости от цели высказывания. И показательно, что у разных наций и народностей он приобретает как лингвистическое, так и культурологическое значение.

В Библии краткое упоминание о корове происходит в сказании об Иосифе. Фараон видит сон о семи тучных и семи тощих коровах, вышедших из реки. Иосиф истолковывает это как урожайные и засухливые годы, сменяющие друг друга. Следующее упоминание о тельце связано с одним из самых наказуемых Богом Израиля

святотатств. Библия гласит, что Господь хотел истребить столь «необузданный» народ за такое богопротивное деяние, но только мольбы Моисея отвратили его от этой мысли. Впоследствии, простив народ Израиля, Господь готов принять жертву из крупного скота мужского пола, что, по всей видимости, подразумевало быка, так как жертва из мелкого рогатого скота, овец и птиц оговаривается отдельным пунктом [3]. Символично то, что на требования «делать Бога» Аарон, выходец из Египта, отливает ни какое-то другое животное, а тельца, и как тут не вспомнить о Хатхор.

Следующий принципиальный, определяющий, момент в иудаизме также связан с тельцом. Закономерен тот факт, что евреи, вышедшие из наполненного ритуалами Египта, знакомые с культом Аписа и других священных быков, получают заветы, отличные от предыдущих верований и примет: жертва, принесённая иудеями, не должна иметь особых признаков кроме цвета: предписывается однотонная корова – рыжая, некоторые источники говорят о красной.

Необходимо отметить, что даже сегодня красная или рыжая корова без изъяна, являясь биологической аномалией, отражает древнееврейскую ритуальную традицию. Небезынтересно, на наш взгляд, попутно заметить, что с такого рода биологическими аномалиями нередко можно столкнуться в религиозных системах и других народов. Ярким примером может служить широко известный огузский эпос «Китаби Деде Коркут», в котором наряду с чёрными и белыми лошадьми в массе своей употребляются также и несуществующие в природе красные, рыжие и в особенности синие морские лошади. Оказывается, как красные и рыжие коровы, они тоже употреблены в эпосе в символическом ключе. Только синие лошади в «Китаби Деде Коркут» – это, как нам представляется, особая буква «алфавита человеческих мыслей»; они имели религиозный оттенок, считались снизошедшими с небес и имели прямое отношение к божеству.

Особое место занимает бык и корова у древних индоиранцев, в зороастрийской мифологии и «Авесте». Как указывает Рак, Заратуштра появляется в то время, когда «иранские племена по большому числу уже переходили к оседлой жизни... В «Гатах» превозносится «мирная пастьба», плодovitый тучный скот» [10, с. 23]. И здесь же

провозглашается один из основных этикетов новой религии. В среднеперсидской традиции расклад мироздания был таков: сначала сотворено небо, затем вода, третьей была земля, четвёртым творением Ахура Мазды были растения, пятым был Первозданный Бык и последним был Первый человек – Гайя Мартан.

Ещё одна культура, имеющая богатую мифологию, китайская, не обошла быков своим вниманием. Был в Китае когда-то бог солнца Янь-ди. Янь-ди помогал людям во всём: научил сеять злаки. Следующий китайский миф – о том, как быки используются в качестве приманки для врага. Правитель государства Цинь, Хуэй-ван, хотел подчинить себе государство Шу. Но Шу жил в горной, труднодоступной местности. Хуэй-ван идёт на хитрость: «Он приказал соорудить пять каменных быков и велел каждый день класть под них кусочки золота. Потом он распустил ложные слухи о том, что эти быки были волшебные и из-под них каждый день выгребают кучи золота» [13, с. 186]. Далее, повествует миф, правитель Шу соблазняется слухами и прокладывает дорогу к своей стране, чтобы перевезти быков. Дорогу назвали «дорогой золотых быков», быков привезли, но золота, конечно, не было. Или ещё один миф, в котором упоминается о быках. Ли-бин получил во владение область Шу. Каждый год дух реки Янцзы получал в жёны двух красивых девушек, в противном случае «он поднимал громадные волны до неба, вызывая наводнение» [13, с. 188]. Ли-бин вызывает дух реки на бой, он принимает облик быка и дерётся насмерть. Поединок отнимает у него много сил, и он обращается за помощью к народу.

Сегодня, в XXI веке, избранная нами тема статьи продолжает быть актуальной. Архетип «коровы» и «быка» следует считать фрагментом языковой картины мира. И изучение данной темы важно как в синхроническом, так и диахроническом срезе. Другими словами, эта тема затрагивает интересы человека античного мира, монотеиста времён Моисея и мусульманина, чья священная книга Коран имеет 114 сур, а самая большая сура, вторая, кстати сказать, называется именно «Корова» [7]. Эти лексемы имеют архетипическое значение и в европейских культурах, но это является уже темой отдельного исследования, выходящего за рамки настоящей статьи.

Список литературы

1. Абаев В.И. Понятие идеосемантики // Язык и мышление. Москва-Ленинград, Издательство Академии наук СССР, 1948, выпуск XI, с. 13-28.
2. Белов А. Путь ариев. М., 2009, 224 с.
3. Библия, Изд.5-ое. М., 2016, 1376 с.
4. Вежицкая А. Семантика, культура и познание: общечеловеческие понятия в культуроспецифических контекстах. URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/wierzbicka-93.htm> (Дата обращения: 13 декабря 2019)
5. Веташ С.и В. Астрология и мифология. С-Петербург, 1998,1072 с.
6. Евсюков В.В. Мифы о Вселенной, Новосибирск, 1988, 170 с.
7. Коран. Перевод академика К. Крачковского. URL: <https://falaq.ru/quran/krac/> (Дата обращения: 05 октября 2019)
8. Леви-Стросс К. Структурная антропология. М. 2001. 512 с.
9. Маковский М.М. Удивительный мир слов и значений. Иллюзии и парадоксы в лексике и семантике. М.: Высшая школа. 1979. 200 с.
10. Рак И.В. Зороастрийская мифология, М. 1998. 560 с.
11. Топоров В.Н. Миф, ритуал, символ, образ: исследования в области мифопоэтического: избранное. М.: Наука, 1995, 624 с.
12. Топоров В.Н. Из славянской языческой терминологии: индоевропейские истоки и тенденции развития // Этимология. М.: Наука, 1989. 256 с.
13. Юань Кэ. Мифы древнего Китая, «Наука», М.:1987. 527 с.
14. Bopp Fr. A comparative Grammar of the Sanscrit, Zend, Greek, Latin, Lithuanian, Gothic, German, and Sclannic Languages. London. Cambridge University Press, April, 2011. 311 p.

Сведения об авторе:

Гамбарова Афаг Гасан гызы – доктор философии по филологии, доцент Азербайджанского университета языков (Азербайджан, Баку). E-mail: sevinc.n@mail.ru

CONCEPT “COW” (“BULL”) AS AN ARCHETYPE IN ANCIENT WRITTEN TEXTS

A. G. Gambarova

Azerbaijan University of Languages
134 Rashid Beybutov St., Baku AZ 1014, Azerbaijan

Abstract: *The 21st century is characterized as the century of globalization, the integration of cultures, which, of course, leaves its mark on the development of cognitive linguistics. Linguistics as a science of language, reflects all the changes that occur in the thinking and speech behavior of modern society. Cognitive linguistics makes it possible to identify and trace the logical foundations of the emergence and development of the human language as a general cultural phenomenon of human life and its features within the framework of a national culture. Cognitive studies in the language bring people together with different levels of development, culture and religious affiliation, which is necessary in the high-tech age, as they promote tolerance, religious tolerance and mutual respect. The article analyzes the mythological and religious texts of different peoples and faiths in order to identify one of C. Jung's archetypes. It is a collective unconscious modeling function of certain words. Three centuries ago R. Descartes called such archetypes “the alphabet of human thoughts”. Then this expression was partially used in the late 1650s by the mathematician Blaise Pascal, and later applied in the works of G. Leibniz at the end of the 17th century. It is noteworthy that Descartes, Pascal, C. Jung and some other famous scholars were among the first in linguistics and the history of philosophical teachings to point out the importance of studying the symbolic primitives of thought in linguistic culture. They believed that such archetypes, thanks to symbolism, are part of the general linguistic picture of the world. At the same time the analysis was carried out, confirming one of the main provisions of modern cognitive linguistics about the interplay of language and culture, the*

originality of the linguistic picture of the world put forward in the Middle Ages by E. B. de Condillac, later proclaimed by W. von Humbolt, and underlying Sapir-Wharf's theory of linguistic relativity.

Not trying to "grasp the immensity", the author of the article did not set a goal to indicate the use of the tokens "bull" and "cow" in different ancient languages. For example, in Asia and the East they acquire individual meaning in the group of Semitic languages (Arabic, etc.) or Turkic-speaking (Turkish, etc.). They are beyond the scope of our study. Comparisons and comparisons of these lexemes only in Russian and Hindi and a group of Indonesian languages come into view. Some other isolated parallels relate to the so-called "background information". The study relies on a systematic analysis of the famous anthropologist K. Levy-Strauss and on the analogy method, widely used by linguists, culturologists, and anthropologists.

Key Words: *concept, cultural integration, cognitive linguistics, mythological texts, the influence of language and culture*

References

1. Abayev, V.I. Ponyatie ideosemantiki [The concept of ideosemantics] // Yazyk i myshlenie. Moskva-Leningrad. Izdatelstvo Akademii nauk SSSR. 1948. Vypusk XI. s. 13-28.
2. Belov, A. Put ariev [Way of the Aryans]. M. 2009. 224 s.
3. Bibliia [The Bible]. Izd. 5-oe. M. 2016, 1376 s.
4. Vezhbickaia, A. Semantika, kultura i poznanie: obshechelovecheskie poniatia v kulturospetsificheskikh kontekstakh [Semantics, culture and cognition: universal concepts in culturally specific contexts], www.philology.ru/linguistics1/wierzbicka-93.htm (Accessed: 13 December 2019)
5. Vetash, S.i V. Astrologiia i mifologiia [Astrology and mythology]. S-Peterburg: 1998, 1072 s.
6. Evsyukov, V.V. Mify o Vselennoi [Myths about the Universe]. Novosibirsk: 1988, 170 s.
7. Koran [The Quran]. Perevod akademika K. Krachkovskogo, falaq.ru/quran/krac/ (Accessed: 05 October 2019)
8. Levi-Stross, K. Strukturnaya antropologiya [Structural anthropology]. M.: 2001. 512 s.
9. Makovskiy, M.M. Udivitelny mir slov i znacheniy. Illiuzii i paradoksy v leksike i semantike [An amazing world of words and meanings. Illusions and paradoxes in vocabulary and semantics]. M.: Vysshaya shkola. 1979. 200 s.
10. Rak, I.V. Zoroastriiskaia mifologiia [Zoroastrian mythology]. M.: 1998. 560 s.
11. Toporov, V.N. Mif. ritual. simvol. obraz: issledovaniia v oblasti mifopoeticheskogo: izbrannoe [Myth. ritual. simbol. image: issledovaniia v oblasti mifopoeticheskogo: izbrannoe]. M.: Nauka. 1995. 624 s.
12. Toporov, V.N. Iz slavianskoy iazycheskoy terminologii: indoevropeskie istoki i tendentsii razvitiia [Iz slavianskoy iazycheskoy terminologii: indoevropeskie istoki i tendentsii razvitiia] // Etimologiia. M.: Nauka. 1989. 256 s.
13. Yuan, Ke. Mify drevnego Kitaia [Myths of Ancient China]. «Nauka». M. 1987. 527 s.
14. Bopp, Fr. A comparative Grammar of the Sanscrit, Zend, Greek, Latin, Lithuanian, Gothic, German, and Sclannic Languages. London. Cambridge University Press, April, 2011, 311 p.

About the author:

Gambarova Afag Hasan – Doctor of Philosophy in Philology, Associate Professor of Azerbaijan University of Languages; E-mail: sevinc.n@mail.ru

* * *

ЛОЗУНГ В ИСПАНСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ: КОГНИТИВНО-ЯЗЫКОВОЕ И ПРАГМАТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

М.В. Ларионова

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИИД России, 119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

В статье исследуется когнитивно-языковое своеобразие и прагматический потенциал испанских политических лозунгов как неотъемлемой части политической коммуникации. Актуальность работы, проводимой в рамках комплексной методики, сочетающей дискурсивный, прагматический и контент анализ, определяется необходимостью углублённого изучения когнитивно-прагматических и дискурсивных механизмов воздействия на общественное сознание и поведение с целью распознавания и противостояния манипулятивным тактикам. Лозунги являются разновидностью дискурсивных текстов и функционируют преимущественно в коммуникативно-прагматических контекстах «Протесты» и «Выборы». Их иллокутивная характеристика определяется сферой употребления: для протестных лозунгов доминирует требование как основной речевой акт, в то время как для электоральных – главной задачей остаётся стремление привлечь избирателей на свою сторону, заставить отдать голоса за определённого кандидата или партию. Благодаря языковым, прагматическим и структурным особенностям лозунг выступает как средство воздействия на концептуальную картину мира адресата и как механизм управления его мнением и поведением. Адресант, заинтересованный в успешности лозунга, строит информационное сообщение с учётом того, как оно должно быть интерпретировано получателем, на которого ориентировано. Метафоры и иные языковые приёмы задают нужный автору вектор восприятия сообщения и алгоритм поведения, а также когнитивно интегрируют образы и символы, которые нередко становятся прецедентными для национального языкового коллектива.

Ключевые слова: *политический дискурс, дискурсивная прагматика, лозунг, протестный лозунг, электоральный лозунг, метафора, прецедент, перформативность, эмпатия*

Политический дискурс представляет особую институционально-личностную коммуникативную практику, в которой, по утверждению Е.И. Шейгал, к сфере политики относится по крайней мере одна из его составляющих: содержание сообщения, его субъект или адресат [14, с. 23]. Интенционально политический дискурс как многоаспектное явление направлен на завоевание, осуществление и удержание власти в обществе [3], [12], [13], [14]. При этом дискурс, понимаемый как коммуникативное событие, действие и его результат – текст или высказывание, – реализуется в определённом социально-политическом контексте, и на

его интерпретацию оказывают существенное влияние не только языковые, но и экстралингвистические факторы, относящиеся к прагматике коммуникативной и социальной ситуации [2]. Функционально политический дискурс ориентирован на то, чтобы путём убеждения, суггестивного воздействия или стратегии манипулирования влиять на социальное поведение, мнения или суждения потенциального электората, призывать к действию или, наоборот, к бездействию в интересах адресанта сообщения [5]. Именно фактор достижения поставленных коммуникативных целей определяет эффективность политического дискурса.

Одним из важных инструментов политической коммуникации является лозунг, который представляет собой лаконичную фразу, призванную отразить суть политического сообщения, и обеспечивает взаимодействие между адресантом сообщения и его аудиторией. Лозунг как жанр политических текстов преимущественно имеет устойчивую клишированную форму, структурируется в виде утвердительного или восклицательного предложения, реже, вопросительного, характеризуется целенаправленной заданностью, информативностью содержания и, как правило, оригинальностью формы.

Целью статьи является исследование когнитивно-языкового своеобразия и прагматического потенциала испанских политических лозунгов как неотъемлемой части политической коммуникации. Актуальность работы, проводимой в рамках комплексной методики, сочетающей дискурсивный, прагмалингвистический и контент анализ, определяется необходимостью углублённого изучения когнитивно-прагматических и дискурсивных механизмов воздействия на общественное сознание и поведение для распознавания и противостояния манипулятивным тактикам.

Функционирование лозунга в рамках политического дискурса подчинено главной задаче – привлечь внимание адресата с целью оказать на него оптимальное воздействие – и обусловлено когнитивно-языковыми и прагматическими характеристиками, а также конкретным социально-политическим контекстом, в котором он реализуется. Перлокутивный (в терминах теории речевых актов [6], [9]) или воздействующий эффект политического лозунга, понимаемый как влияние дискурсивного текста на сложившуюся систему суждений и поведение адресата в интересах адресанта, реализуется успешно в том случае, если адресант учитывает при его создании факторы, которые являются релевантными при интерпретации текста адресатом.

Термин *лозунг* приоритетно используется в российских дискурсивных исследованиях политической коммуникации [7], [8], [11], [13] наряду с понятиями *слоган*, *девиз*, *призыв*. Не ставя в статье задачи разграничить функционирование вышеуказанных квазисинонимичных номинаций, отметим, что традиционно концепт *слоган*, пришедший из западной терминологии, употребляется в применении к рекламному дискурсу [1], [10], [15], а лексем *девиз* и *призыв* лишены самостоятельного и устойчивого терминологи-

ческого значения в политической дискурсивной парадигме.

В силу краткости лозунг не содержит аргументации, его дискурсивное воздействие актуализируется, как правило, благодаря суггестивному эффекту, который создаётся в результате взаимодействия языковых компонентов и экстралингвистических условий их употребления в конкретном коммуникативно-прагматическом контексте. Информация внушается адресату, побуждая его к действию, и апеллирует не к разуму, а к чувствам и эмоциям, программируя необходимое социальное поведение.

В политическом дискурсе лозунги, выступающие как способ выражения позиции адресанта, преимущественно используются в прагматических ситуациях «Выборы» и «Протесты». Конкретная коммуникативно-прагматическая обстановка порождает особый тип, или разновидность, дискурса – *электоральный дискурс*, *митинговый дискурс* (термин А.П. Чудинова) – и оказывает влияние на когнитивное содержание и языковое оформление лозунгов, а также на поведение участников, которые «вольнo или невольнo ведут себя именно так, как это принято в соответствующей ситуации» [13].

Лозунг как часть *электоральной* и *агитационной* стратегии служит для того, чтобы представить в качестве основных в сжатой, образной и запоминающейся форме политические взгляды и идеологические принципы, которые защищает политическая партия, платформа, движение или их лидеры для реализации своей деятельности на определённом этапе.

Протестные лозунги, как правило, аккумулируют социальное недовольство существующим положением дел, являются отражением кризиса в отношениях между властью и народом и отличаются высокой степенью эмоциональности и экспрессивности, которая имплицитно в дискурсивном тексте. В соответствии со своими иллокутивными характеристиками, они выполняют:

- функцию *констатации* проблем, которые игнорируются властью, хотя нуждаются в срочном решении: *Hasta los pulmones de tantas emisiones* – Мы сыты по горло выхлопами; *Me sobra mes a final de sueldo* – Моя зарплата закончилась, а конца месяца и не видно; *No falta el dinero. Sobran ladrones* – Не в том дело, что не хватает денег. Воров слишком много; *No es una crisis, es una estafa* – Речь не о кризисе, речь о мошенничестве;

- функцию *требования* определённых действий: *No debemos, no pagamos* – Мы ничего не должны, мы ничего не будем платить!; *¡Ni PSOE ni PP! No nos representan. ¡Que se vayan!* – Ни ИСПП, ни НП! Нет, они нас не представляют! Пусть они уйдут!; *Queremos respuestas* – Нам нужны ответы; *Gobierno dimisión por corrupto y ladrón* – Правительство в отставку, за коррупцию и воровство; *Sánchez, coge el teléfono* – Санчес, сними трубку!; *España, siéntate y habla* – Испания, сядь и начни диалог; нередко в форме вербальной агрессии: *Si no nos dejáis soñar, no os dejaremos dormir* – Если вы лишите нас мечты, мы лишим вас сна;

- функцию *призыва* к изменению неудовлетворяющей протестующих ситуации: *¡Futuro para León!* – Будущее для Леона!; *No al bipartidismo, no a una democracia corrupta* – Нет двухпартийной системе, нет коррумпированной демократии; *¡Por una España unida! ¡Elecciones ya!* – За единую Испанию! Выборы сейчас!

Протестные лозунги, как правило, отражают актуальную политическую повестку дня. Они транслируют определённый набор идей и требований, которые формируют содержание и идеологию протестной аудитории или оппозиционной власти политического движения, платформы, и в большей или меньшей степени разделяются гражданским сообществом. Так, в 2014 году в Испании на волне протестного движения «Возмущённых» (*Los indignados*) на испанскую политическую сцену в качестве самостоятельного политического актора буквально ворвалась партия Подемос, покончив, тем самым, с просуществовавшей почти сорок лет двухпартийной системой. Успешная возможность «штурмовать небеса» – *asaltar los cielos* [16], политическая метафора лидера партии П. Иглесиаса – реализовалась благодаря тому, что лидеры Подемос грамотно воспользовались историческим моментом и заявили о себе, интегрировав в *антисистемный* дискурс партии народные протестные лозунги, их метафоры и концепты, ставшие частью партийной программы: *No somos antisistema, el sistema es anti-nosotros* – Мы – не антисистема, это система против нас; *Error del sistema* – Ошибка системы; *Lo llaman democracia y no lo es* – Они называют это демократией, но это не демократия; *Esto no es una cuestión de izquierda contra derechas, es de los de abajo contra los de arriba* – Речь не о борьбе левых против правых, это борьба тех, кто внизу, против тех, кто наверху; *Cuando los de abajo*

se mueven, los de arriba se tambalean – Когда те, кто внизу, приходят в движение, те, кто наверху, ощущают дрожь.

Понимая политический дискурс как целенаправленное социальное действие (*nombra es hacer política* [20, p. 88]) и отразив в нём проблематику глубокого народного недовольства, Подемос превратила дискурсивную метафору *los de arriba y los de abajo* – те, кто наверху и те, кто внизу – в ключевой концепт своей коммуникационной стратегии на начальном этапе деятельности: *los de arriba* – те, кто наверху – меньшинство, стоящее у власти, виновно в системном кризисе в стране, а *los de abajo* – те, кто внизу – это большинство испанцев, те, кто пострадал от кризиса, глубоко разочаровался в системных политиках и требует решения серьёзных социальных проблем. Именно они потенциально составляют электорат, голоса которого определяют расклад политических сил в стране.

Особое место в политической коммуникации занимают предвыборные лозунги, концентрирующие программную идею политической партии, платформы или движения и служащие для их репрезентации в прагматической ситуации «Выборы». Лозунг, с одной стороны, выступает как своего рода визитная карточка для политического актора, а с другой, является непосредственным отражением исторических событий, документирующих эпоху. Традиционно в рамках электоральной кампании лозунги представляют единство текстового и визуального, имиджевого, компонентов, обеспечивающих целостность восприятия послания, отражающего суть избирательной программы и политического курса партии.

Испанская политическая история транзита от авторитарного режима Франко к демократическому обществу прошла через несколько этапов. Конкретная социально-политическая ситуация всегда служит событийно-прагматической рамкой, определяющей ключевые концепты и метафоры, необходимые адресанту сообщения для того, чтобы донести основную идею, которую он ориентирует на широкий круг возможных избирателей, чьи голоса стремится получить в ходе выборов. На это обращает внимание испанский политолог Х. Пастор (Jaime Pastor), утверждающий, что «*los eslóganes, implícita o explícitamente, giran en torno al clivaje nacional-territorial y a sus respectivas ideas de España*» [19] – лозунги имплицитно и эксплицитно обусловлены непростой национально-территориальной спецификой Испании и её идеологической репрезентацией.

Выбор языковых и визуальных средств для политического лозунга подчиняется необходимости найти решение двуединой задачи: в наилучшей форме отразить специфику исторического момента, обеспечивая тем самым эмоциональный контакт между адресантом и получателем дискурсивного послания, что позволяет воздействовать на предвыборные ожидания электората. С другой стороны, его цель – идентифицировать политического актора, выделить его среди политических конкурентов как наиболее адекватного и перспективного. Самыми употребительными в испанских политических лозунгах являются метафорические концепты *España* – Испания, *voto* – голос, *progreso* – прогресс, *cambio* – перемена, изменение, *ahora* – сейчас, теперь, *momento* – момент, *siempre* – всегда, *juntos* – вместе, а также личные местоимения *tú* – ты, *contigo* – с тобой, *nosotros* – мы, *nuestro* – наш. Именно эти лексемы эмпативно ориентированы на создание эффекта сопричастности, взаимной ответственности.

На начальном этапе перехода к демократии (1977-1982 гг.), когда в Испании после почти сорока лет франкизма только формировалась традиция свободного волеизъявления на выборах, ключевыми концептами в политических лозунгах стали лексемы *votar* – голосовать и *voto* – голос, отражавшие запрос общества на утверждение новых принципов политического устройства государства: *Votar comunista es votar democracia* – Голосовать за коммунистов значит голосовать за демократию; *Pon tu voto a trabajar* – Пусть твой голос работает (лозунги коммунистической партии Испании); *La libertad está en tu mano. Vota PSOE* (1977, PSOE) – Свобода в твоих руках. Голосуй за ИСПП; *Un gobierno firme para vencer el paro. Tu voto es nuestra fuerza* (1979, PSOE) – Надёжное правительство, чтобы победить безработицу. Твой голос – наша сила!

Самым эффективным в 1977 году, на первых всеобщих выборах в Испании после франкистской диктатуры, оказался лозунг Союза демократического центра (UCD), избирательной коалиции, впоследствии политической партии, которую возглавил А. Суарес: *Votar centro es votar Suárez* – Голосовать за центр значит голосовать за Суареса. Метафора центра – *centro* – способствовала электоральному успеху, поскольку в наибольшей степени была ориентирована на ожидания избирателей, в тот момент не готовых к радикальным левым (коммунистическим и социалистическим) идеям и отвергавшим пра-

вые и ультраправые взгляды профранкистских партий. Х. Пастор отмечает, что в Испании «*era necesaria una nueva cultura política participativa después de la demonización sufrida por los partidos políticos bajo la dictadura, con mayor razón porque se aspiraba a dar centralidad a los partidos políticos para la consolidación del nuevo régimen*» – возникла необходимость в новой, партисипативной, политической культуре после жёсткого запрета политических партий при диктатуре; главным образом поэтому ожидания были связаны с политическими партиями центра как условием консолидации нового строя.

Дальнейший этап исторического развития Испании (1982-2004 гг.) связан с укреплением демократических преобразований в стране и с ведущей ролью, которую сыграла в этом процессе ИСПП – Partido Socialista Obrero Español, PSOE – и её лидер Ф. Гонсалес (Felipe González), ставший олицетворением достигнутых позитивных перемен. В этот период Испания входит в Европейский союз и делается полноправным членом НАТО, а внутри страны формируется правовое государство, закладываются основы социального благосостояния и утверждается двухпартийная система, при которой две крупнейшие партии Испании, социалистическая (ИСПП) и народная (НП), неизменно чередуются у власти. Новая политическая и социальная реальность не могла не повлиять на концептуальное содержание партийных лозунгов, интегрировавших метафоры *camino* – путь, дорога; *cambio* – перемена, изменение; *progreso* – прогресс: *Por el cambio* (1982, PSOE) – За перемены!; *Por buen camino* (1986, PSOE) – Правильным путём!; *España, en progreso* (1989, PSOE) – Испания, дорогой прогресса; *¡Palabra! José María Aznar* (1989, PP) – Даю слово! Хосе Мария Аснар; *Ahora* (1993, PP) – Теперь; *Vota futuro, vota PSOE* (1993, PSOE) – Голосуй за будущее, голосуй за ИСПП. За прогресс для большинства; *España en positivo* (1996, PSOE) – Позитивная Испания; *Lo Próximo* (2000, PSOE) – Самое близкое. Социолог Р. Де Маркос (Ramón de Marcos) подчёркивает, что «*el objetivo de los eslóganes era mostrar a la sociedad el progreso, que se va por el buen camino y que ha merecido la pena el cambio de sistema*» [19] – целью политических лозунгов стало стремление продемонстрировать обществу, что достигнутые прогрессивные перемены идут в правильном направлении, и что изменение системы не было напрасным.

Период с 2004 года по настоящее время испанские политологи связывают с активным

развитием интернет-технологий и той ролью, которую начинают играть социальные сети как важнейшая часть политической коммуникации [19]. В это время в Испании окончательно формируется общество потребителей (*sociedad de consumidores*), однако финансовый кризис 2008-2015 годов наносит серьёзный урон экономическим и социальным достижениям и приводит к значительным изменениям в политической парадигме: рушится просуществовавшая почти тридцать лет двухпартийная система. Активными политическими игроками становятся новые политические силы: партии Podemos (Мы можем!), Ciudadanos (Граждане) и Vox (Голос) получают места в парламенте страны.

Усилившаяся политическая конкуренция и новые возможности интернет-коммуникаций, превратившие социальные сети в арену борьбы за избирателей, становятся факторами, определяющими выбор языковых средств и структуру политических лозунгов. Наряду с традиционными и привычными метафорами и формами появляются новаторские, ориентированные на восприятие многочисленной аудиторией интернет-пользователей: *ZP, Zapatero Presidente* (2004, PSOE) – ZP, Сапатеро – президент; *Con Z de Zapatero* (2008, PSOE) – Вместе с Z Сапатеро; *Vota PP www.marianorajoy.es* (2004, PP) – Голосуй за НП *www.marianorajoy.es*; *Llamar a votar izquierda útil* (2008, Izquierda Unida, IU) – Льямасарес, без левых не обойтись (Гаспар Льямасарес (*Gaspar Llamazares*)) – лидер партии Объединённые левые); *Albert Rivera. Presidente de Ciudadanos* (2015, Ciudadanos) – Альберт Ривера. Президент для Граждан (обыгрывается название партии, которую возглавляет кандидат: Ciudadanos – граждане). Подобные лозунги, представленные на фоне портретных фотографий политических лидеров партий, в полной мере отвечают концепции «демократии зрительного зала» (*audience democracy*) [18], в которой, по мнению её автора Б. Манина (*Bernard Manin*), политическая деятельность в массовом сознании часто персонафицируется и репрезентируется личностью лидера, а не самой структурой (партией, платформой, движением), которую он представляет. На эту особенность современных политических кампаний также обращает внимание профессор Университета Севильи М. Гарридо-Лора (*Manuel Garrido-Lora*): *En la nueva comunicación política, los candidatos se convierten en protagonistas casi exclusivos de la campaña, por delante de su programa electoral y, por supuesto, de su ideología. Puede*

decirse que a medida que disminuye la presencia de contenidos ideológicos en la comunicación electoral, se incrementa el protagonismo de los candidatos [17]. – В новой политической коммуникации кандидаты становятся практически единоличными ключевыми компонентами избирательной кампании, оказываясь важнее программы партии и даже её идеологии. Можно утверждать, что по мере того, как снижается степень идеологической составляющей в предвыборной коммуникации, возрастает личностная роль кандидатов.

Аксиологическую маркированность предвыборных лозунгов, иными словами, их идеологическую заданность, призванную служить для выражения политической позиции адресанта, снижает употребление политически нейтральных метафор, адресованных массовой аудитории. Это нередко приводит к тому, что одинаковые призывы звучат от имени идеологически непримиримых партий, разделяющих несовместимые политические взгляды. Лозунг социалистов накануне ноябрьских выборов 2019 года *Ahora Gobierno, Ahora España* – Теперь правительство, теперь Испания – послужил основанием для претензии, поданной от имени политического объединения Фонд Франсиско Франко (*Fundación Francisco Franco*), посчитавшего, что, копируя практически дословно их предвыборный лозунг 2017 года, ИСПП намеренно вводит в заблуждение избирателей: *Nos oponemos a que utilicen para fines espurios nuestra denominación de origen Ahora España. (...) [Pedro Sánchez] intenta confundir a los españoles haciéndoles creer que ahora le importa la Nación Española* [21]. – Мы возражаем против того, чтобы использовался в ложных целях принадлежащий нам лозунг Теперь Испания, с которым изначально ассоциируется наше движение. (...) [Педро Санчес] пытается обмануть испанцев, заставляя их поверить, что теперь для него обретает важность испанская нация.

Идеологически нейтральные метафоры *mayoría* – большинство, *futuro* – будущее, *cambio* – перемена, *progreso* – прогресс или *gobierno* – правительство так или иначе повторяются в предвыборных лозунгах испанских партий на протяжении почти всей сорокалетней истории испанской демократии. *Merecemos una España mejor* (2004, PSOE) – Мы заслуживаем лучшую Испанию; *Un futuro para la mayoría* (2015, PSOE) – Будущее для большинства»; *Por un nuevo país* (2015, IU) – За новую страну: под этими лозунгами участвовать в выборах могли

бы практически любая партия, любой партийный кандидат, от левых популистов до правых радикалов. Однако использование одних и тех же метафор может быть частью политической стратегии партии, направленной на завоевание как можно большего числа голосов избирателей. Так, в 1996 году Народная партия своим лозунгом *Con la nueva mayoría* – С новым большинством – «ответила» на призыв социалистов 1993 года *Por el progreso de la mayoría* – За прогресс большинства. Успешный лозунг народников *Vamos a más* – Стремимся к большему, принёсший им победу на выборах 2000 года, был повторён в избирательной кампании 2004 года: *Juntos vamos a más* – Вместе стремимся к большему.

Намерение сократить расстояние между политиками и их избирателями, заинтересовать как можно большую аудиторию и привлечь её на свою сторону в том числе через социальные сети, определяет высокую степень перформативности и эмпатийности современных испанских политических лозунгов. Это способствует продвижению новых дискурсивных смыслов, актуализирующих воздействующий эффект. Перформативность, понимаемая вслед за Дж. Остином как создание высказывания, эквивалентного действию или поступку [6], объясняет появление таких политических лозунгов как *Quieres. Puedes* – Хочешь. Можешь (2005, PNV-EA: Partido Nacionalista Vasco-Eusko Alkartasuna); *Actúa* – Действуй (2008, Izquierda Unida, IU): этот лозунг стал впоследствии названием новой партии, которую создал и возглавил бывший лидер Объединённых левых Гаспар Льямасарес; *Podemos llegar tan lejos como queramos* (2008, PSOE) – Мы можем идти так далеко, как захотим; *con Rajoy es posible* (2008, PP) – с Рахоем это возможно (графически лозунг пишется со строчной буквы); *Súmate al cambio* (2011, PP) – Присоединяйся к переменам; *Haz que pase* – Сделай так, чтобы это случилось (2019, PSOE); *La historia la escribes tú* (2019, Unidas Podemos) – Историю пишешь ты; *Desbloquear, avanzar, Más País* (2019, MÁS PAÍS) – Разблокировать, двигаться вперёд вместе с *Más País* и др. Подобные лозунги, содержащие, как правило, перформативные лексемы (*poder, actuar, hacer, posible* и др.), глаголы в форме императива, транслируют призыв к действию, которое воспринимается как реальное, осуществимое.

Политолог Х. Пастор отмечает, что «*debido precisamente a que las redes sociales se han convertido en el campo de batalla principal por el control de la*

agenda y los 'marcos mentales' en que se desarrollan las campañas, la necesidad de actualizar los mensajes y, por tanto, resignificar los eslóganes e innovar con otros es clave» [19] – именно по причине того, что социальные сети являются основным полем битвы за возможность контролировать политическую повестку и ментальные границы электоральной кампании, ключевой становится необходимость актуализировать политические послания, придавать новый смысл лозунгам и создавать новые. Во многом дискурсивному успеху политического лозунга способствует его эмпатийность, которая, усиливая суггестивный эффект, позволяет сократить дистанцию между партией и её электоратом: *Motivos para creer* (2008, PSOE) – Есть причины, чтобы верить; *Vivimos juntos, decidimos juntos* (2008, PSOE) – Вместе живём, вместе решаем; *Somos más* (2008, PSOE) – Нас больше; *Porque lo estamos consiguiendo* (2008, PSOE) – Потому что нам это удаётся; *Por el pleno empleo* (2008, PSOE) – За полную занятость; *Soñar con los pies en la tierra* (2008, PSOE) – Мечтать, уверенно стоя на ногах; *Vota con todas tus fuerzas* (2008, PSOE) – Голосуй изо всех сил; *Las ideas claras* (2008, PP) – Понятные идеи; *Tiempo de acuerdo, tiempo de cambio* (2015, Ciudadanos) – Время договариваться – время меняться; *Con ilusión* (2015, Ciudadanos) – С мечтой; *Un país contigo* (2015, Podemos) – Страна с тобой; *Con cabeza y corazón* (2016, PP) – С умом и сердцем; *Unid♥s Podemos. La sonrisa de un País* (2016, Podemos) – Unid♥s Podemos. Улыбка Страны. Появившиеся метафоры *corazón* – сердце, *sonrisa* – улыбка, *ilusión* – мечта, эмпатийные глаголы *creer* – верить, *soñar* – мечтать, намеренное использование глаголов в форме 1 лица множественного числа – мы – разрушают стереотипное противопоставление политиков простым гражданам, психологически создают впечатление того, что стремления, надежды и переживания рядовых испанцев являются неотъемлемой частью стратегии партии и определяют её политическую идентичность.

Современная ситуация в Испании характеризуется борьбой националистически настроенных сил Каталонии за отделение региона от страны, слабостью сформированного коалиционного правительства, а также затянувшимся политическим кризисом, вызванным идеологической разобщённостью парламентских фракций, что долгое время не позволяло собрать необходимые голоса для утверждения главы исполнительной власти. Подобная событийная рамка и прошедшие дважды, менее чем за полгода, все-

общие выборы – 28 апреля (28-A) и 10 ноября 2019 года (10-N) – актуализировали дискурсивные метафоры *España* – Испания и *País* – страна в политической коммуникации и электоральных лозунгах крупнейших политических партий: *La España que quieres* (28-A 2019, PSOE) – Испания, которую ты хочешь; *Por España* (28-A 2019, Vox) – За Испанию; *¿Izquierda o Derecha? España* (10-N 2019, PP) – Правые или левые? Испания; *España en Marcha* (10-N 2019, Ciudadanos) – Испания, вперёд; *Más País* (10-N 2019, MÁS PAÍS) – Ещё больше страны. В дискурсивном пространстве политическое мышление, политическое действие и их языковая репрезентация находятся в неразрывном единстве, поэтому апеллирование к общенациональным ценностям, которые разделяет большинство испанцев, становится условием успешной реализации дискурсивной интенции адресанта, стремящегося получить максимальную электоральную поддержку.

ИСПП не использовала метафору Испания с 2004 года: лексема Испания появлялась в лозунгах партии в 1989 году – *España, en progreso* – Испания, на пути прогресса, затем в 1996 году – *España en positivo* – Испания, и в 2004 – *Merecemos una España mejor* – Мы заслуживаем лучшую Испанию. Обусловленная экстралингвистическими дискурсивными факторами апелляция после паузы в 15 лет к концепту Испания, когнитивно актуализирующему идею национального единства в сознании избирателей, тем не менее, отчасти не оправдала ожиданий социалистов. Их лозунг *Ahora, Gobierno. Ahora, España* (10-N 2019, PSOE) – Теперь правительство, теперь Испания – из-за дискурсивного противопоставления значений наречий *ahora: сейчас – siempre: всегда* вступил в ироничную полемику с электоральным лозунгом ультраправой партии VOX, опубликованным позже и воспринятым многими как ответ, дискредитирующий соперников-социалистов, и как утверждение серьёзности собственных программных намерений партии: *España siempre.* (с пунктуационной точкой в конце послания) (10-N 2019, VOX) – Испания всегда. После выборов VOX удвоила своё представительство в парламенте страны (54 мандата в ноябре 2019 года против 24 в апреле), а социалисты потеряли несколько мест: *¿Ahora España? No, ahora Vox, España siempre* – Теперь Испания? Нет, теперь Vox, Испания всегда.

Подчеркнём особо, что политические лозунги нередко превращаются в прецедентные тексты, то есть, по определению Ю.Н. Караулова, приобретают сверхличностный характер в когнитивном и эмоциональном аспекте, так как становятся хорошо известными и легко интерпретируются широким кругом представителей определённого языкового коллектива [4]. Иными словами, появившиеся в конкретный исторический момент, созданные для специальной ситуации и для реализации конкретных политических задач лозунги могут получать вторичные употребления в иных контекстах, сохраняя свою метафоричность и транслируя устойчивое когнитивное содержание. Для испанского политического дискурса ярким примером служит лозунг республиканцев времён гражданской войны *¡No pasarán!* – Они не пройдут, связанный с героической обороной Мадрида. Прецедентным стал лозунг ИСПП *Por el cambio* – За перемены, с которым партия и её лидер Ф. Гонсалес в 1982 году впервые получили абсолютную поддержку десяти миллионов испанцев – более половины избирателей.

Таким образом, политические лозунги являются разновидностью дискурсивных текстов и функционируют преимущественно в коммуникативно-прагматических контекстах «Протесты» и «Выборы». Их иллокутивная характеристика определяется сферой употребления: для протестных лозунгов доминирует требование как основной речевой акт, в то время как для электоральных – главной задачей остаётся стремление привлечь избирателей на свою сторону, заставить их отдать голоса за определённого кандидата или партию. Благодаря языковым, прагматическим и структурным особенностям лозунг выступает как средство воздействия на концептуальную картину мира адресата и как механизм управления его мнением и поведением. Адресант, заинтересованный в успешности лозунга, строит информационное сообщение с учётом того, как оно должно быть интерпретировано получателем, на которого ориентировано. Метафоры и иные языковые приёмы задают нужный автору вектор восприятия сообщения и алгоритм поведения, а также когнитивно интегрируют образы и символы, которые нередко становятся прецедентными для национального языкового коллектива.

Список литературы

1. Белоусова Н. П. Основные характеристики слогана как субжанра современного российского рекламного дискурса: Дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2006. 178 с.
2. Дейк Т.А., ван. Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989. 307 с.
3. Демьянков В.З. Политический дискурс как предмет политологической филологии // Политическая наука. Политический дискурс: История и современные исследования. № 3. М., 2002. С.32-43.
4. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 363 с.
5. Михалева О.Л. Политический дискурс: Специфика манипулятивного воздействия. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 256 с.
6. Остин Дж. Три способа пролить чернила. М.: Алетейя. 2006. 335 с.
7. Проничева О.Ю. Языковые средства воздействия на массовую аудиторию (на матер. текстов агитационной листовки): Дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2006. 220 с.
8. Пушкарева Г. В. Политический менеджмент: учебник и практикум для академического бакалавриата. М.: Издательство Юрайт, 2014. 365 с.
9. Сёрл Дж.Р. Что такое речевой акт? // Философия языка / ред.-сост. Дж. Р. Сёрл; пер. с англ. 2-е изд. М.: Едиториал УРСС, 2010, с. 56-74.
10. Смирнова И. В. Оценочность в текстах слоганов и деклараций о задачах медиаиздания (на материале англоязычных сайтов) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2010. № 124. С. 225-231.
11. Тортунова И.А. Лозунг как ораторский жанр / И. А. Тортунова // Учёные записки Российского государственного социального университета. 2012, № 10 (110), с. 159-161.
12. Чернявская В. Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия. Учебное пособие. М.: Директ-Медиа, 2014. 185 с.
13. Чудинов А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. Екатеринбург, 2003. 248 с. [Электронный ресурс] – URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/chudinov-03a.htm/> (Дата обращения 14 января 2020 г.).
14. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. М.: ИТДГК «Гнозис», 2004. 326 с.
15. Шидо К. В. Рекламный слоган как особый жанр английских рекламных текстов: Дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2002. 242 с.
16. Carvajal, A. 10 frases para conocer a Pablo Iglesias. URL: <http://www.elmundo.es/espana/2015/11/16/5649eb03ca4741fe1a8b4612.html> (Consulta: 21 de enero de 2020)
17. Garrido-Lora M. Estudio comparativo de los eslóganes electorales y comerciales: el caso de las elecciones generales españolas de 2008. URL: www.scielo.org.mx/scielo.php?script=sci_arttext&pid=S1405-14352013000100007 (Consulta: 24 de enero de 2020)
18. Manin B. The Principles of Representative Government. New York: Cambridge University Press, 1997. 254 p.
19. Márquez M. Así han evolucionado los eslóganes políticos: del 'Votar centro es votar Suárez' al 'Haz que pase' de Sánchez. URL: <https://www.20minutos.es/noticia/3610159/0/asi-han-evolucionado-los-esloganes-politicos-elecciones-generales/> (Consulta: 26 de enero de 2020)
20. Monedero J. C. Curso urgente de política para gente decente. Barcelona: Editorial Planeta, S.A, 2014. 243 p.
21. Navarro J. Los lemas de campaña siempre vuelven. URL: https://elpais.com/politica/2019/10/03/actualidad/1570098841_795952.html (Consulta: 27 de enero de 2020)

Сведения об авторе:

Ларионова Марина Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры испанского языка МГИМО МИД России. Научная специализация: романские языки, дискурсивная лингвистика, когнитивные исследования, лингвопрагматика, межкультурная коммуникация, культурология.
E-mail: larionova.m@list.ru

SLOGAN IN THE SPANISH POLITICAL DISCOURSE: COGNITIVE, LINGUISTIC AND PRAGMATIC DIMENSION

Marina V. Larionova

Moscow State Institute of International Relations (University), 76,
Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia

Abstract: *The article explores the cognitive, linguistic and pragmatic potential of Spanish political slogans as an integral part of political communication. The relevance of the investigation, carried out as part of a comprehensive methodology combining discursive, pragmalinguistic and content analysis, is determined by the need for a profound study of discursive mechanisms of influence on public consciousness and behavior, as well as ways to recognize and resist manipulative tactics. Slogans represent a variety of discursive texts and operate in the communicative-pragmatic contexts of “Protests” and “Elections”. Their illocutionary characterization is determined by the discursive situation: for protest slogans, demand dominates as the main speech act, while for electoral slogans, the main task is the desire to attract voters, to force them to vote for a particular candidate or party. Due to the linguistic, pragmatic and structural features, slogans influence the conceptual picture of the world of the electorate and serve as a mechanism for controlling public opinion and behavior. The addresser creates a slogan with regard to its perception by a recipient. Metaphors and other language techniques serve as linguistic means to create a desired perception vector and behavior algorithm, as well as cognitively integrate images and symbols, which often become precedents for the national language community.*

Key Words: *political discourse, discursive pragmatics, slogan, protest slogan, electoral slogan, metaphor, precedent, performativity, empathy.*

References

1. Belousova, N. P. Osnovnye kharakteristiki slogana kak subzhanra sovremennogo rossiyskogo reklamnogo diskursa: Diss. kand. fil. nauk [Main characteristics of a slogan as subgenre of a modern Russian advertizing discourse: Cand. phil. sci. diss.]. Samara, 2006. 178 p.
2. Dijk T.A., van. YAzyk. Poznanie. Kommunikatsiia [Tongue. Cognition. Communication]. Moskva: Progress, 1989. 307 p.
3. Dem'yankov, V.Z. Politicheskii diskurs kak predmet politologicheskoy filologii // Politicheskaya nauka. Politicheskii diskurs: Istoriia i sovremennyye issledovaniia [Political discourse as a subject of political science philology // Political science. Political discourse: History and modern research]. № 3. Moskva: 2002. P.32-43.
4. Karaulov, Yu.N. Russkiy iazyk i iazykovaia lichnost' [Russian language and language personality]. Moskva: Nauka, 1987. 363 p.
5. Mikhaleva, O.L. Politicheskii diskurs: Spetsifika manipulativnogo vozdeistviia [Political discourse: The specifics of manipulative influence]. Moskva: Knizhny dom «LIBROKOM», 2009. 256 p.
6. Austin, J. Tri sposoba prolit' chernila [Three Ways of Spilling Ink]. Moskva: Aleteyia. 2006. 335 p.
7. Pronicheva, O.Yu. Iazykovye sredstva vozdeistviia na massovuiu auditoriiu (na mater. tekstov agitatsionnoy listovki): Dis. kand. filol. Nauk [Language means of influence on the mass audience (on the material of the texts of the propaganda leaflet): Cand. phil. sci. diss.]. Saint Petersburg, 2006. 220 p.
8. Pushkareva, G. V. Politicheskii menedzhment: uchebnyk i praktikum dlia akademicheskogo bakalavriata [Political management: a textbook and workshop for academic undergraduate studies]. Moskva: Izdatel'stvo Yurayt, 2014. 365 p.
9. Searle, J.R. Chto takoe rechevoy akt? // Filosofiya iazyka [What is a speech act? // Philosophy of language] / red.-sost. J. R. Searle; per. s angl. 2-ye izd. Moskva: Editorial URSS, 2010, pp. 56-74.
10. Smirnova, I. V. Otsenochnost v tekstakh sloganov i deklaratsiy o zadachakh mediaizdaniia (na materiale angloiazychnykh saitov) [Evaluativeness in the texts of slogans and declarations of the goals of media publications (based on the material of English language websites)]. Izvestia Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena. 2012, № 124, pp. 225-231.
11. Tortunova, I.A. Lozung kak oratorskiy zhanr [The slogan as an oratory genre] / I. A. Tortunova // Uchonye zapiski Rossiyskogo gosudarstvennogo sotsial'nogo universiteta. 2012, № 10 (110), pp. 159-161.
12. Chernyavskaya, V. Ye. Diskurs vlasti i vlast' diskursa: problemy rechevogo vozdeistviia. Uchebnoye posobiye [Discourse of power and power of discourse: problems of speech exposure. Tutorial]. Moskva: Direkt-Media, 2014. 185 s.

13. Chudinov, A.P. Metaforicheskaia mozaika v sovremennoy politicheskoy kommunikatsii [Metaphorical mosaic in modern political communication]. Ekaterinburg, 2003. 248 p. [Elektronnyy resurs], www.philology.ru/linguistics2/chudinov-03a.htm/ (Accessed 14 January 2020).
14. Sheygal, Ye.I. Semiotika politicheskogo diskursa [The semiotics of political discourse]. Moskva: ITDGGK «Gnozis», 2004. 326 p.
15. Shido, K. V. Reklamny slogan kak osoby zhanr angliiskikh reklamnykh tekstov: Dis. kand. fil. Nauk [Advertising slogan as a special genre of English advertising texts: Cand. phil. sci. diss.]. Saratov, 2002. 242 p.
16. Carvajal, A. 10 frases para conocer a Pablo Iglesias, www.elmundo.es/espana/2015/11/16/5649eb03ca4741fe1a8b4612.html (Consulta: 21 de enero de 2020)
17. Garrido-Lora, M. Estudio comparativo de los eslóganes electorales y comerciales: el caso de las elecciones generales españolas de 2008, www.scielo.org.mx/scielo.php?script=sci_arttext&pid=S1405-14352013000100007 (Consulta: 24 de enero de 2020)
18. Manin, B. The Principles of Representative Government. New York: Cambridge University Press, 1997. 254 p.
19. Márquez, M. Así han evolucionado los eslóganes políticos: del 'Votar centro es votar Suárez' al 'Haz que pase' de Sánchez, www.20minutos.es/noticia/3610159/0/asi-han-evolucionado-los-esloganes-politicos-elecciones-generales/ (Consulta: 26 de enero de 2020)
20. Monedero, J. C. Curso urgente de política para gente decente. Barcelona: Editorial Planeta, S.A, 2014. 243 p.
21. Navarro, J. Los lemas de campaña siempre vuelven, elpais.com/politica/2019/10/03/actualidad/1570098841_795952.html (Consulta: 27 de enero de 2020)

About the author:

Marina Larionova – Ph.D. Philology, Associated professor of Spanish Department of MGIMO (University). Scientific specialization: Romance languages, Discursive linguistics, Cognitive research, Linguo-pragmatics, Cross-cultural communication, Cultural science. E-mail: larionova.m@list.ru

* * *

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА АВСТРИЙСКОГО НЕМЕЦКОГО В СФЕРАХ ЭКОНОМИКИ, ПОЛИТИКИ И ПРАВА

Т.А. Яковлева

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИИД России,
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

Статья посвящена исследованию национально-культурной специфики немецкого языка в Австрии в сферах экономики, политики и права. Во введении рассматриваются плюрицентрический и плюриареальный подходы к изучению статуса австрийского немецкого, которые различаются в понимании языка и способа его описания, подчёркивается роль баварско-австрийских диалектов в становлении немецкого литературного языка и приводятся факторы, повлиявшие на языковое развитие Австрии. Автор знакомит с типологией культурно-маркированной лексики. В исследовании приводятся примеры полных эквивалентов в немецком языке Германии и австрийском немецком, австрийских лексем, служащих для выражения понятий, которые отсутствуют в культуре Германии и обозначаются термином безэквивалентная лексика, и частично эквивалентных лексем, имеющих несовпадение объёма денотативного значения. Основное содержание исследования заключается в анализе национально-культурной специфики в австрийском национальном варианте немецкого языка в рамках тематических групп «Экономическая лексика», «Общественно-политическая лексика» и «Юридическая лексика». Результаты данного исследования могут представлять интерес для использования в курсах лингвострановедения немецкоязычных стран и в педагогической практике, а также найти применение в лексикографии.

Ключевые слова: австрийский немецкий, национальный вариант, региональный стандарт, синхроническая перспектива, экономическая лексика, общественно-политическая лексика, юридическая лексика.

Статус немецкого языка в Австрии до сих пор является предметом обсуждения в современной лингвистике. По этому вопросу нет единства ни среди российских германистов, ни среди учёных Германии и Австрии. Существуют плюрицентрический и плюриареальный подходы [2, с. 18], которые различаются в понимании самого языка и способа его описания. Основой плюриареального подхода выступает обусловленность языковых особенностей австрийского немецкого двумя диалектами: баварским и алеманнским, которые географически не привязаны к государственным границам. Аргумент в поддержку этого подхода состоит том, что существующие языковые особенности неоднородны внутри самой Австрии.

Согласно плюрицентрическому подходу государство, а не литературный язык является отправной точкой для определения разновидностей немецкого языка [12, с. 57-58]. Немецкий литературный язык – это пересечение трёх национальных вариантов: немецкого языка в Германии, австрийского и швейцарского немецкого. Ядро литературного языка образуют регионально немаркированные выражения, существующие во всех трёх вариантах. Страны, имеющие один и тот же государственный язык, выступают как коммуникативные сообщества, равнозначные центры единого языка. Национальный вариант понимается как совокупность всех языковых форм внутри определённого государства.

Многие австрийские лингвисты указывают на замалчивание и принижение роли баварско-австрийских диалектов в становлении и развитии немецкого языка [2; 10]. Тем не менее, у ряда учёных не вызывает сомнения тот факт, что Австрия принимала участие в формировании немецкого литературного языка. В VIII – XI веках в монастырях, например, в Мондзее были созданы произведения, которые сегодня считаются древнейшими памятниками словесности во всём немецкоговорящем пространстве. Лишь с XVI века, когда центр языковой эволюции переместился на территорию Германии, отсюда стали исходить импульсы дальнейшего языкового развития [10, с.10].

Следующие факторы сыграли свою роль в формировании австрийского варианта немецкого языка:

- наличие традиционных диалектов, что ведёт к переходу некоторых диалектных лексем в региональный стандарт, например, из венского диалекта происходят лексемы: *der Hackler* – разг. рабочий, *hackeln* – разг. работать, вкалывать;

- распространение официального канцелярского языка Габсбургской монархии на юге Германии и на территории современной Австрии;

- раскол церкви в XVI веке: Австрия осталась католической страной и наряду с протестантизмом отвергла «язык Лютера»;

- влияние соседних стран, входивших в Австро-Венгерскую империю, с которыми Австрию связывает общая история и культура.

Как указывает Я. Эбнер [10, с. 10], в 30-х годах XVIII века начинается процесс языкового реформирования в Австрии, который продолжила Мария Терезия. Целью реформ было преодоление отставания в образовании. В результате этого процесса произошло вытеснение южно-немецких форм из немецкого стандарта.

Несмотря на реформы, особенности австрийского немецкого, выражающиеся в использовании устаревшей и диалектально окрашенной лексики и лексических конструкций, сохраняются и в XVIII - XIX веках. В начале XX века выходит «Орфографический словарь» К. Дудена, в котором устанавливаются единые нормы правописания в немецкоязычном пространстве и закрепляется региональный статус австрийского варианта немецкого языка. После окончания второй мировой войны происходит подъём австрийской национальной идентичности, нашедший своё отражение в том числе в

развитии плюрицентрического направления в австрийской лингвистике [7, с. 155].

В нашей статье мы будем описывать языковые явления австрийского немецкого в синхронической перспективе, что даёт нам основание причислять себя к плюрицентрическому течению.

Предметом нашего исследования являются лексические единицы австрийского национального варианта немецкого языка, употребляемые в сферах экономики, политики и права и несущие национально-культурную специфику.

В качестве материала исследования были отобраны 150 лексических единиц современного литературного языка Австрии, относящиеся к трём тематическим группам (ТГ): «Экономическая лексика», «Политическая лексика», «Юридическая лексика».

Для отбора лексических единиц в качестве основных источников были использованы одноязычные словари немецкого языка, двуязычные терминологические, а также австрийско-немецкие словари [3; 4; 5; 8; 9; 11; 13].

Информационную базу исследования составили статьи толковых словарей, сетевых энциклопедий открытого доступа, статьи австрийской и немецкой прессы, тексты поисковой системы Google, а также работы австрийских историков и лингвистов.

Данное исследование основывается на работах отечественных и зарубежных лингвистов: А.И. Домашнева, Г.В. Степанова, Копчук Л.Б., Ланских Ю.В., Е.Н. Блохиной, У. Аммона, П. Визингера, П. фон Поленца, Я. Эбнера, Р. Зедлачка, Р. Мур, Ч. Мессины.

Для изучения лексических особенностей терминов в австрийском национальном варианте немецкого языка были использованы методы сопоставления, обобщения, описания и анализа.

Национально-маркированная лексика рассматривается нами как лексика, несущая экстралингвистическую информацию социокультурного характера, проявляющуюся при контактах различных лингвокультур. Классификация национально-маркированной лексики продолжает оставаться одной из актуальных проблем современной лингвистики. Е.Н. Блохина [1, с. 80] выделяет следующие основные группы:

1. *Полные эквиваленты* – лексемы, имеющие разное написание и звучание в австрийском варианте и стандартном немецком языке, но обозначающие одно и то же понятие, например, *Dienstgeber*, *Dienstnehmer* (австрийский не-

мецкий) / *Arbeitgeber, Arbeitnehmer* (стандартный немецкий) в значениях «работодатель» и «наёмный рабочий [служащий]»: *Dienstgeber* ist immer derjenige, für dessen Rechnung der Betrieb geführt wird in dem der *Dienstnehmer* (Lehrling) in einem Beschäftigungs-(Lehr-)Verhältnis steht (<https://www.gesundheitskasse.at/cdscontent/?contentid=10007.820992&viewmode=content> 01.01.2020). Существительные *Arbeitgeber, Arbeitnehmer* также используются в австрийском немецком, но как часть сложного слова или в определённых контекстах: *Arbeitnehmerinteressen, Interessenvertretung der Arbeitnehmer* [11, с. 78].

2. Частично-эквивалентные лексемы – некоторые значения лексем совпадают в австрийском варианте и в стандартном немецком, но есть и дополнительные значения: *berufen* – общие значения: 1. in ein Amt einsetzen (приглашать для замещения должности): er wurde als Professor *berufen*; 2. sich auf etw. beziehen (ссылаться на кого-либо, на что-либо): sich auf einen Zeugen *berufen*. Дополнительное значение в австрийском немецком: *Berufung einlegen* (подать апелляцию): gegen ein Urteil *berufen*.

3. Безэквивалентная лексика, не имеющая соответствий в нормированном языке, репрезентирующая культурные особенности Австрии, например *Arbeiterkammer – Interessenvertretung*

der Arbeitnehmer (*австр.* рабочая палата, уставленное законом учреждение в Австрии, представляющее интересы рабочих): Auf nationaler Ebene und mit Einfluss auf Löhne und Gehälter arbeitet bisher die *Arbeiterkammer* in Österreich. Dort ist die Mitgliedschaft für Arbeitnehmer grundsätzlich verpflichtend. (<https://www.welt.de/wirtschaft/article809744/Muentes-Mindestlohn-Behoerde.html> Die Welt, 16.04.2007).

Традиционно национально-культурная специфика рассматривается на примере лексических единиц, описывающих традиции, обычаи, праздники, особенности образа жизни, исторические события, природные и географические особенности, и т. д. Мы поставили перед собой задачу показать, что специфическая только для Австрии лексика используется также для обозначения понятий и действий, связанных с особенностями политической и экономической жизни австрийцев, с различиями в правовой сфере и несёт национально-специфическую окраску.

I. Рассмотрим особенности употребления экономической лексики в австрийском немецком.

Лексические единицы из области экономики, используемые в Австрии, отличаются от немецких, что следует из Таблицы 1.

Таблица 1

Понятие	Австрийский немецкий	Стандартный немецкий	Пример
тендер, объявление открытого конкурса	<i>die Anbotsstellung</i>	der Tender	Grundsätzlich sind Stelleninserate keine Auslobung gemäß AGBG, sondern eine Einladung zur <i>Anbotsstellung</i> . (https://www.mt-tech.gmbh/österreich)
выходное пособие при увольнении служащего	<i>die Abfertigung</i>	die Abfindung (в Германии и Австрии также отправление, отправка, отсылка)	Wie berichtet, bekommen die Betroffenen die <i>Abfertigung</i> und bis zur Pension zwischen 50 und 80 Prozent der Aktivbezüge, haben aber nach geltendem Recht auch Anspruch auf Arbeitslosengeld (Salzburger Nachrichten, 16.09.1997).
наценка	<i>die Marge</i>	die Handelsspanne	Der Importeur muss zähneknirschend Einbußen von rund zehn Prozent <i>der Marge</i> für den Einfuhrzoll in die Europäische Union hinnehmen. (Niederösterreichische Nachrichten, 31.03.2017).
пенсия	<i>die Pension</i>	die Rente	In der SPÖ gibt es gegen eine vorzeitige Anhebung des Frauen <i>pensionsalters</i> breite Ablehnung ... (Die Presse, 19.02.2016).
приработок; побочный доход	<i>das Körbergeld</i>	das Zubrot	Der Vermittler erhält sein <i>Körbergeld</i> , wenn zwischen dem Kunden und der Firma PL-Secur Vermietungs- und Handelsgesellschaft m.b.H. ein Rechtsgeschäft abgeschlossen wird (https://www.zeus-alarm.at/).
распродажа в связи с ликвидацией с большой скидкой	<i>der Abverkauf</i>	der Ausverkauf	Von heute bis Pfingstdienstag gibt es jeweils ab 14 Uhr im Thomasroither Knappenstüberl <i>einen Abverkauf</i> von Flohmarktware. (Oberösterreichische Nachrichten, 09.06.2000).

Для ТГ «Экономическая лексика» характерно большое количество заимствований из итальянского языка. Вплоть до XVIII века Италия

оставалась важнейшим культурным партнёром Австрии и оказала на неё большое влияние. Многие итальянские слова из области финан-

сов перешли в австрийский немецкий, например: *das Akonto* – ital. a conto [13, с. 24] (нем. Anzahlung – первый взнос, задаток); *die Faktura* (нем. Rechnung – счёт, накладная); *die Kassa* (нем. Kasse – касса); *die Krida* (нем. Konkursvergehen – неплатёжеспособность, банкротство); *die Bolette* (нем. Zollerklärung – таможенная декларация); *der Sensal* (нем. Makler – маклер) [10, с. 15].

II. Национально-культурная специфика австрийской общественно-политической лексики.

Некоторые понятия из области управления и политики обозначаются разными лексемами в Германии и Австрии, хотя государственные системы и соответствующие институты очень похожи. Это связано с тем, что отличаются функции, выполняемые этими органами.

Таблица 2

Понятие	Стандартный немецкий	Австрийский немецкий	Пример
глава земельного правительства, премьер-министр	der Ministerpräsident	<i>der Landeshauptmann</i>	<i>Landeshauptmann</i> Hans Sima, der Kreiskys Ortstafel-Gesetz exekutierte, muss gehen. Der Schock sitzt seither jedem Kärntner Politiker in den Knochen (Mannheimer Morgen, 20.01.2006).
парламент	der Bundestag (Бундестаг)	<i>der Nationalrat</i> (Национальный совет)	Insgesamt verfügt die Große Koalition über 134 der 183 Abgeordneten <i>im Nationalrat</i> und damit über eine deutliche Zwei-Drittel-Mehrheit im Parlament (Mannheimer Morgen, 09.01.2007).
фракция в парламенте	die Fraktion	<i>der Klub</i>	In <i>den Klubs</i> der Parteien wurde über die Gesetzesvorlage heftig diskutiert (https://www.parlament.gv.at/).
член земельного правительства	der Minister	<i>der Landesrat</i>	Der scheidende <i>Landesrat</i> Jörg Freunschlag (FP) wurde mit 14 von 35 Stimmen zum Zweiten Landtagspräsidenten gewählt (Tiroler Tageszeitung, 14.11.2000).
заседание кабинета министров	die Kabinettsitzung	<i>der Ministerrat</i>	In Österreich bezeichnet man mit dem Begriff <i>Ministerrat</i> das (meist wöchentliche) Treffen der Regierungsmitglieder (ministerrat">www.politik-lexikon.at>ministerrat).
принесение присяги (при вступлении в должность)	die Vereidigung	<i>die Angelobung</i>	Noch nicht fixiert ist der von ÖVP-Chef Wolfgang Schüssel noch vor <i>der Angelobung</i> verlangte Koalitionsausschuß (Vorarlberger Nachrichten, 25.01.1997).
беседа с представителями печати (встреча с журналистами)	das Pressegespräch	<i>das Pressefoyer</i>	Das traditionelle <i>Pressefoyer</i> mit Bundes- und Vizekanzler im Anschluss an die Regierungssitzung ist ab heute Geschichte ... (https://www.diepresse.com/5077233/kernschafft-traditionelles-pressefoyer-nach-ministerrat-ab).

Характерным словообразовательным элементом австрийского немецкого является суффикс *-ieren*. Примеры можно найти и в сфере политики: *akklamieren* (лат. *Acclamare: ad = zu, clamare = rufen*) – 1. mit Beifall bedenken (восторженно, бурно приветствовать, устраивать овацию кому-либо): Dem wurde eifrig *akklamiert*, doch ein Großteil der SPÖ-Anhänger, viele vom Pensionistenverband, wollten nur eines: dem Kanzler

nahe sein (Salzburger Nachrichten, 16.08.2013); 2. durch Zuruf wählen (избирать путём выражения всеобщего одобрения): Zum Abschluss des GÖD-Kongresses wurde der langjährige Vorsitzende Fritz Neugebauer per *Akklamation* zum Ehrenpräsidenten gewählt (Salzburger Nachrichten, 14.10.2016) [6, с. 345].

III. Рассмотрим особенности юридической лексики в австрийском немецком.

Таблица 3

Стандартный немецкий	Австрийский немецкий	Комментарий
Jura studieren (изучать право на юридическом факультете)	<i>Jus studieren</i> Wer Jus studieren möchte, muss sich darüber bewusst sein, dass er dadurch in den meisten Fällen nicht Anwalt oder Richter wird (www.studieren.at).	образовано от лат. <i>ius</i> , форма ед. ч. – <i>Jus</i> , мн. ч. – <i>Jura</i>
die Pfändung (наложение ареста на имущество должника)	<i>die Exekution</i> Bei <i>der Exekution</i> zur Hereinbringung von Geldforderungen hat der Gläubiger in seinem <i>Exekutionsantrag</i> zu wählen, auf welche Vermögensobjekte er greifen will (www.jusline.at).	лат. <i>ex(s)ecutio Exekution</i> означает в Австрии также <i>Vollstreckung</i> (исполнение судебного решения).
der Gerichtsvollzieher (судебный исполнитель)	<i>der Exekutor</i> <i>Der Exekutor</i> tritt als Justizbeamte auf, der die in formeller, staatlicher Weise festgestellte Forderungen der Gläubiger gegen ihre Schuldner durchsetzt (www.jusline.at).	лат. <i>ex(s)ecutor</i>
die Vernehmung (допрос участников процесса), также der Verhör	<i>die Einvernahme</i> Da genügt es oft schon, den Verdächtigen ein paar Zeilen schreiben zu lassen ... und nach <i>Einvernahme</i> durch die Gendarmerie nach Italien zurückzuweisen. (Tiroler Tageszeitung, 18.01.1996).	от средневерхненем. <i>vernehmen</i>

Стандартный немецкий	Австрийский немецкий	Комментарий
die Ermittlung (следствие, дознание)	<i>die Vorerhebung</i> Möglicherweise treten im Zuge der derzeit laufenden gerichtlichen <i>Vorerhebung</i> gegen den Beamten weitere Ungereimtheiten auf. (Die Presse, 06.06.2000.- Chronik/Wien)	<i>die Erhebung</i> – сбор данных, сведений
das Gefängnis (тюрьма)	<i>die Justizanstalt</i> Der Tatverdächtige wurde in die <i>Justizanstalt</i> Feldkirch eingeliefert. (Vorarlberger Nachrichten, 12.06.1997)	австр. сокращен. от <i>Justizvollzugsanstalt</i>

Целый ряд глагольных лексических единиц характерен только для австрийского юридического языка: *abstrafen* – *gerichtlich bestrafen* (наложить судебное взыскание); *einvernehmen* – *verhören* (допрашивать); *novellieren* – *ein Gesetz ändern* (изменять закон); *dirimieren* – *entscheiden* (принимать решение); *urgieren* – *hartnäckig auf eine Entscheidung drängen* (торопить, настаивать на принятии решения) [6, с. 345].

Юридический язык Австрии является более консервативным, чем в Германии, и часто содержит производные от латинских слов. Многие австрийские юридические обозначения воспринимаются немцами как устаревшие, например; *die Exekution* (нем. 1. Pfändung – наложение ареста на имущество должника; 2. Vollstreckung – исполнение судебного решения). В Германии и Австрии часто используются разные термины для идентичных правовых институтов, одни и те же термины могут иметь разные значения в обеих странах. Во всех правовых актах Европейского союза применяется специальная юридическая лексика, используемая в Германии, но не в Австрии. К сожалению, существующие немецкие юридические словари редко или не в полном объеме содержат специальные термины, характерные для австрийского немецкого.

Анализ экономической, юридической и общественно-политической лексики в австрийском национальном варианте немецкого языка показал, что данные лексические сферы национально маркированы и отличаются от стандартного немецкого языка Германии. Проведённое

исследование не претендует на полноту и не позволяет сделать окончательные выводы, но можно выделить ряд закономерностей.

Национально-культурная специфика лексики в Австрии в сферах экономики, политики и права в пределах нашей выборки выражается:

– в использовании собственных названий политических и правовых институтов, отличающихся от стандартного немецкого (*Landesrat/Minister; Exekutionsgericht/ Vollstreckungsgericht*);

– в латинском происхождении многих экономических и юридических терминов, так как латинский язык был официальным языком во всех учреждениях Австрии до XIX века (например, *lukrieren* – нем. Gewinn erzielen – получать прибыль; *Pl. Realitäten* – нем. Immobilien – недвижимое имущество; *refundieren* – нем. zurückerstatten – возместить; *die Remuneration* – нем. Vergütung – возмещение убытков);

– в использовании характерных для Австрийского немецкого словообразовательных элементов: *-werber* (канцелярск. „Bewerber“): *Asylwerber, Exekutionswerber, Subventionswerber; -zuckerl: Lohnzuckerl, Preiszuckerl, Sozialzuckerl, Steuerzuckerl; -ieren: akklamieren, plafon(d)ieren, novellieren, dirimieren.*

Приведённые выше выводы открывают перспективы новых исследований в этой области, материал подобных исследований может быть использован в педагогической практике для развития лингвокультурной компетенции студентов. Результаты исследования могут также найти применение в лексикографии.

Список литературы

1. Блохина Е.Н. Диалектная лексика как средство отражения культуры региона (на материале среднебаварского диалекта Верхней Баварии): Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. М., 2017. 228 с.
2. Ланских Ю.В. К дискуссии вокруг австрийского немецкого // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2016, № 2. С. 18-24.
3. Немецко-русский, русско-немецкий словарь: Политика. Общество. Экономика. Культура // Сост. Проф. Гандельман В.А. М.: Рольф: Айрис-пресс, 1999. 576 с.
4. Немецко-русский юридический словарь/ Под ред. П.И. Гришаева и М. Беньямина. М.: РУССО, 1995. 624 с.
5. Никифорова А.С. Немецко-русский словарь по бизнесу. М.: Словари, 1993. 496 с.
6. Яковлева Т.А. Лексические особенности глаголов в австрийском национальном варианте немецкого языка // В сборнике: Русская германистика. Тексты докладов XVI конференции Российского союза германистов, ежегодник Российского союза германистов. Н. Новгород, 2019. С. 339-350.

7. Яковлева Т.А. Проблемы межкультурной коммуникации на примере особенностей форм приветствия в Австрии и Германии// Концепт: философия, религия, культура. 2017, № 4. С. 153-160.
8. Duden. Das große Wörterbuch der deutschen Sprache in 8 Bänden. Hrsg. und bearb. von G. Drosdowski (Leitung). Mannheim, Wien, Zürich, 1993-1995. 4096 S.
9. Ebner J. Deutsch in Österreich – österreichisches Deutsch// Wörterbuch des österreichischen Deutsch/ Wie sagt man in Österreich? – Mannheim – Wien – Zürich: Dudenverlag, 2010. S.439 – 477.
10. Ebner J. Österreichisches Deutsch. Mannheim – Leipzig, Wien, Zürich: Dudenverlag, 2008. – 52 S.
11. Mayrhofer L., Krasa D. Österreichisch – Wort für Wort, Know-How Verlag Peter Rump, Bielefeld, 2016. 192 S.
12. Messina C. Die österreichischen Wirtschaftssprachen: Terminologie und diatopische Variation. – Berlin: Frank & Timme: Verlag für wissenschaftliche Literatur, 2015. 378 S.
13. Sedlaczek R. Das Österreichische Deutsch. – Wien: Verlag Carl Ueberreuter, 2004. 496 S.

Сведения об авторе:

Яковлева Татьяна Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры немецкого языка МГИМО (Россия, Москва). Сфера научных и профессиональных интересов: лингвокультурология, лингво-страноведение, межкультурная коммуникация, немецкий язык в Австрии, методика преподавания иностранных языков. E-mail: tatianayakovlevamg@yandex.ru

NATIONAL-CULTURAL SPECIFICITY OF AUSTRIAN GERMAN IN THE SPHERES OF ECONOMY, POLICY AND LAW

Tatiana A. Yakovleva

Moscow State Institute of International Relations (University), 76,
Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia

Abstract: *The article is devoted to the study of the national-cultural specifics of the German language in Austria in the fields of economics, politics and law. The introduction examines the pluricentric and pluriareal approaches to considering the status of Austrian German, which differ in understanding the language and the way it is described, emphasizes the role of the Bavarian-Austrian dialects in the formation of the German literary language and gives factors that influenced the linguistic development of Austria. The author introduces the typology of culturally-marked vocabulary. The study provides examples of full equivalents in German German and Austrian German, Austrian tokens, which serve to express concepts that are not in German culture and are denoted by the term 'equivalent vocabulary' and partially equivalent lexemes having a mismatch in the volume of denotative meaning. The main content of the study is to analyze the national-cultural specifics in the Austrian national version of the German language in the framework of the thematic groups "Economic vocabulary", "Socio-political vocabulary" and "Legal vocabulary". The results of this study may be of interest for use in linguistic studies courses in German-speaking countries and in pedagogical practice, as well as find application in lexicography.*

Key Words: *Austrian German, national version, regional standard, synchronous perspective, economic vocabulary, socio-political vocabulary, legal vocabulary*

References

1. Blohina E.N. Dialektnaia leksika kak sredstvo otrazheniia kul'tury regiona (na materiale srednebavarskogo dialekta Verhnei Bavarii) [Dialect vocabulary as a means of reflecting the culture of the region (on the material of the Middle Bavarian dialect of Upper Bavaria)]: Dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.04. M. 2017. 228 p.
2. Lanskih Iu.V. K diskussii vokrug avstriiskogo nemetskogo [To the discussion around Austrian German] // Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya. 2016. № 2. pp. 18-24.

3. Nemetsko-russkii. russko-nemetskii slovar: Politika. Obshchestvo. Ekonomika. Kultura [German-Russian. Russian-German dictionary: Politics. Society. Economy. Culture]// Sost. Prof. Gandelman V.A. M.: Rolf: Ayris-press. 1999. 576 p.
4. Nemetsko-russkii Iuridicheskii slovar' [German-Russian Law Dictionary]/ Pod red. P.I. Grishayeva i M. Beniamina. M.: RUS-SO. 1995. 624 p.
5. Nikiforova A.S. Nemetsko-russkii slovar po biznesu [German-Russian business dictionary]. M.: Slovare. 1993. 496 p.
6. Yakovleva T.A. Leksicheskie osobennosti glagolov v avstriyskom natsional'nom variante nemetskogo iazyka [Lexical features of verbs in the Austrian national version of the German language] // V sbornike: Russkaia germanistika Teksty dokladov XVI konferentsii Rossiyskogo soiuza germanistov. Ezhegodnik Rossiyskogo soiuza germanistov. N. Novgorod. 2019. pp. 339-350.
7. Yakovleva T.A. Problemy mezhkulturnoi kommunikatsii na primere osobennosti form privetstviia v Avstrii i Germanii [Problems of intercultural communication on the example of features of greeting forms in Austria and Germany]// Kontsept: filosofii. religii. kultura. 2017. № 4. S. 153-160.
8. Duden. Das große Wörterbuch der deutschen Sprache in 8 Bänden. Hrsg. und bearb. von G. Drosdowski (Leitung). Mannheim, Wien, Zürich, 1993-1995. 4096 S.
9. Ebner J. Deutsch in Österreich – österreichisches Deutsch// Wörterbuch des österreichischen Deutsch/ Wie sagt man in Österreich? – Mannheim – Wien – Zürich: Dudenverlag, 2010. S.439 – 477.
10. Ebner J. Österreichisches Deutsch. Mannheim – Leipzig, Wien, Zürich: Dudenverlag, 2008. 52 S.
11. Mayrhofer L., Krasa D. Österreichisch – Wort für Wort, Know-How Verlag Peter Rump, Bielefeld, 2016. 192 S.
12. Messina C. Die österreichischen Wirtschaftssprachen: Terminologie und diatopische Variation. Berlin: Frank & Timme: Verlag für wissenschaftliche Literatur, 2015. 378 S.
13. Sedlaczek R. Das Österreichische Deutsch. Wien: Verlag Carl Ueberreuter, 2004. 496 S.

About the author:

Yakovleva Tatiana A. – PhD, Associate Professor, Assistant Professor of Department of German Language MGIMO University (Moscow, Russia). Spheres of research and professional interest: linguistic and cultural studies, linguistic and regional studies, intercultural communication, German in Austria, methods of teaching foreign languages.
E-mail: tatianayakovlevamg@yandex.ru

* * *

Уважаемые читатели!

Подписаться на наш журнал можно по полугодиям в дни открытия подписки
в почтовых отделениях России и стран СНГ.

Подписной индекс в каталоге АО «Агентство Роспечать» **80991**.

Научное издание

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ В МГИМО № 3(23) 2020

Главный редактор: В.А. Иовенко.

Корректурa: Т.А. Ивушкина

Компьютерная верстка: Д.Е. Волков

Распространяется по подписке. Подписной индекс в каталоге АО «Агентство Роспечать» 80991.

Цена свободная.

Подписано в печать 01.09.2020 г. Формат 60x84¹/₈. Бумага офсетная. Печать цифровая.

Усл. печ. л. 17,25. Тираж 500 экз. Заказ 633.

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии и множительной техники МГИМО МИД России:
119454, Москва, пр. Вернадского, 76.